В. Г. БЕРЕЗИНА

Русская журналистика

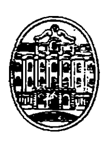

второй четверти XIX века (1840-е годы)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. Г. БЕРЕЗИНА

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА
(1840-е годы)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1969

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Работа является продолжением учебного пособия «Русская журналистика второй четверти XIX века (1826—1839 годы)», вышедшего в 1965 г. Она посвящена периоду, когда началось формирование революционно-демократической печати.

По сравнению с существующей учебной литературой в данной работе значительно больше внимания уделено газетам и типологической характеристике периодики.

Центральное место в учебном пособии отведено журналистской деятельности В. Г. Белинского. Здесь рассмотрено формирование журнальной теории великого критика и публициста, охарактеризованы жанры его выступлений в печати, показаны основные черты, свойственные статьям Белинского.

Учебное пособие рассчитано на студентов-журналистов и филологов, а также на всех интересующихся историей нашей печати.

$\frac{7—2—2}{141—69}$

Березина Валентина Григорьевна

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА (1840-е годы)

Редактор *Л. А. Карпова*

Техн. редактор *В. С. Кузина* Корректоры *С. И. Сорина, А. С. Качинская*

М-18604. Сдано в набор 28 VIII 1968 г. Подписано к печати 24 I 1969 г.
Формат бум. 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Печ. л. 7. Уч.-изд. л. 7,65.
Бум. л. 3,5. Тираж 4000. Заказ 487. Цена 18 коп.
Издательство ЛОЛГУ им. А. А. Жданова.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград, Университетская наб., 7/9.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

В 40-е годы XIX в. происходят заметные сдвиги в экономической, политической и культурной жизни России. В русскую экономику все сильнее проникают капиталистические отношения. Многие отрасли промышленности начинают применять машинную технику. Наиболее дальновидные помещики переходят на капиталистические методы ведения хозяйства, усиливая и без того непомерную эксплуатацию крепостного крестьянства. Ф. Энгельс так писал в 1848 г. о капитализации русской экономики: «В России развитие промышленности идет гигантскими шагами и даже бояр все более и более превращает в буржуа».[1] Растет внутренняя торговля, расширяются торговые связи России с зарубежными странами, причем по-прежнему оборудование импортируется из-за границы. Развитие капиталистических отношений в недрах крепостного строя привело к формированию и укреплению таких социальных слоев, как промышленная и торговая буржуазия (купечество), разночинная интеллигенция.

Одновременно происходит дальнейшее закабаление крепостного крестьянства, что усиливает народное недовольство. По сравнению с 1830-ми годами число крестьянских волнений в 1840-е годы возросло более чем вдвое: если с 1831 по 1840 г. их было 143, то с 1841 по 1850 г. — уже 351. По далеко не полным данным III отделения, в 1840-е годы восставшими крестьянами были убиты 102 помещика и 52 управляющих имениями и совершено 85 неудавшихся покушений на помещиков и управителей.[2] Как писал Белинский в зальцбруннском письме Гого-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. М., Госполитиздат, 1955, стр. 468.

[2] Свод данных о положении крестьян и крестьянских волнениях в 1840-е годы см.: Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., Учпедгиз, 1952, стр. 5, 56—84.

лю в июле 1847 г., «само правительство... хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых».[3] В ежегодных отчетах царю III отделение не могло скрыть своего беспокойства в связи с все нарастающей волной народного недовольства. Например, в отчете 1843 г. говорилось, что «мысль крестьян о свободе год от году более угрожает опасностью на будущие времена России».

Усиление массового народного движения, свидетельствующее об обострении основных общественных противоречий внутри самодержавно-крепостнического государства, стимулировало прогрессивно настроенную русскую интеллигенцию искать пути к разрешению этих противоречий с учетом достижений передовых социалистических учений Запада (и прежде всего утопического социализма). Не случайно В. И. Ленин 1840-е годы в России считал началом поисков «правильной революционной теории».[4] Эти поиски осуществлялись под руководством Белинского и Герцена, которым приходилось вести ожесточенную борьбу не только с защитниками «официальной народности», но также со славянофилами и либералами-западниками.

Теория «официальной народности» (самодержавие, православие и народность), сформулированная помощником министра народного просвещения С. С. Уваровым в 1832 г. и положенная в основу правительственной политики в области просвещения, с особенной настойчивостью проводилась в 1840-е годы. Министр просвещения Уваров не скупился на распоряжения и предписания в защиту этой теории. Либеральный профессор Петербургского университета, редактор журнала «Современник» А. В. Никитенко вспоминал о чрезвычайном собрании совета университета в мае 1847 г., на котором читали предписание министра, составленное по приказу царя и объясняющее, «как надо понимать нам нашу народность». Никитенко так передал общий смысл уваровского циркуляра: «Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию».[5] Идеи «официальной народности» находили поддержку как в правительственных органах, так и в частной периодике— изданиях Булгарина и Греча, Шевырева и Погодина, Бурачка и др. Эти издания пользовались покровительством правительства, и потому открытая полемика с ними была затруднена. Более свободно можно было полемизировать со славянофильством, не являвшимся официальной идеологией. Славянофильство как идейное течение сложилось в начале 1840-х годов, хотя первые выступления славянофилов (правда, преимущественно в московских литературных салонах и светских гостиных, а не

---

[3] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. X. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 213 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы).

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.

[5] А. В. Никитенко. Дневник, т. 1. Л., Гослитиздат, 1955, стр. 306.

в периодике) относятся еще к 1839 г. Виднейшими идеологами славянофильства были К. С. и И. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и др.

Некоторые моменты славянофильского учения давали повод правительству рассматривать кружок славянофилов как оппозиционную группировку. Славянофилы, выражая интересы капитализирующихся помещиков, требовали отмены крепостного права и цензурного произвола, упрощения бюрократического аппарата, созыва Земского собора, развития просвещения. Они призывали к мирному разрешению общественных противоречий путем «даруемых» правительством реформ. Примыкая в основном к правому флангу в русском либерализме, славянофилы в трактовке ряда вопросов мало чем отличались от идеологов «официальной народности». Они настойчиво утверждали, что у России, в силу ее национальной самобытности, особый путь исторического развития, ничего общего не имеющий с капиталистическим Западом, а самобытность русского национального характера они видели в религиозности, смирении, покорности, в подчинении разума вере. Если Западу, по мысли славянофилов, свойственны революционные потрясения, то Россия через сельскую общину сохранит свою патриархальность и никогда не узнает капитализма, который «исходит революциями». Славянофилы, решительно осуждая все проявления народного недовольства как внутри страны, так и на Западе, резко критиковали передовые тенденции в науке и искусстве Западной Европы, всемерно противились проникновению в Россию материалистических и социалистических идей. В своих философско-исторических построениях славянофилы опирались на «философию откровения» позднего Шеллинга, которого они высоко ценили за стремление соединить веру и науку «в одно умозрительное целое». Герцен так писал в «Былом и думах» о реакционной сущности учения славянофилов: «Мы видели в их учении новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви».[6] Полемизируя со славянофилами, Белинский и Герцен подчеркивали главным образом те моменты, которые сближали славянофильство с «официальной народностью».

В 40-е годы в общественном движении и общественной мысли сложилось еще одно направление — либеральное западничество, противостоявшее как славянофильству, так и революционной демократии и объединявшее большое число ученых, литераторов и критиков. Наиболее известными представителями его были Т. Н. Грановский, П. В. Анненков, К. Д. Кавелин, В. П. Боткин, А. Д. Галахов, Е. Ф. Корш. Выступая за проведение буржуазных реформ в крестьянском вопросе, в судопро-

[6] А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. IX. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 133. (В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы).

изводстве, просвещении, цензуре и т. д., они преклонялись перед государственным устройством и культурой буржуазного Запада, считали капиталистический строй идеальным, вечным, незыблемым и мечтали о победе его в России. В борьбе со славянофилами и «официальной народностью» Белинский иногда выступал совместно с либералами, но в то же время он довольно резко полемизировал с ними, показывая антидемократический характер буржуазной цивилизации, предательскую роль буржуазии в отношении к простому народу в пору буржуазных революций.

Подходя глубоко диалектически и исторически к дальнейшему развитию России, Белинский признавал, что для отсталой феодальной России капитализм будет шагом вперед, как бы ни противились этому славянофилы, убежденные в том, что сельская община будто бы избавит Россию от капитализма. В отличие же от либералов-западников Белинский, прекрасно видя темные стороны этого строя и призывая бороться с ними, рассматривал капиталистический строй как временный на пути к свободному социалистическому устройству, переход к которому, по его мысли, произойдет не посредством реформ, а через революцию, которую он представлял себе (в силу отсталости России) как революцию крестьянскую: пролетариата как носителя нового общественного строя он еще не видел, да и не мог видеть.

1840-е годы — очень важная веха в истории русской общественной мысли. Это были «годы внешнего рабства при внутреннем освобождении» (Герцен), начало «эпохи сознания» (Белинский). Обострение социальных противоречий, выдвижение вопроса о крепостном праве как центрального вопроса политической и экономической жизни страны, поиски путей будущего развития России — все это способствовало перемещению интереса современников с вопросов философских и литературно-эстетических в сторону вопросов общественно-политических, экономических, исторических и научно-практических, от чисто литературной критики к публицистике. По свидетельству Н. Х. Кетчера (друга Герцена, Огарева и Белинского), в середине 1840-х годов «изучение наук социальных, политической экономии и истории» стало «животрепещуще».[7] Но общественно-политическая тематика, продолжая оставаться запретной для частных периодических изданий, попадает на страницы подцензурной печати в научных и литературно-критических статьях, а также в художественных произведениях и в заметках «Смеси». По свидетельству Герцена, Россия 1840-х годов «входила тогда в ту эпоху возбужденности умственных интересов, когда литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни» (IX, 152). Ценность литературного произве-

---

[7] Письмо А. И. Герцену от конца февраля 1845 г. «Русская мысль», 1892, № 9, стр. 11.

дения определяется прежде всего тем, в какой степени оно выражает современные общественные интересы. Белинский писал: «В наше время литература и искусство больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов, потому что в наше время эти вопросы стали общее, доступнее всем, яснее, сделались для всех интересом первой степени, стали во главе всех других вопросов» (X, 306).

Еще большее значение в воспитании передового общественного мнения получила в 40-е годы литературная критика, которая приобрела боевой публицистический характер. Как писал впоследствии Чернышевский, демократическая критика 1840-х годов была «средством распространения человеческого взгляда на вещи».[8] Горячие споры разгорелись в связи с выходом «Героя нашего времени» и «Стихотворений» Лермонтова, «Мертвых душ» и «Выбранных мест» из переписки с друзьями» Гоголя, а также произведений так называемой «натуральной школы». Оценки этих литературных явлений определяли не только литературно-эстетическую, но и общественно-политическую позицию периодических изданий и отдельных критиков.

«Натуральная школа» — особое направление в русском реализме, которое сложилось в середине 1840-х годов. Родоначальником его был Гоголь, теоретиком и организатором — Белинский. О новой школе заговорили после выхода в 1845 г. двух частей альманаха Некрасова «Физиология Петербурга». В первую часть вошли четыре художественных «физиологических» очерка — «Петербургские углы» Некрасова, «Петербургский дворник» В. И. Даля, «Петербургские шарманщики» Д. В. Григоровича, «Петербургская сторона» Е. П. Гребенки.[9] Белинский поместил здесь статью-очерк «Петербург и Москва» и вступи-

---

[8] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16-ти томах, т. XV. М., Гослитиздат, 1950, стр. 905. (В дальнейшем высказывания Чернышевского цитируются по данному изданию с указанием тома и страницы.)

[9] «Физиологический очерк» — один из ведущих жанров «натуральной школы». Во многом обязанный творчеству Пушкина, Гоголя и Лермонтова, наш физиологический очерк испытал заметное воздействие западноевропейских (и прежде всего французских) литературных сборников «физиологий». В 1830—1840-е годы во Франции широкое распространение получил особый вид нравоописательного очерка — так называемые «физиологии», которые издавались отдельными маленькими книжечками (так называемые «карманные физиологии») или входили в состав многотомных коллективных сборников, причем текст часто сопровождался иллюстрациями сатирического или жанрового характера.

Самые термины «физиология», «физиологический», привнесенные в эстетику из естественных наук, подчеркивали стремление литераторов исследовать «природу» современного общества всесторонне и глубоко, с опорой на научную методику, применяемую в естественных науках. В это время в передовом естествознании, и особенно в биологии, начинает разрабатываться эволюционный (исторический) метод, объясняющий происхождение и развитие «видов» животного и растительного мира условиями существования, т. е. зависимостью от окружающей среды. И авторы литературных «физиологий», используя биологические теории взаимоотношения человека со средой, рассматривали общество как единый «социальный организм», состоящий из отдельных «ви-

тельную статью к сборнику, которую современники восприняли как манифест новой литературной школы. Белинский показал значение этой школы в выработке «верного взгляда на вещи», т. е. критического отношения к самодержавно-крепостнической действительности. Позже, в статье «Ответ „Москвитянину"» Белинский подчеркивал, что «отрицание составляет действительно преобладающее направление новой школы» (X, 239). Самый термин «натуральная школа» принадлежал Булгарину, который в рецензии на второй альманах Некрасова — «Петербургский сборник» («Северная пчела», 1846, № 22) так назвал новую школу, желая ее унизить и оскорбить. Белинский подхватил это определение, лишил его ругательного оттенка и сделал знаменем молодого демократического искусства.

Писатели «натуральной школы» обращались преимущественно к демократической тематике. Они реалистически, правдиво изображали тяжелое положение городской и деревенской бедноты, внутренний мир «униженных и оскорбленных». Впервые так широко были представлены в литературе демократические слои населения — крепостные крестьяне, мелкий ремесленный и торговый люд, бедные чиновники, разночинная интеллигенция и т. д. Произведения писателей «натуральной школы» были проникнуты духом гуманизма: в них доказывалось, что человеческое достоинство свойственно и простым людям — даже в большей степени, чем «благородным». К лучшим произведениям «натуральной школы» принадлежали роман Герцена «Кто виноват?» и его повесть «Доктор Крупов», «Бедные люди» и другие повести Достоевского, «Деревня» и «Антон Горемыка» Григоровича, «Записки охотника» Тургенева, повести Гребенки, фельетоны Некрасова и Панаева, очерки Даля и др. О том, что в основе «натуральной школы» лежал «протест и отрицание», прекрасно понимало и правительство. Даже почти через двадцать лет в официальном документе говорилось: «Изучение действительности во имя этой „натуральной школы" заключалось, с одной стороны, в собирании всех возможных аргументов, способных доказать полную неудовлетворительность и негодность тогдашнего государственного, гражданского и общественного строя нашего, а с другой стороны, в поклонении материализму и реализму с целью действовать разрушительно на некоторые

дов» (или «типов») — носителей наиболее характерных черт какой-то группы или слоя народонаселения данной страны (сословия, профессии и т. д.). Белинский высоко ценил французские «физиологии», наполненные «живым, верным изображением действительности» (VII, 23).

В отличие от французских литераторов авторы русских физиологических очерков — Некрасов, Тургенев, Григорович, Даль, Гребенка, Толбин и др. — основное внимание уделяли демократическим слоям населения. О развитии жанра «физиологического очерка» в России и на Западе см.: А. Г. Цейтлин. Становление реализма в русской литературе (Русский физиологический очерк). М., изд. «Наука», 1965; Т. Якимович. Французский реалистический очерк 1830—1840 гг. М., Изд. АН СССР, 1963.

религиозные и нравственные убеждения, имевшие у нас авторитет в то время».[10]

Завоевания передовой русской общественной мысли, литературы и журналистики, столь ощутимые в 1840-е годы, с трудом были удержаны в пору так называемого «мрачного семилетия» (1848—1855). В ответ на революционные события на Западе усиливается реакция внутри страны. Прежде всего это коснулось просвещения и журналистики. Из университетского преподавания изгоняются курсы философии и права, зато непомерно расширяется курс богословия. Стремясь полностью отгородить учащуюся молодежь от веяний современности, Уваров в декабре 1848 г. строжайше запретил университетам выписывать журналы и газеты.

Вводятся особо строгие цензурные меры в отношении журналистики. Еще в конце февраля 1848 г. Николай I распорядился: «Необходимо составить комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы».[11] Во главе созданного комитета был поставлен князь А. С. Меншиков, ставший верховным цензором. Меншиковский комитет учредил строгую ревизию всем периодическим изданиям; он с похвалой отозвался о реакционных органах печати (о «Северной пчеле», «Москвитянине» и др.) и осудил за «вредное направление» «Отечественные записки» и «Современник». На смену временному меншиковскому комитету пришел постоянный секретный «Комитет 2 апреля» под председательством Д. П. Бутурлина, призванный осуществлять контроль над «духом и направлением» печатной продукции, особенно журналов и газет. Просуществовал бутурлинский комитет до конца 1855 г. За это время комитет издал бесконечное число «запретительных» распоряжений, касающихся не только частных, но и официальных изданий. Главная цель этих распоряжений — лишить периодику какого бы то ни было общественного звучания. Даже казенные газеты не могли печатать политическую зарубежную информацию. Заметив, что некоторые официальные газеты (например, «Русский инвалид» и «Санкт-петербургские ведомости») «читаются и всеми мелкими чиновниками, и на гостином дворе, и в трактирах, и в лакейских», Бутурлин заявил, опираясь на мнение царя: «В таком смысле нет, без сомнения, никакой пользы и надобности, чтобы эти многочисленные читатели, из коих самая большая часть стоит на низшей степени образования и общественной лестницы, знали, например, что в Париже трон выброшен в окно и всенародно сожжен».[12]

---

[10] Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг. СПб., 1865, стр. 9.

[11] «Русская старина», 1903, № 7, стр. 137.

[12] «Русская старина», 1872, № 5, стр. 784.

В силу цензурных условий и потому, что напуганные редакторы постоянно опасались за судьбу своих изданий, в годы «мрачного семилетия» публицистическая струя вновь заметно ослабевает на страницах органов печати. В журналистике стали преобладать сухие научные статьи, развлекательная беллетристика. Литературная критика приобрела информационно-библиографический характер и зачастую сбивалась на «буквоедство», по словам Чернышевского, который писал А. И. Костомарову летом 1853 г.: «Как пример перемены, происшедшей во всех областях умственной деятельности, укажу вам современное направление литературной критики. Она обратилась в чистую библиографию. Место Белинского занимают теперь Геннади и Тихонравов, знающие наизусть Сопикова и смирдинский каталог с тремя прибавлениями» (XV, 905).

Только в пору общественного подъема, последовавшего за смертью Николая I (1855 г.) и поражением России в Крымской войне (1856 г.), русская журналистика смогла продемонстрировать свои боевые публицистические качества, и прежде всего благодаря деятельности Чернышевского, Добролюбова и их единомышленников.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ 1840-х ГОДОВ. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗДАНИЙ

Важные изменения происходят в журналистике 1840-х годов, причем не столько количественные, сколько качественные, связанные с небывалым до сих пор усилением роли демократической прессы.

1840-е годы не были богаты числом новых периодических изданий. С 1840 по 1850 г. возникло всего 80 новых журналов, газет и сборников, т. е. даже меньше, чем в первом десятилетии XIX века, — и это несмотря на то, что потребность в периодике возросла в несколько раз. Территориально эти 80 изданий распределялись так: Петербург — 50, Москва — 17, другие города — 13. Половина всех периодических изданий принадлежала правительственным и государственным организациям — министерствам, департаментам и т. д. Это была в основном ведомственная специализированная (экономическая, техническая и т. п.) периодика. Герцен так писал о засилии казенных изданий в 1840-е годы: «В то время как в Англии, например, совсем нет казенных журналов, у нас каждое министерство издает свой... У нас есть журналы горные и соляные, французские и немецкие, морские и сухопутные. Все это издается на казенный счет, подряды статей делаются в министерствах так, как подряды на дрова и свечи, только без переторжки; недостатка в общих отчетах, выдуманных цифрах и фантастических выводах не бы-

вает. Взявши все монополи, правительство взяло и монополь болтовни, оно велело всем молчать и стало говорить без умолку» (VIII, 305).

В очень тяжелые условия была поставлена частная периодика. Министерство просвещения и III отделение постоянно напоминали цензорам о необходимости с особой строгостью следить за периодическими изданиями. Кроме того, продолжало действовать распоряжение 1836 года, запрещавшее предоставлять частным лицам права на выпуск энциклопедических, т. е. общественно-литературных и научно-литературных изданий. Так, например, Т. Н. Грановскому не удалось получить разрешения на издание с 1845 г. в Москве журнала «Ежемесячное обозрение», который должен был объединить передовую московскую интеллигенцию во главе с Герценом и в котором намечалось сотрудничество Белинского. С 1837 по 1850 г. появилось только четыре новых журнала общего характера — «Маяк» (1840—1845), «Москвитянин» (1841—1856), «Русский вестник» (1841—1844) и «Финский вестник» (1845—1847), реорганизованный затем в «Северное обозрение» (1848—1849). Первые три журнала — открыто реакционные издания; их руководителям, людям вполне благонадежным, правительство сделало исключение из общего правила, доверив выпуск журналов как средство борьбы с передовой периодикой. Что касается журнала «Финский вестник», то он был разрешен как двухмесячный специальный сборник, посвященный знакомству России со Скандинавией (и в том числе с Финляндией), но его издателю и сотрудникам удалось выйти за эти узкие пределы и превратить специальный сборник в передовой общественно-литературный журнал, освещавший в основном вопросы русской жизни.

Почти все новые частные издания носили специальный характер; это были промышленно-хозяйственные, медицинские, ветеринарные, педагогические, музыкальные, театральные издания, а также посвященные модам, женскому рукоделию и т. д. Вообще, с точки зрения типологии, отраслевые издания в 1840-е годы количественно берут верх над универсальными, т. е. энциклопедическими.

Дальнейшее развитие получают иллюстрированные периодические издания. В 1840-е годы продолжает издаваться московское «Живописное обозрение» (1835—1844) — первый русский иллюстрированный еженедельник, в котором Н. А. Полевой принимал участие как автор и неофициальный редактор. В 1845 г. Н. В. Кукольник начинает выпускать в Петербурге аналогичное по типу издание — «Иллюстрация». Однако еженедельник Кукольника значительно уступал «Живописному обозрению» и из-за недостатка подписчиков его выход прекратился на 3-м номере за 1849 г. Очень интересным изданием был альбом карикатур «Ералаш», который выходил в Петербурге в 1846—1849 гг. по четыре тетради в год. В составлении

альбома участвовал художник-карикатурист Н. А. Степанов, впоследствии один из издателей сатирического журнала «Искра». Хотя «Ералаш» основное внимание уделял бытовой сатире, сатирическим картинкам литературной и театральной жизни, но иногда на его страницах встречались примеры социальной сатиры (в частности, обличение сословных предрассудков), что способствовало успеху издания у демократического читателя и вызвало трения с цензурой.

С иллюстрациями выходят в 1840-е годы многие альманахи и сборники, встречаются иллюстрации и в газетной периодике. Получает распространение такая форма иллюстрации, как политипаж, когда рисунок печатается с клише, отлитого с гравированной деревянной или металлической доски, что значительно удешевляет художественное оформление издания (впрочем, в то время политипажем называли также оригинальную гравюру на дереве и оттиск с нее). Становление русской реалистической иллюстрации тесно связано с зарождением и развитием у нас жанра физиологического очерка. С 1841 г. под редакцией писателя А. П. Башуцкого выходит сборник очерков «Наши, списанные с натуры русскими» (вышло 14 выпусков) с политипажными изображениями разных слоев общества и различных профессий, положивший начало серии иллюстрированных литературных сборников.[13] Наиболее интересными из них были альманахи Некрасова «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846), а также изданный Некрасовым и Панаевым, но запрещенный к выпуску в свет «Иллюстрированный альманах» (1848). Последний состоял из повестей, рассказов и очерков Панаева, Достоевского, Даля, Гребенки и др.; иллюстраторами были известные русские художники А. Агин, Н. Степанов, П. Федотов и др. Среди иллюстраций выделялась карикатура «Белинский, не узнающий свою статью после ее напечатания».[14]

В журналистике 1840-х годов отчетливо наметились три направления: демократическое, либеральное и реакционное.

Сороковые годы характеризуются усиленным ростом демократической журналистики в связи с общей демократизацией

---

[13] Широкое распространение иллюстрации в 1840-е годы Некрасов отметил в фельетоне «Говорун» (1843):

Цепями модой скованный
Изменчив человек —
Настал иллюстрированный
В литературе век.
С тех пор, как шутка с «Нашими»
Пошла и удалась,
Тьма книг с политипажами
В столице развелась.

[14] О книжной иллюстрации и политипажах в альманахах и сборниках 1840-х годов см.: Д. Чаушанский. Белинский и русская реалистическая иллюстрация 1840-х годов. «Литературное наследство», т. 57. М., Изд. АН СССР, 1951, стр. 327—356.

русской общественной мысли. Самыми влиятельными органами эпохи становятся петербургские журналы «Отечественные записки» и «Современник», причем той поры, когда в них участвовал Белинский. Если в предыдущее десятилетие ведущая роль принадлежала московской журналистике, то в 40-е годы Петербург вновь становится центром передовой общественной мысли, а вместе с тем и центром передовой журналистики. «Отечественные записки» и «Современник» при Белинском имели огромное воспитательное значение, являлись идейными руководителями прогрессивно настроенной молодежи всей России; они заложили основы революционно-демократической журналистики, развитые впоследствии Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым, Салтыковым-Щедриным. С «Отечественными записками» и «Современником» 1840-х годов в русскую журналистику вошел тип литературного ежемесячника, объединявшего на своих страницах самых передовых ученых, литераторов и критиков. Редакции этих журналов при Белинском стали подлинными штабами русской демократии, и никто другой, как Белинский, начал это объединение передовых сил молодой России. Герцен писал об этом в «Былом и думах»: «В ту глухую ночь, когда „Москвитянин" тонул и „Маяк" не светил ему больше из Петербурга, Белинский, вскормивши своею кровью „Отечественные записки", поставил на ноги их побочного сына (т. е. „Современник") и дал им обоим такой толчок, что они могли несколько лет продолжать свой путь... Белинского имя было достаточно, чтоб обогатить два прилавка (т. е. принести доход издателям обоих журналов) и сосредоточить все лучшее в русской литературе в тех редакциях, в которых он принимал участие» (IX, 169). Свое влияние «Отечественные записки» распространяли частично через газетные издания — «Литературную газету», «Русский инвалид», «Московские ведомости» и «Санкт-петербургские ведомости», в которые иногда проникали элементы демократизма.

Либеральная периодика была представлена «Современником» при Плетневе (до 1847 г.), «Отечественными записками» после ухода из них Белинского (с 1846 г.) и в какой-то мере «Финским вестником». К этим журналам многими сторонами примыкали газеты «Русский инвалид», «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Литературная газета». Позиция «Финского вестника» была довольно сложной, так как в отдельные периоды и по отдельным вопросам журнал выступал в союзе с «Отечественными записками» и «Современником», когда в них сотрудничал Белинский.

Реакционная журналистика, в 1830-е годы состоявшая из изданий «триумвирата» — Булгарина, Греча и Сенковского («Сын отечества», «Северная пчела» и «Библиотека для чтения»), в 1840-е годы пополнилась тремя новыми журналами: «Русским вестником», «Маяком» и «Москвитянином». Своим разрешением на выпуск этих трех журналов правительство оказало реальную

поддержку реакционной периодике, которая в этом действительно нуждалась, так как влияние изданий «триумвирата» в 1840-е годы было сильно подорвано ростом демократической прессы. Если в 1830-е годы «Северная пчела» распространялась в количестве 5 тысяч экземпляров, то в 1840-е годы тираж ее едва превышал 3 тысячи. Тираж «Библиотеки для чтения» упал с 7 тысяч до 3 тысяч.

Ни к чему не привела и попытка оживить «Сын отечества». Н. А. Полевой, бывший в 1838—1840 гг. его негласным редактором и активным сотрудником, сумел на время поднять интерес к журналу: число подписчиков при Полевом выросло с 300 до 2000 человек. Но в 1841 г. Полевой отошел от «Сына отечества», и журнал начал переходить из рук в руки, меняя структуру и периодичность. Номера опаздывали и недодавались подписчикам; с середины 1844 г. «Сын отечества» в течение двух с половиной лет вообще не выходил.

Поэтому «Русский вестник», созданный в 1841 г., должен был как бы заменить «Сын отечества». Издание журнала было разрешено Гречу, который в качестве основного помощника пригласил Н. Полевого, доверив ему со следующего, 1842 г. общее руководство журналом. Полевой приступил к новому журнальному предприятию скорее всего с целью поправить свои материальные дела. Он писал брату Ксенофонту в ноябре 1841 г.: «„Вестник" на 1842 год... будет только средством иметь тысяч 25 в годовом перевороте». Полевой приложил много сил, чтобы придать журналу живость и разнообразие. Большое внимание он уделял отделам критики и библиографии, ввел сатирический отдел «Листок полезного и забавного веществословия», в котором помещал нравоописательную сатиру типа «улыбательной» сатиры «Северной пчелы». Полевой рассчитывал, что «Русский вестник» соберет 1000 подписчиков, а их оказалось менее 500. Читателей оттолкнула открытая реакционность позиции нового журнала, его непонимание социальных романов Диккенса и Жорж Санд, неверное истолкование творчества Лермонтова и Гоголя. Полевой видел в «Ревизоре» только «фарс», в котором будто бы «нет ни драмы, ни цели, ни завязки, ни развязки, ни определенных характеров. Язык в нем неправильный, лица — уродливые гротески, а характеры — китайские тени, происшествие—несбыточное и нелепое, но все вместе уморительно смешно, как русская сказка о тяжбе ерша с лещом» («Русский вестник», 1842, № 1). «Мертвые души», которые Белинский причислял к тем «капитальным произведениям, которые составляют эпохи в литературах» (VI, 527), Полевой рассматривал как «шутку», «грубую карикатуру» на современную действительность. По мнению Полевого, «Мертвые души» отличаются «бедностью» содержания, «держатся на небывалых и несбыточных подробностях»; языку поэмы Гоголя будто бы свойственны «беспрестанные промахи и ошибки против этимологии и синтакси-

са», «против логики и грамматики» («Русский вестник», 1842, № 6). «Мертвые души» трактуются Полевым как произведение антихудожественное и антипатриотическое.

Выпустив шесть книжек «Русского вестника» за 1842 г., Полевой оставляет журнал, который после его ухода стал заполняться историческими материалами, специальными статьями и сухими перечнями книг и совершенно растерял подписчиков. В 1843 г. «Русский вестник» вообще не выходил, в 1844 г. вышел всего один номер. На этом издание журнала прекратилось. Что касается Полевого, то он до 1845 г. сотрудничал еще в «Северной пчеле» и «Библиотеке для чтения», потом порвал с этими изданиями с тем, чтобы примкнуть к кругу «Отечественных записок» и «Литературной газеты» Краевского.

Два других новых журнала — «Москвитянин» и «Маяк», являясь оба органами «официальной народности», отличались между собой тем, что правительственные взгляды защищались «Маяком» с неприкрытой откровенностью, а «Москвитянином» — более тонко и замаскированно, под покровом академической учености и лжедемократизма.

ГАЗЕТЫ 1840-х ГОДОВ

Как и прежде, газеты в 1840-е годы все еще отстают в своем развитии от журналов. Новых газет в 1840-е годы возникло очень немного, вдвое меньше, чем в предыдущие десять лет. Не считая «Губернских ведомостей», в 1829—1839 гг. насчитывалось 19 новых газетных изданий (частных — 13, правительственных и казенных — 6), а в 1840—1850 гг. — только 9 (частных — 6, правительственных и казенных — 3).

Правительственная общественно-политическая газетная периодика была представлена «Губернскими ведомостями» и официальными изданиями, которые начали появляться в национальных окраинах России, причем правительство строго наблюдало, чтобы неофициальный отдел в них занимал подчиненное положение и ограничивался публикацией статистических и этнографических материалов и разного рода объявлений. В целях усиления воздействия на современников в духе правительственных идей, издаются две новые официальные газеты — «Ведомости санкт-петербургской городской полиции» (1839—1917) и «Ведомости московской городской полиции» (1848—1917). Из отраслевых правительственных газет по-прежнему наиболее влиятельной оставалась «Земледельческая газета» (например, в 1841 г. у нее было 6000 подписчиков). Определяя «Земледельческую газету» как «орган мнений помещиков», Белинский в то же время считал ее «очень интересной газетой» (XII, 439). Частных газет было еще меньше, чем в 1830-е годы, причем по-прежнему из всех частных газет только «Северная пчела» издавалась как газета литературная и политическая. Остальные частные газеты были чисто литературными, научно-литературными или хозяйст-

венно-экономическими. Хлопоты издателей этих газет вывести их за рамки утвержденной программы и включить политические известия обычно ни к чему не приводили. Как и раньше, в газетах 1840-х годов преобладали информационные жанры; наша периодика тогда еще не знала ни передовых статей, ни политических обозрений, они появились только в пору общественного подъема 1860-х годов. Лишенные права обсуждать вопросы политические, частные газеты вынуждены были выступать со статьями, рецензиями и заметками на научные, хозяйственные и литературные темы.

И все же газетная периодика 40-х годов, так же как и журнальная, изменилась если не количественно, то качественно. Эти изменения коснулись не только содержания и направления газет, но также газетных жанров и самого внешнего вида газет. В газетной периодике заметно повысилось внимание к таким жанрам, как фельетон и очерк, причем характер того и другого жанра определялся политической позицией автора и издания, где он выступал. Например, нравоописательный фельетон в духе «улыбательной сатиры» с элементами рекламности преобладал в «Северной пчеле», в то время как фельетоны Некрасова в «Литературной газете» в 1844—1845 гг. отличались острой социальной сатирой и высоким чувством гуманности по отношению к обездоленному трудовому народу. В 1848 г. Булгарин ввел в «Северной пчеле» (№ 14) термин «благонамеренный фельетон», который довольно точно характеризует идейную направленность фельетонных материалов не только «Северной пчелы», но и других русских газет в пору «мрачного семилетия», когда широкое распространение получил многословный легковесный, вполне благонамеренный литературный фельетон, имевший целью отвлечь внимание читателей от сложных вопросов современности. Жанр общественного фельетона станет необходимой принадлежностью передовых газетных изданий только в 1860-е годы.

Интерес к жизни, быту, душевному складу простого человека «из низов», вообще свойственный литературе «натуральной школы», окрашивает и многие физиологические очерки 1840-х годов — не только журнальные, но и газетные. Такие очерки печатались также преимущественно в «Литературной газете». Физиологический очерк, появившийся на страницах наших газет в 1840-е годы, дополнял другие виды очерков, возникших еще раньше, — путевой, этнографический, географический, исторический, статистический, научно-технический, — которые, в свою очередь, приобрели в 1840-е годы большую социальную остроту в связи с возросшим вниманием читателей к общественным вопросам. В реакционной прессе по-прежнему печатались нравоописательные очерки, вполне благонамеренные по своей политической направленности, для которых было характерно объективистское бытописательство, плоское, описательное изображение нравов.

В 1840-е годы на страницах русских газет возникает рубрика «Фельетон», довольно емкая по своему содержанию. Здесь печатались небольшие беллетристические произведения, статьи, рецензии, отзывы о театральных постановках, полемические заметки, а также фельетонного типа материалы разнообразной тематики — так называемые «фельетонные статьи». В официальных и полуофициальных газетах рубрика «Фельетон» открывала неофициальный отдел газеты.

Если в 1830-е годы газеты издавались форматом в четверть или половину бумажного листа (как современная «Роман-газета» или многотиражные газеты и «Огонек»), то в 1840-е годы некоторые газеты («Русский инвалид», «Санкт-петербургские ведомости» и др.) переходят на большой (в полный лист) формат, равный формату наших современных центральных газет. Разнообразнее становятся набор и верстка, чаще встречаются украшения (заставки, виньетки и т. д.), усовершенствуются иллюстрации. В предыдущие годы наши газеты очень редко печатали иллюстрации, причем существовало всего два вида рисунков — раскрашенные картинки французских мод в литературных газетах и рисунки машин, орудий, растений и т. д. в экономической и технической газетной периодике. В 1840-е годы в газетах появляются изображения памятников культуры, пейзажей, жанровых сцен и т. д., перепечатываются рисунки из книг и журналов — русских и зарубежных. В 1841 г. регулярно печатала иллюстрации «Художественная газета», а в 1844—1845 гг. — «Литературная газета».

В 40-е годы самая распространенная ранее газета — «Северная пчела» теряет свое привилегированное положение. Ее монополия как газеты литературной и политической была заметно подорвана, но не частными газетными изданиями, которым по-прежнему не разрешалось печатать политические известия, а в результате тех изменений, которые произошли среди так называемых полуофициальных газет, имевших право на политическую информацию, — «Санкт-петербургских ведомостей», «Московских ведомостей» и «Русского инвалида».[15]

По справедливому замечанию Герцена, «как только официальные газеты приобрели сносную редакцию, „Северная пчела" была покинута своими читателями» (VII, 220). Каждая из названных газет контролировалась соответствующей государственной организацией — Академией наук, Московским университетом, Военным министерством, но, поскольку эти газеты арендовались и редактировались частными лицами, они воспринимались читателями как полуофициальные органы. Все три газеты пережили в 1840-е годы некоторый подъем благодаря тому,

---

[15] См. об этом: А. И. Станько. Официальная газетная печать в литературно-общественной борьбе 1840-х годов. Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, сер. ист.-фил., вып. 78, 1965, стр. 51—69.

что редакторам удалось освободить эти газеты от налета казенности, что было достигнуто путем расширения неофициального отдела за счет сокращения официального и путем усовершенствования политической информации. Последнее обстоятельство Белинский специально отметил в статье «Русская литература в 1841 году»: «Что же касается до политических известий — это самая неинтересная часть „Северной пчелы", потому что политические известия всегда новее, свежее, полнее и интереснее в „Санкт-петербургских ведомостях" и „Русском инвалиде", которые постоянно днем или двумя днями раньше „Северной пчелы" сообщают политические новости, так что „Северной пчеле" остается лишь весьма легкий и приятный труд — перепечатывать эти новости в столбцы свои» (V, 578).[16]

Продолжая оставаться издателем «Отечественных записок», Краевский в 1843 г. становится редактором неофициальной части «Русского инвалида». Он вводит в газете новые отделы (в том числе литературный и ученый), привлекает к участию в ней некоторых сотрудников «Отечественных записок», в частности Некрасова и Белинского,[17] увеличивает ее формат до полного бумажного листа, заботится о свежести политической информации, разнообразии содержания материалов газеты, о живости, занимательности изложения. Все это сразу же оценили читатели: тираж газеты увеличился вдвое (стал более 3000 экземпляров) и достиг тиража «Северной пчелы». В начале 1843 г. Белинский писал: «Можно сказать без преувеличения, что в „Инвалиде" русская публика имеет теперь газету, во всех отношениях соответствующую требованиям от изданий такого рода» (VI, 693). По мнению Белинского, «Русский инвалид» теперь значительно превосходит «Северную пчелу», которую он называет «жалкими листками печатной бумаги... имеющими претензии на характер политико-литературного издания». Через два года Белинский вновь настаивал на том, что «Русский инвалид» сделался «лучшей русской политической газетой» (VIII, 479). В 1843—1845 гг. «Русский инвалид» поддерживает «Отечественные записки», резко полемизирует с реакционной литературой и периодикой — «Маяком», «Москвитянином», «Северной пчелой» и др.

---

16 Над бессодержательностью политического отдела «Северной пчелы» Белинский так иронизировал в письме к Н. X. Кетчеру от 3 августа 1841 г.: «Читаешь ли ты „Пчелу?" Превосходная политическая газета? Из нее тотчас (месяца через два) узнаешь, что у благородного лорда Пиля геморроидальные шишки увеличились; что при посещении такого-то города таким-то принцем была иллюминация и все жители громкими кликами изъявляли свою верноподданническую преданность; что королева Виктория на последнем бале была в страшно накрахмаленной исподнице» (XII, 62)

17 Довольно убедительные доводы в пользу участия Белинского в «Русском инвалиде» в 1843—1845 гг. приведены исследователем Ф. Я. Приймой в 13-м томе «Полного собрания сочинений» В. Г. Белинского (М., 1959, стр. 329—332, 337—341, 346—348).

Самой распространенной газетой в 1840-е годы стали «Московские ведомости», которые с 1843 по 1848 г. редактировал Е. Ф. Корш, близкий к кругу Герцена и Грановского. Тираж «Московских ведомостей» в 1847 г. достиг 9000 экземпляров. В газете сотрудничали Герцен, Огарев, Грановский, Анненков, Боткин и др. В это время газета приобретает научно-публицистический характер; художественный материал, а также литературная и театральная критика занимали в ней подчиненное место. «Московские ведомости» печатали статьи, осуждающие крепостное душевладение, рисующие тяжелую безрадостную жизнь крепостного крестьянства и городской бедноты. Большой общественный резонанс получила статья экономиста С. А. Маслова «Жар и жатва хлеба» (1846, № 103), в которой ярко и правдиво рассказано об изнурительных условиях подневольного труда женщин-крестьянок. Белинский неоднократно возвращался к этой статье; он определял ее как «превосходную статью», «замечательную статью, за которую почтенного автора благословит всякий друг человечества» (X, 49).

Герцен выступил в «Московских ведомостях» с двумя публицистическими статьями — «Публичные чтения г. Грановского» (1843, № 142) и «Публичные чтения г-на профессора Рулье» (1845, № 147, 148). В первой статье Герцен, отметив, что Грановский правильно решил «трудный вопрос об истинном отношении западной цивилизации к нашему историческому развитию», вскрыл антиправительственную и антиславянофильскую направленность публичных лекций Грановского, о которых в «Былом и думах» Герцен писал, что они пропагандировали «постоянный, глубокий протест против существующего порядка в России» (IX, 122). Первоначальный текст статьи Герцена не получил утверждения со стороны попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова, ведавшего московской цензурой, и Герцену пришлось внести некоторые изменения. Статья о лекциях русского естествоиспытателя К. Ф. Рулье тесно связана с «Письмами об изучении природы» Герцена, которые печатались в «Отечественных записках» в 1845 г.: и здесь Герцен с позиций материалистической диалектики рассматривает явления органического мира. В 1847 г. «Московские ведомости» опубликовали статью Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя в форме писем к автору. Это была самая сильная (после рецензии Белинского в «Современнике») критика книги Гоголя. Белинский очень высоко оценил это выступление Павлова: «Тонкость мысли, ловкость диалектики при изложении в высшей степени изящном делают письма Н. Ф. Павлова явлением образцовым и совершенно особым в нашей литературе» (X, 358). По настоянию Белинского письма Павлова были перепечатаны в «Современнике» (1847, №№ 5 и 8). Выражая мнение передовых современников, Герцен называл «Московские ведомости» периода редакторства

Е. Ф. Корша «грамотной газетой», которую «теперь вся Россия привыкла читать» (XXIII, 60), а А. Д. Галахов относил их к лагерю «современникистов», т. е. «Современника» периода участия в нем Белинского.[18] Оппозиционная направленность «Московских ведомостей» этой поры неоднократно вызывала неудовольствия цензурного комитета и министерства просвещения. По свидетельству Грановского, «на Корша жаловались графу (т. е. графу С. Г. Строганову, попечителю Московского учебного округа), что он развращает народ „Московскими ведомостями"».[19]

Орган Академии наук «Санкт-петербургские ведомости» в 1847 г. сдается в аренду издателю и книгопродавцу М. Д. Ольхину и журналисту А. Н. Очкину, который редактирует газету. Им удалось также расширить неофициальную часть газеты: «Ведомости» стали выходить с подзаголовком: «Газета политическая и литературная».

В газете много места уделяется малым художественным жанрам — рассказам (в том числе и переводным), очеркам, фельетонам. Тираж газеты вырос до 4000 экземпляров и стал больше тиража «Северной пчелы». Преобразованным «Санкт-петербургским ведомостям» Белинский посвятил специальную статью «Современные заметки» («Современник», 1847, № 2). «Санкт-петербургские ведомости», по мнению критика, «так далеко оставили за собой все другие издания одного с ними рода, что сделали невозможным всякое сравнение между собою и ими» (X, 89). Эту свою несколько даже преувеличенную оценку «Санкт-петербургских ведомостей» Белинский сам рассматривал как «удар рикошетом по „Пчеле"» (XII, 324). В то же время Белинский показал непоследовательность «Санкт-петербургских ведомостей» в характеристике «натуральной школы» и славянофильства.

Из всех частных газет наиболее интересной была «Литературная газета» (1840—1849), тесно связанная с «Отечественными записками». «Литературная газета», преобразованная в 1840 г. из газеты «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"», издавалась Краевским дважды в неделю как «вестник наук, искусств, литературы, новостей театра и мод» и являлась, по словам Белинского, «легкой кавалерией» журнала «Отечественные записки». Многие сотрудники «Отечественных записок» принимали участие и в «Литературной газете»; Белинский напечатал в ней в 1840 г. около 20 статей, рецензий и заметок. Нерегулярно сотрудничал он в газете и в последующие годы, вплоть до 1845 г., когда поместил свою большую статью о Кантемире (№ 6, 7, 8). В 1840 г. Краевский хлопотал о расширении программы и увеличении периодичности «Литературной газе-

---

[18] Рукописное отделение ГПБ в Ленинграде, ф. 391. Письмо А. Д. Галахова к А. А. Краевскому от 10 января 1847 г., л. 1 об.

[19] Т. Н. Грановский и его переписка, т. II. М., 1897, стр. 464.

ты» со следующего года. Он намеревался ввести отдел внутренних известий и превратить свою газету в ежедневное литературно-политическое издание, способное конкурировать с «Северной пчелой». Однако хлопоты Краевского оказались безуспешными. Занятый изданием «Отечественных записок», Краевский иногда передавал на время издание и редактирование «Литературной газеты» другим лицам, оставляя за собой право главного хозяина и ответственного лица.

В 1841—1843 гг. «Литературную газету» издавал и редактировал драматург и театральный критик Ф. А. Кони; она выходила в 1841 г. три раза в неделю, с 1842 г. — еженедельно. В это время газета стала менее живой и интересной, и у Белинского были все основания называть ее «гнусной коневской газетишкой» (XII, 57). Разнообразие и некоторую остроту газете придавали только выступления Некрасова — его рецензии, заметки, театральные обзоры, основная тема которых борьба с реакционной периодикой и литературой, низкопробным театральным репертуаром — пустыми водевилями, мещанской мелодрамой, крикливыми ложнопатриотическими драмами. Некрасов-критик выступает не только как талантливый ученик и продолжатель Белинского, но и как его защитник от многочисленных нападок реакционного «журнального триумвирата», «Москвитянина» и «Маяка». Правда, в это время Некрасов, в отличие от Белинского, еще избегал в своих статьях публицистических, философских и историко-литературных отступлений; он предпочитал не выходить за пределы разговора о конкретных явлениях литературной и театральной жизни, причем вел его в тоне или легкой шутки, или острой иронии. По справедливому мнению исследователя, «своеобразие стиля Некрасова-критика, особенно в 40-е годы, заключалось в образности и шутливо-фельетонной манере изложения. Пародийный пересказ, стихотворная пародия, ирония и шутка играли в его статьях очень важную роль, дополняя и поясняя краткие и скупые суждения прямого характера».[20]

Редактирование «Литературной газеты» в 1844—1845 гг. опять переходит к Краевскому. Он вновь попытался расширить программу газеты в сторону если не политической, то экономической и бытовой информации. Помимо художественных произведений, литературной критики и библиографии, театральных обзоров и рецензий, в газете стали помещаться «новости, извлекаемые из житейского быта». При газете выходило особое прибавление — «Записки для хозяев», посвященные различным отраслям промышленности, сельскому хозяйству и домоводству. В обновленном издании приняли участие Белинский и наиболее деятельное Некрасов. Последний поместил в это время в газете около 30 рецензий, заметок, физиологических очерков, театраль-

[20] М. Гин. Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1957, стр. 4.

ных очерков и фельетонов, многие из которых уже отличались острой сатирической направленностью. Большой интерес представляют фельетоны Некрасова «Хроника петербургского жителя» (1844), написанные от лица чиновника-обывателя Ивана Александровича Пружинина, и «Записки Пружинина» (1845).

Некрасов не случайно назвал Пружининым своего героя — невежественного, но активно благонамеренного чиновника-взяточника, подхалимничающего перед начальством, приходящего в восторг от сочинений Кукольника и Бенедиктова. Такие люди и есть оплот николаевского режима, основная «пружина» в полицейско-бюрократическом механизме русского самодержавно-крепостнического государства. Имя и отчество Пружинина также не случайно; оно сразу вызывает у читателей закономерные ассоциации с Иваном Александровичем Хлестаковым — и вывод напрашивается сам собою: только в условиях николаевского режима «елистратишка простой» Хлестаков был превращен в «важного человека», «вельможу», а титулярный чиновник Пружинин стал опорой государства.

Уже в 1843 г. при Кони в «Литературной газете» изредка появлялись политипажные картинки; при Краевском они стали обязательной принадлежностью почти каждого номера. Политипажи иллюстрировали печатающиеся в газете повести, рассказы, научные статьи или подавались как репродукции с картин знаменитых художников. В 1845 г. в газете создается специальный отдел «Портретная галерея русских писателей», в котором предполагалось помещать политипажные портреты известных русских писателей в сопровождении статей-очерков. Литературную часть должен был вести Белинский. Так, в трех номерах «Литературной газеты» появился первый очерк задуманного цикла — «Кантемир» с вступительной заметкой ко всему циклу в целом; очерк и заметка написаны Белинским.

В 1846 г. к руководству «Литературной газеты» Краевский привлекает Н. Полевого, который к этому времени порвал с изданиями Булгарина и Греча. В двух номерах газеты Полевой напечатал свою остроироническую статью о «Воспоминаниях» Булгарина, на которую неоднократно положительно ссылался Белинский, рецензируя в «Отечественных записках» мемуары Булгарина. После недолговременного редакторства Полевого (он выпустил всего семь номеров) «Литературная газета» не выходила до конца года. Затем газетой руководил театральный критик В. Р. Зотов. С каждым годом успех ее у читателей падал. С наступлением жестокого цензурного террора в пору «мрачного семилетия» «Литературная газета» превратилась в малоинтересное издание, поскольку, как свидетельствовал Зотов, публике «нечего было читать в газете, после того как ее прочитал цензор Елагин».[21] Лишенная читателей, «Литературная газета» прекратилась в 1849 г.

[21] «Исторический вестник», 1889, № 10, стр. 96.

Не получив разрешения на введение в «Литературной газете» с 1841 г. политического отдела, Краевский намеревался приобрести право на издание журнала «Сын отечества» с тем, чтобы с 1842 г. преобразовать его в газету. Белинский так информировал об этом Н. Х. Кетчера 3 августа 1841 г.: «С будущего года Краевский (пока — тайна сия велика есть) издает „Сын отечества" и делает из него газету (политико-литературную), три раза в неделю, по два листа зараз, в 4-ю долю листа» (XII, 60). И на этот раз намерение Краевского не осуществилось.

К 40-м годам относится попытка создания первой русской театральной газеты. В 1845 г. от театрального журнала «Репертуар и пантеон» отделяется рубрика «Театральная летопись», которая начинает выходить самостоятельно как еженедельная газета. Резкие отзывы газеты о казенных театрах насторожили цензурные ведомства. Воспользовавшись, что на отдельное издание «Театральной летописи» в свое время не было получено специального разрешения, цензура запретила газету на восьмом номере.[22] Следующие театральные газеты в России появятся только через двадцать лет — это «Русская сцена» (1865) и «Антракт» (1866).

К числу новых частных специальных газетных изданий 1840-х годов относится «Московский городской листок», который издавался В. Драшусовым в 1847 г. как орган славянофилов. Эта газета положила начало типу местной городской газеты, где основное внимание уделялось культурной жизни и новостям определенного города — тому типу, который получит широкое развитие в России с 1860-х годов.

«МАЯК» И «МОСКВИТЯНИН». ПЕРИОДИКА СЛАВЯНОФИЛОВ

«Маяк современного просвещения и образованности» издавался в Петербурге в 1840—1845 гг. как ежемесячный общественно-литературный журнал. Руководили журналом критик С. А. Бурачок и писатель П. А. Корсаков (с 1842 г. — один Бурачок). «Маяк» стоял на самом правом фланге русской журналистики и яростнее всех других органов печати защищал православие, самодержавие и правительственную народность. По примеру «Северной пчелы» «Маяк» зачастую печатал статьи, граничившие с доносами на передовых русских писателей и журналистов, и прежде всего на Белинского. Крайняя реакционность позиции «Маяка» была столь очевидна, что передовые журналисты не считали нужным (да и не могли по цензурным условиям) серьезно и открыто полемизировать с ним и, как правило, огра-

[22] «Исторический вестник», 1890, № 3, стр. 566—568.

ничивались попутными остро ироническими замечаниями в адрес этого органа воинствующего мракобесия.

Памфлетную характеристику «Маяка» Белинский включил в рецензию на роман Д. Н. Бегичева «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (1840). Критик назвал «Маяк» «Плошкой всемирного просвещения, вежливости и учтивости» и показал, что отличительные свойства этого журнала — «совершенное отсутствие всякого таланта, решительная бездарность, пустота, резонерство, задорный тон и вместе с ним бессилие» (IV, 313). В цикле статей «Речь о критике» (1842) Белинский, подчеркивая квасной патриотизм «Маяка», именует его «Патриотом». «С публикою он объясняется языком гостинодворских сидельцев, почитая это и оригинальным и национальным», — пишет Белинский (VI, 326). «Маяк» пользовался успехом у очень ограниченного круга читателей: вначале у него было 800 подписчиков, но вскоре число их сократилось вдвое. Поэтому Белинский постоянно презрительно говорит о нем как о журнале или вовсе несуществующем, «никому не известном», или называет его «мифическим» журналом, журналом-«невидимкой» и т. д. Показательно, что, подробно характеризуя русскую журналистику 1840 г. в своем обзоре литературы за этот год, Белинский ни словом не обмолвился о «Маяке», как будто его вообще не существовало. В 1845 г. Бурачок прекратил издание «Маяка» из-за полного отсутствия подписчиков.

Не мог претендовать на успех и другой новый реакционный журнал — «Москвитянин» (1841—1856), созданный при содействии министра просвещения Уварова. Во главе журнала стояли два профессора Московского университета, известные своими верноподданническими взглядами, — историк М. П. Погодин и историк литературы С. П. Шевырев. Погодин был издателем и редактором журнала, Шевырев — его ближайшим помощником и ведущим критиком. Белинский называл их «холопами знаменитого села Поречья» (письмо к Гоголю 20 апреля 1842 г.).[23] Как и в «Маяке», в журнале Погодина все материалы были пронизаны духом «официальной народности». Поэтому Уваров настоятельно рекомендовал гимназиям выписывать «Москвитянина», а обер-прокурор Синода граф Н. А. Протасов сделал аналогичное предписание в отношении духовных училищ. Всячески поддерживая «Москвитянина», Уваров оберегал его от возможной конкуренции: отказ Грановскому в издании московского журнала «Ежемесячное обозрение» современники справедливо связывали с заботами Уварова о журнале Погодина. А. Д. Галахов по этому поводу писал Краевскому 13 октября 1844 г.: «Журнала Грановского не будет, министр щадит „Мо-

[23] Поречье — усадьба министра просвещения Уварова в Московской губ. В «Москвитянине» (1841, № 9) была напечатана подобострастная статья о селе Поречье и его сановном хозяине, в числе почетных гостей которого был назван Погодин.

сквитянина" и поэтому не дает разрешения».[24] Погодин намеревался издавать «Москвитянина» по широкой программе научно-литературного журнала, рассчитывая привлечь как можно больше читателей и тем подорвать влияние «Отечественных записок». «С самого начала я сделал план, чтобы десять печатных листов посвящать дельному и серьезному, а остальные — от пяти до десяти — всякой всячине, которая удовлетворяет большинству подписчиков. Иначе журнал остался бы при образованных одних читателях, которых счетом сто в Петербурге, сто в Москве и сто в губерниях», — свидетельствовал сам Погодин.[25]

В «Москвитянине» были следующие основные отделы: «Изящная словесность», «Науки», «Материалы для русской истории и истории словесности», «Критика и библиография», «Московская летопись», «Внутренние известия», «Славянские новости», «Смесь», «Моды» и др. Но энциклопедического журнала из «Москвитянина» не получилось. Очень плох был отдел литературный; в нем печатались малохудожественные, но зато в высшей степени благонамеренные произведения бездарных писателей вроде карамзиниста князя П. И. Шаликова или бывшего сотрудника «Вестника Европы» М. А. Дмитриева. Поэтому понятно возмущение Гоголя, сблизившегося в это время с кругом Погодина и Шевырева: «„Москвитянин", издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились и скрылись!» (письмо Н. М. Языкову 2 января 1845 г.). Эпизодическое участие в журнале Гоголя (повесть «Рим»), Даля, Квитки-Основьяненко, Загоскина, Жуковского, Фета, Полонского, А. Григорьева и др. не могло спасти положения. «Путевые заметки» Погодина и отрывки из описания заграничного путешествия Шевырева («Визит к Бальзаку»), остроумно высмеянные Герценом и Белинским, оказали плохую услугу журналу. Отдел «Смесь» не отличался ни разнообразием, ни свежестью известий. Научный отдел заполнялся главным образом статьями и заметками самого издателя, которым, по меткому выражению Герцена, были свойственны «шероховатый, неметеный слог, грубая манера бросать корноухие, обгрызенные отметки и нежеванные мысли» (IX, 165). Критические статьи печатались в журнале от случая к случаю, библиография велась также очень неаккуратно.

По наиболее важным вопросам литературы в «Москвитянине» выступал Шевырев, ожесточенно полемизировавший прежде всего со статьями Белинского в «Отечественных записках». Шевыреву принадлежали статьи о творчестве Пушкина (1841, № 9), «Герое нашего времени» и «Стихотворениях» Лермонто-

---

[24] «Литературное наследство», т. 56. М., Изд. АН СССР, 1950, стр. 171.

[25] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VI. СПб., 1892, стр. 48.

ва (1841, № 2, 4), «Мертвых душах» Гоголя (1842, №№ 7 и 8). Он рассматривал Пушкина как поэта описания, а не мысли; произведения его трактовал в духе уваровской народности. Печорин Лермонтова, по мнению Шевырева, никак не связан с русской действительностью, это — «призрак, отброшенный на нас Западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов». Лишая лирику Лермонтова какой бы то ни было оригинальности и самобытности, Шевырев утверждал, что в ней «слышатся попеременно звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова... иногда мелькают обороты Баратынского, Дениса Давыдова, иногда видна манера поэтов иностранных». В «Мертвых душах» Шевырев видел не злую сатиру на николаевскую действительность, а добродушную шутку. Лишая поэму Гоголя обличительного характера, Шевырев свел ее к легкому, безобидному комизму. Осуждению Шевырева подвергся и самый этот комизм, который, по мнению критика позволил Гоголю представить русскую жизнь только в «полобхвата», а не во всех ее положительных моментах. «Комический юмор автора мешает иногда ему обхватить жизнь во всей ее полноте и широком объеме», — заключал Шевырев. Сетуя по поводу того, что в первом томе «Мертвых душ» Гоголь не показал ни наших урожайных полей, ни русского мужика в красной рубашке, ни древних городов, ни вереницы молельщиков, ни храмов с золотыми крестами, Шевырев выражал уверенность, что во втором томе автор продемонстрирует свое полное «примирение» с существующей действительностью и отразит ее «светлые» черты.

Некоторые статьи Шевырева по общим вопросам литературы и культуры имели программный характер, откровенно выражая реакционные установки журнала. Именно так восприняли современники, например, «Взгляд русского на современное образование Европы» Шевырева в первом номере «Москвитянина» за 1841 г. Противопоставляя Россию Западу, Шевырев доказывал неминуемую гибель культуры Запада, погрязшего в безверии и изнемогающего от политических «переломов и рушений», и торжество России, которой будто бы свойственно «древнее чувство религиозное, чувство ее государственного единства и сознание своей народности», что «давно уже выразил... муж царского совета, которому вверены поколения образующиеся», т. е. министр просвещения Уваров. Так «Москвитянин» поспешил написать на своем знамени уваровскую формулу: «православие, самодержавие и народность».

Ровно через год, в первом номере «Москвитянина» за 1842 г. была напечатана статья Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная», также имевшая программный характер. Это подчеркивалось уточнением в скобках: «Вместо предисловия ко второму году „Москвитянина"». В одну группу («черную») Шевырев отнес Бул-

гарина, Греча, Сенковского как представителей «торгового на- направления», далеких аристократическому «Москвитянину», и Белинского как «кондотьери», т. е. человека, готового пойти на все ради своих корыстных интересов. Главный удар Шевырев направил на «Отечественные записки» и Белинского. Здесь Шевырев выступает как последователь Булгарина: он также политические обвинения в адрес противника пересыпает личными оскорблениями. Белинский обвиняется в вольнодумстве и одновременно именуется невеждой, недоучившимся студентом и т. д. Современники справедливо называли эту статью Шевырева «голубой статьей»: она действительно была написана в духе жандармского доноса. Не имея возможности открыто опровергнуть положения «Взгляда» Шевырева, Белинский выступил с остро сатирическим памфлетом «Педант», в котором вывел Шевырева в образе учителя словесности Лиодора Ипполитовича Картофелина. Политическая направленность и самая форма литературно-критических статей Шевырева не способствовали их широкой популярности. Отметив, что Шевырев «портил свои статьи выходками против таких идей, книг и лиц, за которые у нас трудно было заступаться, не попавши в острог», Герцен писал, что «слог» статей его «дутый, губчатый, вроде неокрепнувшего бланманже», в которое «забыли положить горького миндалю, хотя под его патокой и заморена бездна желчной, самолюбивой раздражительности» (IX, 168, 165).

Большое внимание уделялось в журнале разделу «Духовное красноречие» (в отделе «Изящная словесность»); недаром этим разделом открывался номер. Здесь можно было встретить тексты проповедей представителей высшего и среднего духовенства, рецензии на духовные книги, материалы по истории церкви и христианского учения и т. д. Хорошо был поставлен отдел «Материалы для русской истории и истории русской словесности», в котором было помещено много ценных исторических документов, произведений народного творчества, материалов, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся русских писателей (например, письма Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина и др.). В отделе «Славянские новости» помещались письма и статьи славянских ученых, а также информация по вопросам славянства из Польши, Болгарии, Сербии и др. Погодин стремился проводить в этом отделе реакционные панславистские установки, в основе которых лежала идея подчинения всех славянских стран русскому самодержавию. Многие моменты панславистской программы Погодина и его журнала разделялись и славянофилами.

Реакционность позиции и то, что по характеру своих материалов «Москвитянин» более напоминал ученый сборник, дали ему довольно скудную читательскую аудиторию. Вначале он имел 800 подписчиков, но с каждым годом число их катастрофически уменьшалось. Герцен писал в «Былом и думах»: «Ме-

жду тем, каких ни вымышляли пружин, чтоб умудриться хорошо издавать „Москвитянин", он решительно не шел. Для живого полемического журнала надобно непременно иметь чутье современности, надобно иметь ту нежную щекотливость нерв, которая тотчас раздражается всем, что раздражает общество. Издатели „Москвитянина" вовсе были лишены этого ясновидения и, как ни вертели они бедного Нестора и бедного Данта, они убедились наконец сами, что ни рубленой сечкой погодинских фраз, ни поющей плавностью шевыревского красноречия ничего не возьмешь в нашем испорченном веке. Они подумали, подумали и решились предложить главную редакцию И. В. Киреевскому» (IX, 168).

И действительно, с января 1845 г. «Москвитянин» выходит под редакцией славянофила И. В. Киреевского. Славянофильство имело много точек соприкосновения с идеологией официальной народности, поэтому славянофилы считали для себя возможным сотрудничать в «Москвитянине». И до 1845 г. в журнале печатались стихотворения славянофилов Языкова и Хомякова, статьи К. С. Аксакова и др., но с 1845 г. участие славянофилов в журнале Погодина активизируется, хотя руководство «Москвитянином» им удержать не удалось: выпустив всего три номера журнала за 1845 г., Киреевский вынужден был отказаться от поста редактора, так как Погодин не хотел идти ни на какие уступки. Блок славянофилов с руководителями «Москвитянина» давал основания Белинскому выступать против них как единого направления; в свою очередь славянофилы оказали довольно ощутимую помощь «Москвитянину» в его борьбе с Белинским и теми изданиями, в которых он участвовал.

Но «Москвитянину» не удалось подорвать доверия широкого общественного мнения к «Отечественным запискам» и «Современнику», вдохновляемым Белинским: если к середине 1840-х годов тираж «Отечественных записок» достиг 4000 экземпляров, то «Москвитянин» едва мог заполучить 300 подписчиков. Но зато журнал Погодина все больше и больше завоевывал симпатии правительства. Не случайно в пору так называемого «мрачного семилетия» правительственный «меншиковский комитет» дал блестящую аттестацию «Москвитянину» как «органу весьма чистого направления», проводившему «постоянное состязание» с «Отечественными записками» и «Современником».

В последующие годы «Москвитянин» влачил довольно жалкое существование; некоторые номера его запаздывали, а то и совсем не выходили. Кратковременное оживление журнал пережил только в 1850—1853 гг., когда отделы литературы, критики и библиографии находились в ведении так называемой «молодой редакции» (А. Н. Островский, поэт и критик Аполлон Григорьев, критик Б. П. Эдельсон, артисты П. М. Садовский и И. Ф. Горбунов и др.). В 1853 г. «молодая редакция» попыта-

лась убедить Погодина передать «Москвитянина» в ее полное распоряжение, но из этого ничего не вышло. Тогда члены «молодой редакции» отошли от руководства журналом и только иногда выступали на его страницах. С 1854 г. начинается упадок «Москвитянина», и в 1856 г., совершенно лишенный подписчиков, журнал прекращает свое существование.

Что касается славянофилов 1840-х годов, то они, участвуя в «Москвитянине», всемерно стремились приобрести собственное периодическое издание. Они добивались права на издание журнала, но хлопоты ни к чему не привели. Поэтому пришлось удовлетвориться выпуском отдельных сборников исторических материалов. Так появились в 1845 г. «Синбирский сборник» и «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единомышленных». Оба сборника издал историк-славянофил Д. А. Валуев; их большое значение для изучения истории России неоднократно отмечал Белинский. Затем, в противовес альманахам Некрасова, славянофилы приступили к изданию «Московского литературного и ученого сборника»; вышли три книжки — в 1846, 1847 и 1852 гг. В сборниках печатались статьи Хомякова, К. С. Аксакова, Самарина, Погодина, М. А. Максимовича и др., стихотворения И. С. Аксакова, Языкова, Вяземского, Жуковского и др., переводы памятников народного творчества славянских стран. Эти сборники имели несколько бóльший успех, чем журнал «Москвитянин». Во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» Белинский замечал, что сборник на 1846 г. «несмотря на свое славянофильское направление, заключает в себе несколько интересных статей», из которых «умным содержанием и мастерским изложением» выделяется статья Самарина о «Тарантасе» В. Соллогуба (X, 46). Выход второй книжки «Московского литературного и ученого сборника», в которой реакционная направленность проявлялась значительно яснее, вызвал обстоятельную остро ироническую статью Белинского в «Современнике» (1847, № 6). Белинский подчеркнул, что большинство статей и литературных произведений сборника на 1847 г. характеризуется «тем особенным направлением, которым отличался „Москвитянин" и все труды подвизавшихся в нем литераторов» (X, 196). В то же время славянофилы участвовали в газете «Московский городской листок», который издавался в течение 1847 г. В. Драшусовым. Славянофильское направление, плохая организация издания и несоответствие содержания типу газеты (здесь преобладали научные статьи) не принесли успеха «Московскому городскому листку».

«ФИНСКИЙ ВЕСТНИК»

Научно-литературный журнал «Финский вестник» выходил в Петербурге в 1845—1847 гг.; издавал и редактировал его морской офицер в отставке, литератор Ф. К. Дершау, автор

книги «Финляндия и финляндцы». Издание «Финского вестника» было разрешено не только потому, что, согласно представленной программе, новое издание мыслилось как специальный сборник, посвященный знакомству России со Скандинавией (и в том числе Финляндией) и Скандинавии с Россией, но и потому, что Дершау пользовался поддержкой многих влиятельных лиц и даже самого наследника престола, будущего царя Александра II. Благодаря этой поддержке Дершау и его сотрудникам удалось, несмотря на строгости цензуры, вывести издание «Финского вестника» за узкие рамки утвержденной программы, т. е. превратить его в русский общественно-литературный журнал.

В «Финском вестнике» было шесть отделов: «Северная словесность», «Материалы северной истории», «Нравоописатель», «Науки и художества», «Библиографическая хроника», «Смесь». Только в первых двух отделах как-то отражался специальный характер издания; остальными своими отделами «Финский вестник» мало отличался от других современных ему русских журналов: в них сотрудничали русские авторы, интересовавшиеся прежде всего общественно-научной и литературной жизнью России, а не Скандинавии. В 1845—1846 гг. «Финский вестник» выходил раз в два месяца; в 1847 г. Дершау добился превращения его в ежемесячное издание. Оставив за собой общее руководство журналом, Дершау в качестве соредактора пригласил молодого талантливого критика Валериана Майкова, входившего в кружок революционно настроенной молодежи, руководимый М. В. Петрашевским. Под редакцией Майкова вышли всего два номера журнала (№ 1 и 2 за 1845 г.). В первом он поместил начало своего большого исследования «Общественные науки в России», в котором критически рассмотрел состояние общественно-политических наук (право, политическая экономия, философия) на Западе. Вторая часть труда, в которой автор намеревался представить «надежды на будущность русской социальной науки», света не увидела. Ядро сотрудников «Финского вестника» составили беллетрист и драматург А. И. Пальм, поэт и переводчик С. Ф. Дуров (оба — петрашевца), писатели «натуральной школы» В. И. Даль и Е. П. Гребенка, беллетрист и очеркист демократического направления В. В. Толбин. Активно сотрудничали в журнале критики Аполлон Григорьев и А. В. Старчевский, помогавшие Дершау в редактировании его издания.

Среди современников распространилось мнение, что Белинский в 1845 г. «будет сильно участвовать и в „Финском вестнике"».[26] Это насторожило и обеспокоило идейных противников великого критика. Не скрывая своего возмущения ростом влияния статей Белинского, издатель «Современника» П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту еще в августе 1844 г.: «Говорят, что он [Дер-

---

[26] «Литературное наследство», т. 56, стр. 172.

шау] нанял Белинского, чтобы тот и в его журнале лаял наподобие „Отечественных записок". Не мудрено, если „Финский вестник" и успех получит: наша публика такова».[27] В числе сотрудников «Финского вестника» Белинский назван и самой редакцией, но в объявлении о подписке не на 1845, а на 1846 г.[28] Других документальных данных, точно устанавливающих факт участия Белинского в журнале Дершау, долгое время не удавалось найти. И только в 1956 г. исследователь В. М. Морозов обнаружил экземпляр второго номера «Финского вестника» за 1845 г. с пометами, свидетельствующими, что весь материал отдела «Библиографическая хроника» в этом номере отредактирован Белинским. В. М. Морозов высказался за принадлежность Белинскому целого ряда статей. Хотя не все аргументы исследователя в пользу авторства Белинского бесспорны, однако возможность сотрудничества в «Финском вестнике» 1845—1846 гг. не только Белинского, но и Некрасова вполне вероятна.[29]

В литературно-общественной борьбе 1840-х годов «Финский вестник» часто солидаризировался с «Отечественными записками» и «Современником». Он неоднократно поддерживал выступления этих журналов, особенно статьи Белинского, которого называл первым русским критиком. Вслед за Белинским «Финский вестник» боролся за гоголевское направление в русской литературе, большое внимание уделял произведениям «натуральной школы». Постоянно полемизировал «Финский вестник» с реакционными изданиями — «Северной пчелой», «Сыном отечества», «Маяком», «Москвитянином».

Последовательно, систематически выступал журнал Дершау против исторических, политических и литературных концепций славянофилов. В рецензиях на славянофильские издания—«Симбирский сборник» и «Славянский сборник» (1845, № 5, 6) доказывалось, что «так называемая школа славяноманов порет горячку и ровно ничего не производит для науки», «увлекается чувством ложного патриотизма, чего никак нельзя терпеть в науке». Очень резкой статьей откликнулся «Финский вестник» (1846, № 6) на славянофильский «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год», причем за несколько месяцев до статьи Белинского об этом издании в «Современнике». Общее направление сборника определено как «мертвое, неестественное». О статье Хомякова «Мнение русских об иностранцах», в которой защищалось единство науки и религии, буквально поносились передовые политические идеи Запада и доказывалось, что и Россия будто бы идет по ложному пути, рецензент

---

27 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 2. СПб., 1896, стр. 297.

28 «Иллюстрация», 1845, № 26, стр. 415.

29 См. статьи В. М. Морозова о «Финском вестнике» в «Ученых записках» Карело-Финского (Петрозаводского) университета, 1955, т. V, вып. 1; 1956, т. VI, вып. 1; 1957, т. VII, вып. 1.

«Финского вестника» пишет: «Нам кажется, что любя Россию и уважая достоинство человеческое, лучше было бы, если б и не появлялись подобные статьи: они нарушают даже условие любви к отечеству». Возражая А. Н. Попову как автору статьи о живописи, ратовавшему за чистое искусство, за связь искусства и религии, сотрудник «Финского вестника» вслед за Белинским настаивает на общественном, гражданском значении искусства, на связи искусства с жизнью: «Искусство, отрешенное от жизни, сосредоточенное в себе, как академическое направление живописи, не удовлетворяющее художественным потребностям жизни, не следующее историческому процессу, неминуемо потеряет свое высокое значение».

Реакционеры встретили в штыки журнал Дершау. «Я ужаснулся направлению, противоположному „Москвитянину" и „Маяку". Новый язычник возник на Руси в подкрепление „Отечественным запискам"», — сообщал М. П. Погодину один из его корреспондентов, совершенно правильно оценивший место «Финского вестника» в расстановке журнальных сил.[30] Напротив, передовые журналисты и литераторы выступили с поддержкой нового журнала. К их числу относился и Белинский.

Следуя своему методу — не спешить с оценкой новых журналов, «желая дать им время определеннее выказаться», Белинский только через год, в статье «Русская литература в 1845 году», выступил со своим суждением о «Финском вестнике». Перечисляя «все, что было замечательного по части изящной прозы, оригинальной и переводной, в русских журналах прошлого года», Белинский выделяет четыре произведения, опубликованных в «Финском вестнике»: рассказы Гребенки «Иван Иванович» и «Фактор», нравоописательный очерк Дершау «Лука Лукич» и физиологический очерк Даля «Денщик»; последний Белинский рассматривал как «одно из *капитальных* произведений русской литературы». К числу хороших статей серьезного содержания «Финского вестника» Белинский относил «Очерк исторической деятельности до Карамзина» А. В. Старчевского, переводной «Очерк финляндской войны 1741 и 1742 годов», а также статью В. Н. Майкова «Общественные науки в России». Общий вывод о характере и направлении журнала Дершау в 1845 г. Белинский сформулировал так: «Вообще, „Финский вестник" был верен своему назначению — быть *специальным сборником*... Следственно, не ищите в нем того, что требуется от журнала, — определенной физиономии, верности однажды избранному принципу и т. п. Это — *сборник*, не более» (IX, 404). Однако, надо полагать, эти слова Белинского скорее всего диктовались цензурными соображениями: ему нужно было подчеркнуть, что «Финский вестник» в 1845 г. не вышел за пределы утвержденной программы.

---

30 Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VIII. СПб., 1894, стр. 9.

В следующем году Белинский не дал развернутой характеристики «Финского вестника», но он с похвалой отозвался о многих произведениях, напечатанных в журнале в 1846 г. Например, к числу «особенно замечательных» художественных произведений журнальной литературы за 1846 г. Белинский отнес физиологический очерк Толбина «Венгерцы», а к числу наиболее интересных серьезных статей — статьи И. Н. Ушакова «Жизнь и нравы змей», «Жизнь и нравы пауков», а также перевод сочинения О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами», в котором Белинского привлекало живое, подлинно художественное («картинное») изображение исторических фактов и событий. Высоко оценил Белинский полемические статьи «Финского вестника», направленные против реакционных журналистов и литераторов. Так, статьи о «Воспоминаниях» Ф. Булгарина он определил как «мастерски написанные», а статью о книге Шевырева «История русской словесности, преимущественно древней» назвал «прекрасной» (IX, 615; X, 47).

Замечание Белинского об отсутствии в «Финском вестнике» «определенной физиономии» в полной мере относится к последующим годам издания журнала, когда ярче выявилась непоследовательность, противоречивость его позиции: одновременно с защитой передовых идей, близких «Отечественным запискам» и «Современнику», в журнале Дершау восхвалялись бездарные сочинения консервативных литераторов (Кукольника, Загоскина и т. д.), защищалась теория «чистого искусства», выражалось сочувствие некоторым теориям славянофилов (последнее — в статьях Ап. Григорьева). Лишенный твердости в политических убеждениях, Дершау в середине 1847 г. приглашает сотрудничать в журнале реакционного историка Н. В. Савельева-Ростиславича, профессора-востоковеда славянофильской ориентации В. В. Григорьева и других ученых и литераторов, далеких от передовых общественных кругов. С начала 1848 г. изменилось название, направление и периодичность журнала: он стал называться «Северное обозрение», выходил нерегулярно по нескольку книжек в год (от 3 до 6) и заявил о себе как союзнике «Москвитянина». В 1849—1850 гг. «Северное обозрение» издавалось В. В. Дерикером, помощником Сенковского по «Библиотеке для чтения», и представляло собой скорее ученый сборник, чем общественно-литературный журнал.

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

«Отечественные записки» издавались чиновником и литератором П. П. Свиньиным в 1818—1819 гг. как сборник, в 1820—1830 гг. — как ежемесячный журнал, который успеха не имел и прекратился за недостатком подписчиков. В конце 1838 г. Свиньин, получив разрешение на возобновление с 1839 г. «Отечественных записок», передал их на пять лет в аренду А. А. Краевско-

му, который осуществлял также общую редактуру издания. В апреле 1839 г. Свиньин умер, и Краевский стал единоличным хозяином журнала. Бесспорно способный издатель и редактор, человек делового, практического склада, Краевский, этот, по определению Белинского, «литературный промышленник» стремился создать такой журнал, который имел бы успех и принес бы приличный доход издателю.

Обновленные «Отечественные записки» начали выходить в 1839 г. по широкой программе ежемесячного «учено-литературного», т. е. энциклопедического журнала, призванного оказать противодействие журнальной монополии «Библиотеки для чтения». В журнале были следующие постоянные отделы: «Современная хроника России», «Науки», «Словесность», «Художества», «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще», «Критика», «Современная библиографическая хроника», «Смесь». Объем каждого номера доходил до 40 печатных листов (на 10—15 больше, чем «Библиотека для чтения»). Ориентируя «Отечественные записки» на «все круги» читателей и в целях собственной безопасности, Краевский довольно туманно и неопределенно сформулировал положительную программу своего журнала, как содействие развитию просвещения и поиски «истины» в науке, искусстве, жизни и т. п. Материалы всех отделов свидетельствуют о том, что Краевский поспешил придать подчеркнуто благонамеренный характер своему журналу, который он собирался издавать в духе буржуазного предпринимательства. Не случайно журнал открывался отделом «Современная хроника России», который в основном наполнялся «извлечениями» из правительственных распоряжений и отчетов и переложениями официальных документов. В этом же отделе давалась подробная экономическая, производственно-техническая и научно-культурная информация.

Повышенный интерес журнала к хозяйственно-экономическим вопросам проявился в том, что в отделе «Современная хроника России» была создана специальная рубрика «Промышленность. Торговля. Хозяйство», а также в организации отдела «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность, вообще», сотрудники которого большое внимание уделяли вопросам, «занимающим ныне мир промышленно-производительный». И в отделах критики и библиографии речь шла не только о художественных произведениях, но и о «литературе, имеющей целью развитие и усовершенствование» экономики вообще и промышленности в особенности. В отделе «Науки» большое внимание уделялось вопросам политической экономии, практическому использованию выводов этой науки в интересах развития государственного хозяйства. Целям популяризации русских и зарубежных достижений в области промышленности, земледелия, торговли, финансов, ремесел служил и отдел «Смесь».

Исключительно интересным в «Отечественных записках» был

отдел словесности, в котором впервые увидели свет лучшие произведения русской реалистической литературы 1840-х годов. Это произведения Лермонтова (стихотворения и части «Героя нашего времени»), Герцена («Записки одного молодого человека», «Еще из записок одного молодого человека», первая часть романа «Кто виноват?»), почти все произведения Тургенева, написанные до «Записок охотника» (стихотворения, поэма «Андрей», пьесы «Неосторожность», «Безденежье», рассказы «Андрей Колосов», «Бретёр» и др.), произведения Достоевского, созданные после «Бедных людей» («Двойник», «Господин Прохарчин», «Белые ночи», «Неточка Незванова» и др.), стихотворения и рассказы Некрасова («Современная ода», «Огородник», «Необыкновенный завтрак» и др.), песни и думы Кольцова. Кроме того, в журнале выступали известные беллетристы (Д. В. Григорович, В. И. Даль, И. И. Панаев, В. А. Соллогуб, П. Н. Кудрявцев и др.) и поэты (А. Н. Майков, А. А. Фет и др.). Широко была представлена в журнале передовая литература, главным образом произведения известных современных авторов — Ж. Санд, Диккенса, Купера, Гейне и др. Большой интерес «Отечественные записки» проявляли к современному социальному роману, особенно к произведениям Ж. Санд, свыше десяти романов которой было переведено в журнале. А в отделах критики и библиографии постоянно публиковались статьи и рецензии (оригинальные или переводные), посвященные творчеству европейских писателей (Шекспира, Гюго, Гете, Гофмана, Ж. Санд и др.).

Отдел критики занял в «Отечественных записках» должное место далеко не сразу. Еще в конце 1838 г. Панаев безуспешно предлагал Краевскому пригласить Белинского возглавить в обновленном журнале критический отдел. Но вопреки советам Панаева Краевский намеревался доверить критический отдел своего журнала учителю словесности, бездарному критику В. С. Межевичу, специально вызванному из Москвы. С апреля по сентябрь 1839 г. Межевич сотрудничал в «Отечественных записках», и очень неудачно. Только после того, как Краевский окончательно убедился, что Межевич не способен руководить отделом критики, он вынужден был обратиться с предложением к Белинскому.

Приглашая Белинского сотрудничать в «Отечественных записках», Краевский, конечно, прежде всего заботился о судьбе своего журнала, подписка на который на будущий, 1840-й год могла сорваться из-за плохо поставленных отделов критики и библиографии. Но, кроме того, Краевский в середине 1839 г. составил себе мнение о Белинском как человеке, будто бы полностью «примирившемся» и отказавшемся от своего былого свободолюбия. Частичным поводом для такого заключения могли послужить «примирительные» статьи Белинского в руководимом им журнале «Московский наблюдатель», очень нравившиеся

Краевскому, умеренный либерализм которого зачастую переходил в открытый консерватизм. Краевский надеялся и при Белинском сохранить в «Отечественных записках» дорогую для себя линию полной политической благонамеренности, твердо установившейся с первого номера обновленного журнала. Краевский никак не предполагал, что Белинский скоро порвет со своими «примирительными» умонастроениями, но когда это произошло, он уже ничего не мог сделать, поскольку участие Белинского в «Отечественных записках» буквально решало судьбу этого издания.

В течение июля — октября 1839 г. Белинский был московским корреспондентом изданий Краевского — газеты «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"» и журнала «Отечественные записки». Переехав в Петербург в октябре 1839 г., Белинский становится фактическим редактором и основным сотрудником таких отделов «Отечественных записок», как «Критика» и «Современная библиографическая хроника». Одновременно он принимает участие как сотрудник в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду"». За семь лет (лето 1839 г. — весна 1846 г.) Белинский напечатал в «Отечественных записках» и «Литературной газете» (в которую с начала 1840 г. были преобразованы «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"») свыше 650 выступлений, различных по содержанию, формам и жанрам. С приходом Белинского отдел критики стал основным в журнале и лучшим среди подобных отделов в других журналах. Как вспоминал Галахов, характер критики «Отечественных записок» «установился в то время, когда Белинский стал главным распорядителем критического отдела».[31] Успеху этого отдела во многом способствовала регулярная публикация годовых обзоров литературы, которые писал Белинский в течение шести лет (1840—1845); в то же время в других журналах аналогичного типа такие статьи либо вообще не помещались, либо помещались не систематически — от случая к случаю и по своему содержанию даже сравниваться не могли с обзорами Белинского. Выгодно отличались «Отечественные записки» от других журналов также хорошо поставленным библиографическим отделом, в котором помимо Белинского, сотрудничали его друзья и, можно сказать, ученики в деле критики — писатели и журналисты Галахов, Кудрявцев, Боткин, Некрасов и др. Библиографический отдел улучшался от года к году, так что в обозрении русской литературы за 1842 г. Белинский с полным основанием мог писать, что в библиографической хронике «не пропущено ни одной книги, изданной в России на русском и иностранном языках, и потому полнотою она превосходит все подобные отделы в других журналах» (VI, 541).

31 «Исторический вестник», 1886, № 11, стр. 318.

По обилию и ценности статей научный отдел «Отечественных записок» уступал отделам критики и библиографии. В нем зачастую печатались статьи аморфные, растянутые. Но зато на фоне подобных материалов выделялись статьи Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», «Философия анатомии» Галахова, «Причины колебания цен на хлеб в России» А. П. Заболоцкого-Десятовского и др., получившие высокую оценку Белинского. Успеху этого отдела во многом способствовали переводы новейших иностранных сочинений. Это «Рассказы о временах Меровингов» Тьерри (перевод Герцена), «Консульство и империя» Тьера, «Система железных дорог в Германии» Фр. Листа и др. Знакомству русских читателей не только с современной литературой и журналистикой, но и наукой в странах Западной Европы служили регулярно печатавшиеся обзоры иностранных литератур (их составляли Катков, Панаев, Неверов, Боткин и др.), а также письма, которые присылали из-за границы Тургенев, Анненков и др.

В истории «Отечественных записок» 1840-х годов отчетливо намечаются три периода: первый (1839—1841 гг.) — когда философская общественно-политическая и эстетическая позиции журнала еще не определились, второй (1842 г. — весна 1846 г.) — когда «Отечественные записки» были самым передовым демократическим изданием в России, и третий (с весны 1846 г.) — когда в связи с уходом из журнала Белинского и Герцена намечается заметный крен в сторону либерализма.[32]

За это время произошли значительные изменения в составе сотрудников журнала и самой его структуре. В начале издания преобразованных «Отечественных записок» в них участвовали представители разных общественных направлений, в том числе будущие славянофилы, например Хомяков, и будущие руководители реакционного журнала «Москвитянин» — Шевырев и Погодин. С приездом Белинского в журнале начинают сотрудничать его московские друзья и знакомые — Боткин, Бакунин, Грановский, Кетчер, Кудрявцев и др., которые постепенно вытесняют из журнала авторов, покровительствуемых Краевским. Особенно ощутима демократизация авторского состава «Отечественных записок» с 1842 г. В журнале с этого времени сотрудничают молодые литераторы, ученые и критики — Кульчицкий, Тургенев, Достоевский, Салтыков, Некрасов, Кавелин и др. Для многих из них Белинский был учителем и советчиком. Большинство сотрудников «Отечественных записок» в середине 1840-х годов составили ядро «натуральной школы». Некрасов, который с 1841 г. печатался только в «Литературной газете», летом 1843 г. начинает принимать участие в журнале как

---

[32] Обстоятельная характеристика «Отечественных записок» содержится в исследовании В. И. Кулешова «„Отечественные записки" и литература 40-х годов XIX века» (Изд. МГУ, 1958).

рецензент, замещая Белинского по отделу библиографии, а со следующего года сотрудничает и как поэт.

До статьи «Русские второстепенные поэты» («Современник», 1850, № 1) Некрасов с крупными литературно-критическими статьями не выступал. В 1840-е годы его критическая деятельность развивалась в четырех направлениях: рецензии и библиографические отзывы, театральные отчеты, фельетоны, а также заметки в отделе «Смесь». Белинский очень высоко оценивал рецензии Некрасова за их «журнальную и фельетонную легкость». Недовольный недостаточной активностью Некрасова как рецензента в «Современнике», Белинский как-то сказал ему: «Вы отнимаете у „Современника", в своем лице, талантливого сотрудника. Вашими рецензиями дорожил и Краевский, хоть этого и не показывал. Вы писывали превосходные рецензии в таком роде, в каком я писать не могу и не умею» (XII, 344).

В письме к Кавелину от 7 декабря 1847 г. Белинский припомнил одну из журнальных рецензий Некрасова, написанную в острой фельетонной манере: «Вот, например, Некрасов — это талант, да еще какой! Я помню, кажется, в 42 или 43 году он написал в „Отечественных записках" разбор какого-то булгаринского изделия с такою злостью, ядовитостью, с таким мастерством, что читать наслажденье и удивленье» (XII, 456). В данном случае речь идет о рецензии Некрасова на выпуски иллюстрированного сборника Булгарина «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого», опубликованной в № 5 «Отечественных записок» за 1843 г. Иллюстрацию художника В. Тимма к очерку «Ворожея», на которой в образе одного из персонажей, подслушивающего из-за ширмы разговор ворожеи с девушкой, легко было узнать Булгарина, Некрасов остроумно использовал для характеристики Булгарина как доносчика и шпиона. Сказав, что в спрятавшемся господине олицетворена «пагубная страсть к подслушиванию, пересказам и переносам», Некрасов заключал: «Вот таких-то резких типических физиономий надо желать побольше в политипажах. Это, по крайней мере, поучительно и предостерегательно для других».

Под непосредственным влиянием Белинского в 1842 г. изменяется структура «Отечественных записок» как журнала демократического направления, который «издается не для известного (т. е. узкого. — *В. Б.*) круга, а для всех» (VI, 215). Это свое определение характера журналиста Белинский повторяет постоянно, начиная с 1842 г. Отдел «Современная хроника России» с полуофициальным характером информации, которым очень дорожил Краевский, переводится с первого места на третье. Одновременно значительно расширяются отделы критики и библиографии, вводится постоянный отдел иностранной словесности, в котором большое место занимает современная французская литература и журналистика (до этого журнал преимуществен-

ное внимание уделял немецкой литературе). С 1842 г. усиливается полемическая направленность журнала — начинается последовательная упорная полемика Белинского и Герцена со славянофилами, обостряется борьба с реакционной литературой и журналистикой. С этой целью в отделе «Смесь» организуется специальная рубрика «Литературные и журнальные заметки», в которой интенсивно участвовал Белинский. Статьи в отделе «Науки» теряют чисто описательный характер и обогащаются более современными научными взглядами. В них, несмотря на строгости цензуры, иногда развиваются материалистические воззрения (таковы были, например, статьи Герцена). Изменяется и форма научных и хозяйственно-экономических статей — они делаются более доступными, понятными демократическому читателю, что вызывает законное удовлетворение со стороны Белинского. Так, по его мнению, автор статьи «Табачная промышленность в России» (1843) «умел придать» ей «общий интерес и изложить ее с замечательной степенью литературного изящества» (VIII, 98).

Далеко не сразу определилась философская позиция «Отечественных записок». В первые годы (1839—1840) направление журналу придавали «примирительные» статьи Белинского — «Бородинская годовщина» (1839, № 10), «Очерки бородинского сражения» (1839, № 12), «Менцель, критик Гете» и «Горе от ума» (1840, № 1), — в основе которых лежала идеалистическая философия Гегеля и один из ее основных тезисов: «все действительное — разумно». Эта линия находила поддержку как у самого Краевского, так и у его сотрудников — Бакунина и Каткова. Гегельянец Бакунин в статье «О философии» (1840, № 4) выступает как непримиримый противник материализма и атеизма, опытных знаний и революционной борьбы. Катков присылал в «Отечественные записки» 1840 г. информации о лекциях Шеллинга, которые он слушал в Берлинском университете вместе с Энгельсом, Тургеневым и Бакуниным; в этих сообщениях Каткова не было и следа критического отношения к реакционной «философии откровения» позднего Шеллинга. Все меняется в журнале после 1842 г. В одном из обзоров немецкой литературы (1843) Боткин, критикуя мистическую философию Шеллинга, обильно цитирует работу Энгельса «Шеллинг и откровение»; это был один из первых примеров перевода на русский язык произведений Энгельса. В «Отечественных записках» начинают печататься философские работы Герцена, сыгравшие громадную роль в формировании материалистической философии в России.

Цикл статей «Дилетантизм в науке» (1843, № 1, 3, 5, 12) свидетельствует об утверждении Герцена на позициях атеизма и философского материализма. Выступая против идеализма Гегеля и русских гегельянцев, а также против субъективистских воззрений тех «дилетантов в науке», которые отрицают объек-

тивный характер предмета и законов философии, Герцен подчеркивает практическую сторону этой, казалось бы, «отвлеченной» науки, помогающей человеку понять жизнь, с тем, чтобы преобразовать ее в революционном духе. Цикл «Дилетантизм в науке» произвел сильное впечатление на передовых современников. Прочтя только первую статью, Белинский пришел в восторг от ее содержания и направления, методов аргументации и самой манеры изложения. Герцену удалось сложные вопросы умозрения изложить с предельной ясностью, четкостью, легко и свободно, что делало статью вполне доступной для широкого читателя. Белинский писал Боткину 6 февраля 1843 г.: «Скажи Герцену, что его „Дилетантизм в науке" — статья донельзя прекрасная, я ею упивался и беспрестанно повторял — вот как надо писать для журнала» (XII, 130). Второй цикл философских статей Герцена — «Письма об изучении природы» (всего 8 писем), которые печатались в журнале в 1845—1846 гг., — является новым этапом в философском развитии Герцена: если в статьях «Дилетантизм в науке» Герцен выступал как материалист, то теперь он уже является материалистом-диалектиком. «Письма об изучении природы» позволили В. И. Ленину сказать, что «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом».[33] Под влиянием философских работ Герцена и личного общения с ним Белинский совершил переход от философского идеализма к материализму.

Как неоднократно признавался сам Белинский, переезд в Петербург сыграл исключительно важную роль в его идейном и творческом развитии, ускорил его отход от идей временного «примирения с действительностью». Петербург, этот, по определению Белинского, «центр правительства, город по преимуществу административный, бюрократический и официальный» (VIII, 407), наглядно раскрыл перед критиком всю остроту социальных противоречий феодально-крепостнической России. Идейный кризис в мировоззрении Белинского нарастал постепенно, и уже в письме к Боткину от 4 октября 1840 г. Белинский со всей решительностью заявлял: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностью!.. Боже мой, страшно подумать, что со мною было — горячка или помешательство ума, я словно выздоравливающий» (XI, 556). Не случайно именно в это время происходит сближение Белинского с Герценом.

Теперь Белинский полностью отдался борьбе за социальное переустройство общества. Уже в январе 1841 г. он писал Боткину: «Все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и

---

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности» (XII, 13). «Идея социализма», социального равенства стала для Белинского осенью 1841 г. «идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов»; «Социальность, социальность — или смерть! — вот девиз мой... Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть не подозревает его возможности», — заявляет он (XII, 66, 69). Однако Белинский был не только социалистом-утопистом, но и революционером-демократом. В отличие от западных теоретиков утопического социализма он понимал, что к всеобщему братству людей можно прийти только через борьбу, через революционные потрясения. «Смешно и думать, — возмущается Белинский, — что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови» (XII, 71). Весной 1842 г. Белинский окончательно укрепляется в мысли, что новый общественный строй «утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодумной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (XII, 105).

Белинский тяжело страдал от того, что не мог открыто поделиться с читателями «Отечественных записок» своими заветными идеями. И все же различными намеками и недомолвками, искусными приемами эзоповского языка он умел сделать свои революционные убеждения достоянием читателей. Например, рецензируя первую часть исследования Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории» (1842, № 4), Белинский стремится объяснить наступление нового общественного порядка всем ходом исторического развития, обязательно предполагающим революционные взрывы. Имея в виду революционные выступления народа, Белинский писал, что «дух сомнения и отрицания» зачастую «играет в движении великую роль, отрывая отдельные лица и целые массы от непосредственных и привычных положений и стремя их к новым и сознательным убеждениям» (VI, 95). Нетрудно было догадаться, что следующие слова Белинского в той же рецензии выражали его страстную веру в торжество социалистического идеала: «Свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу и — будет новая земля и новое небо...» (VI, 96). Заметим, что в данном случае, как и всегда, когда Белинский хотел особенно заострить внимание читателей на своей недосказанной из-за цензуры мысли, он всегда применял многоточие.

В 1840-е годы происходят заметные сдвиги в литературно-эстетических взглядах Белинского, меняется общее направление его критики, которая все отчетливее приобретает публицистический характер. Если в пору «Московского наблюдателя» (1838—1839) и по приезде в Петербург Белинский в своих статьях преимущественно разрешал общеэстетические и литературо-

ведческие проблемы, т. е. выступал как литературный критик, эстетик-философ, теоретик и историк литературы, то примерно с 1842 г. он стремится к органическому соединению литературной критики с публицистикой, пересматривает самые задачи литературной критики. Программными в этом отношении являются три статьи, посвященные «Речи о критике» А. В. Никитенко (1842, № 9, 10, 11). Здесь и в других статьях Белинский резко выступает против «чистого искусства» и «объективности» (вернее, объективизма) в искусстве — за передовое по содержанию высокохудожественное искусство, «тенденциозное» в хорошем смысле слова, проникнутое «субъективностью», понимаемою Белинским как активное, гражданское отношение автора к изображаемому, как его уменье «не только наблюдать, но и судить» существующую действительность. Одновременно Белинский утверждает огромную гражданскую роль критики, вручает ей право на вынесение приговора отрицательным сторонам русской действительности. Но это же, не скрывает Белинский, накладывает и большую ответственность на критика, особенно если учесть, что журнальная публика 1840-х годов выросла, требования ее к литературе и критике заметно повысились, и для нее теперь «занятия литературою не есть отдохновение от забот жизни», а «res publica, дело общественное, великое, важное» (IV, 427).

Белинский постоянно указывает теперь на огромное значение литературы не только в эстетическом, но и общественном развитии человека. Он с удовлетворением отмечает тягу современного читателя к произведениям, возбуждающим жизненные интересы, и видит в этом начало новой «эпохи сознания». «И разве эти беспрерывные толки и споры в обществе о „Мертвых душах", эти восторженные похвалы и ожесточенные брани в журналах, возбуждаемые новым творением Гоголя, — разве это не живое явление и разве это не вопрос столько же литературный, сколько и общественный?» — спрашивает Белинский и далее так развивает свою мысль: «Мало того: разве весь этот шум и все эти крики — не результат столкновения старых начал с новыми, разве они не битва двух эпох?» (VI, 323).

Требования реализма и народности, выдвинутые Белинским еще в «Телескопе» и «Молве», получили дальнейшее развитие и углубление в его критике 1840-х годов. Теперь он с еще большей настойчивостью подчеркивает, что идеи гражданского патриотизма, гуманизма и народности являются неотъемлемой принадлежностью передовой русской литературы. В борьбе с субъективистской эстетикой романтизма Белинский настоятельно доказывает обусловленность художественного творчества потребностями времени, а самое достоинство писателя оценивает прежде всего его способностью откликаться на мысли и чувства своих современников. «Всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву об-

щественности и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества» (VI, 586), — утверждает Белинский. Однако Белинский никогда не растворял художественного элемента в мыслительном, поэзию в публицистике; он требовал органического соединения того и другого. И в собственной практике как литературный критик Белинский выступал одновременно как критик-публицист и критик-художник. Эта особенность критики Белинского 1840-х годов нашла отражение в лучших его статьях, опубликованных в «Отечественных записках», — в статьях о «Герое нашего времени» и «Стихотворениях» Лермонтова, в полемических статьях о «Мертвых душах» Гоголя, в публицистической статье о «Парижских тайнах» Э. Сю, в цикле статей о Пушкине, в годовых обзорах литературы.[34]

Уже в «Отечественных записках» Белинский выступил как теоретик и организатор «натуральной школы», высоко оценил ее интерес к душевному миру простого, социально униженного человека, т. е. ее гуманизм. Рецензируя альманахи Некрасова «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846), объединившие молодых писателей нового направления, Белинский с удовлетворением отмечает, что их произведения заставляют читателей глубоко задуматься. В этой связи особенно привлекают внимание Белинского «Петербургские углы» и «Чиновник» Некрасова, «Дворник» Даля, «Петербургские шарманщики» Григоровича, «Петербургский фельетонист» Панаева (все — в «Физиологии Петербурга»), «Бедные люди» Достоевского, «В дороге» Некрасова (в «Петербургском сборнике»). «Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах!» — восклицает Белинский (IX, 554), имея в виду Достоевского как автора повести «Бедные люди», которой посвящает почти половину своей статьи о «Петербургском сборнике». Белинский видит гуманизм Достоевского в том, что его повесть не только вызывает в читателе чувство сострадания к униженным и оскорбленным, но и позволяет распознать в несчастном бедняке настоящего человека. «Отечественные записки», опубликовав статью Белинского, первыми выступили в защиту «натуральной школы» и тем снискали себе уважение со стороны мыслящего демократического читателя.

«Отечественные записки» укрепляли свой авторитет в глазах передовых читателей также постоянной, непримиримой борьбой с реакционной журналистикой. Борьбу эту возглавлял Белинский, суждения которого в «Отечественных записках» о тогдашних периодических изданиях во многом сходны с теми, которые им высказывались еще в московский период. Развернутую ха-

---

[34] О всех перечисленных статьях см. стр. 93—104 настоящей работы («Характер и жанры статей Белинского»).

рактеристику современной ему периодики Белинский включил в статью о «Репертуаре русского театра» («Отечественные записки», 1840, № 4). Сказав, что «в Москве, которая так недавно гордилась перед Петербургом и количеством и достоинством своих журналов, теперь страшное запустение»,[35] Белинский переходит к оценке петербургских изданий. Сурово судит он органы «триумвирата» — «Сын отечества», «Северную пчелу» и «Библиотеку для чтения». «Сын отечества», по мнению Белинского, совершенно чужд живых интересов времени, он «с старческой ворчливостью побранивает все новое», видя в современной литературе «одну посредственность». Статьи его отличаются «удивительною пустотою, сухостью и безжизненностию». Издается журнал очень неаккуратно: номера выходят с большим запозданием, а то и вовсе не додаются подписчикам. «Северная пчела», по-прежнему настаивает Белинский, «держится одними политическими известиями», которые она, по дарованному ей правительством праву, перепечатывает из официальных газет, да еще публикацией различных объявлений, например «о водоочистительных машинах и других не относящихся к литературе предметах». Значительно растеряла своих читателей и «Библиотека для чтения», которая не выдержала конкуренции со все крепнущими «Отечественными записками». Она, по мнению Белинского, «в какой-то апатии вяло дошучивает на старый лад старые же остроты, наполняется какими-то дикими статьями». Критика и библиография зачастую «не превышает трех страничек — тоща, суха, шутки приторны». Журнал Сенковского, справедливо утверждает Белинский, «отстает книжками и быстро клонится к желанному покою». Аполитизм, какое-то «академическое» безразличие Белинский видит в «Современнике» Плетнева: «Это больше альманах, чем журнал; он не держит голоса на арене современной литературы». И вновь Белинский отмечает, что отзывы «Современника» лишены необходимой журнальной резкости и полемичности.

В дальнейшем Белинский не посвятил изданиям «триумвирата» ни одной специальной статьи, так как их направление уже было осуждено передовой русской критикой (и прежде всего им самим) еще в 1830-е годы. Поэтому в пору «Отечественных записок» Белинский говорит о них попутно (и зачастую довольно кратко) в концовках своих ежегодных обозрений русской литературы, в полемических «Литературных и журнальных заметках». Зато новым двум журналам — «Москвитянину» и «Маяку», особенно первому, Белинский уделяет куда больше внимания: ему нужно было раскрыть реакционную сущность этих изданий, и он успел в этом с активной помощью Герцена.

---

[35] Позже, в фельетоне «Москва и Петербург» (1842) Герцен иронически замечал, что «в Москве издается один журнал, да и тот „Москвитянин"» (II, 37).

Первый сильный удар по «Москвитянину» и его идейному вдохновителю Шевыреву нанес Белинский своим памфлетом «Педант» (1842, № 3), опубликованным за подписью: Петр Бульдогов. Общественный резонанс памфлета был исключительным. Как информировал из Москвы Боткин, «удар произвел действие, превзошедшее ожидания: у Шевырева вытянулось лицо, и он не показывается эту неделю в обществах», а «Отечественные записки» с памфлетом Белинского «рвут из рук в руки и весь сколько-нибудь читающий люд говорит о них». Белинскому грозили неприятности: по сообщению того же Боткина, в Петербург должен выехать московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын, который поддерживает жалобу (точнее, донос) Шевырева на «Отечественные записки».[36] Но Белинский не только не испугался возможных неприятных для себя последствий, но, напротив, был буквально счастлив, что его удар попал в цель. Он писал Боткину 31 марта 1842 г.: «Спасибо тебе за вести об эффекте „Педанта"; от них мне некоторое время стало жить легче. Чувствую теперь вполне и живо, что я рожден для печатных битв и что мое призвание, жизнь, счастие, воздух, пища — *полемика*» (XII, 88).

Полемику с «Москвитянином», начатую Белинским, поддержал Герцен, напечатавший в «Отечественных записках» несколько своих острых фельетонов — «„Москвитянин" о Копернике», «Путевые записки г. Вёдрина» (1843, № 11), «„Москвитянин" и вселенная» (1845, № 3). Фельетоны Герцена имели огромный успех у читателей. Белинский восторгался «фельетонным талантом» Герцена, считая лучшим фельетоном «Путевые записки г. Вёдрина», который представляет собой мастерски сделанную пародию на дорожный дневник Погодина «Путевые заметки», напечатанный в «Москвитянине». Герцен пародирует пустоту и бессодержательность путевых записей Погодина, а также их «рубленый» стиль — нагромождение коротких, мало связанных между собой предложений. Адресат пародии легко узнавался по самому имени «Вёдрин» («вёдро» — старорусское слово, означающее сухую, ясную погоду). Этим фельетоном Герцен как бы осуществил обещание Белинского, высказанное еще в «Педанте», — напечатать в «Отечественных записках» сатирический портрет «циника-литератора», т. е. Погодина.

Руководители и сотрудники «Москвитянина» всячески старались замаскировать его реакционную сущность декларациями о любви к народу, поэтому Белинский и Герцен в полемике с

---

[36] Отчет императорской Публичной библиотеки за 1889 г. Приложение III. СПб., 1893, стр. 44. — Одновременно А. Д. Галахов информировал из Москвы, что «статья „Педант" наделала гул и шум и раздражила до того, что хотят жаловаться Бенкендорфу, указав на выписанные слова (т. е. на цитаты из статей Шевырева. — *В. Б.*). Дурно то, что в их возгласах принял участие кн. Д. В. Голицын, который, говорят, скоро поедет в Петербург» («Литературное наследство», т. 56, стр. 165).

этим органом «официальной народности» применяли, так сказать, «метод подстановки»: они постоянно отождествляли его с открыто мракобесным «Маяком». Герцен называл «Москвитянина» родным братом «Маяка», который в свою очередь определялся Белинский как «петербургский „Москвитянин"». «„Маяк", — утверждал Белинский, — ничем не разнясь от „Москвитянина", ни в духе, ни в направлении, превосходит его в последовательности и верности своим собственным началам» (IX, 70). Открыто полемизировать с «Москвитянином», покровительствуемым министром просвещения Уваровым, было трудно, и Белинский (а иногда и Герцен) зачастую называл «Москвитянина» органом славянофилов, выделяя в славянофильстве те черты, которые сближали его «с официальной народностью». Но коль скоро сам-то «Москвитянин» по его идейным установкам Белинским не отделялся от «Маяка», то получалось», что славянофильство в своих реакционных тенденциях мало чем отличается от «теорий», проповедуемых «Маяком». Это свое положение Белинский обстоятельно аргументировал в пору сотрудничества в «Современнике», особенно в статье «Ответ „Москвитянину"». Что касается «Отечественных записок», то важными вехами их полемики со славянофилами являются также выступления Белинского против К. С. Аксакова по поводу «Мертвых душ» Гоголя (1842) и его памфлет «Тарантас» (1845) (см. дальше, стр. 108—110).

Успех «Отечественных записок» увеличивался с каждым годом, несмотря на происки враждебной прессы и цензурные гонения. Если к моменту прихода Белинского у журнала было только 1200 подписчиков, то в 1841 г. их число почти удвоилось, в 1842 г. превысило 3000, а в 1846 г. составило 5000. В середине 1840-х годов «Отечественные записки» были самым распространенным журналом как в столицах, так и в провинции, откуда они даже вытеснили «провинциальную» «Библиотеку для чтения». Рост популярности «Отечественных записок» потребовал усовершенствования самой техники набора и печатания. В «Литературных и журнальных заметках» (1843, № 12) Белинский информировал читателей журнала: «С будущего года „Отечественные записки" будут печататься в типографии г. Глазунова и К°, где уже нарочно для них куплена большая скоропечатная машина, могущая отпечатывать до 1000 листов в час, и приготовлен новый шрифт из знаменитой словолитни г. Ревильона. Первая книжка „Отечественных записок" 1844 года будет уже набрана этим шрифтом и отпечатана на этой машине. Скорость печатания доставит нам возможность ранее рассылать книжки для иногородных читателей, нежели как было делаемо это до сих пор» (VIII, 42).

Современники в один голос свидетельствуют, что авторитет «Отечественным запискам» создавали прежде всего статьи Белинского, которые, по словам Герцена, «судорожно ожидались мо-

лодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца» (IX, 29). Во время совместной поездки с актером М. С. Щепкиным по югу России летом и осенью 1846 г. Белинский лично убедился, как популярны его статьи среди провинциальной интеллигенции, и это его глубоко взволновало. Еще раньше не без законной гордости признавался он Герцену: «Я просто изумлен, как имя мое везде известно и в каком оно почете у российской публики: этого мне и во сне не снилось» (XII, 273). У Белинского были все основания называть себя «закваской, солью, духом и жизнью» журнала Краевского (XII, 258).

По мере роста успеха «Отечественных записок» усиливались доносы на них реакционной прессы и строгости цензуры. Так, в результате доносов Булгарина Уваров в 1843 г. специальным предписанием потребовал от цензоров «быть как можно строже» к журналам, особенно к «Отечественным запискам», где «под видом философских и литературных исследований распространяются вредные идеи». С исключительной строгостью рассматривались в цензурном комитете статьи Белинского, письма которого полны негодования в адрес цензуры. В марте 1846 г. в своем огромном доносе «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последнее 25-летие», почти целиком посвященном «Отечественным запискам», Булгарин возмущался «как правительство может терпеть такой журнал». Обильными цитатами из статей за 1841—1845 гг. Булгарин старался убедить III отделение, что «все направление» этого журнала «клонится к тому, чтобы возбудить жажду к переворотам и революциям».[37]

Усиление цензурных нападок и доносов Булгарина на журнал, и главным образом на выступления Белинского, испугало благонамеренного Краевского. Он стал подвергать статьи Белинского собственной «домашней» цензуре, «сужать» его участие в журнале, загружать черновой работой, изнурительной для Белинского, но зато менее опасной для журнала и его издателя. Не останавливался Краевский и перед неприкрытой эксплуатацией Белинского: он задерживал выплату гонорара, заставлял работать сверх договора и т. д. — словом, всеми мерами хотел показать, что не прочь освободиться от «беспокойного» сотрудника. Понимая это, Белинский в марте 1846 г. порывает с «Отечественными записками». В это время он закончил свою работу «Николай Алексеевич Полевой», которую решил напечатать отдельным изданием. Желая несколько отдохнуть от срочной журнальной работы и укрепить свое здоровье, Белинский принимает предложение Щепкина поехать с ним в южные губернии России, куда артист отправлялся на гастроли. Уходя из «Отечественных записок», Белинский мечтал о возобновлении журналистской деятельности в каком-нибудь новом журнале

[37] Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, стр. 303.

(вернее, обновленном, так как создание новых журналов не разрешалось) с тем, чтобы иметь возможность работать более или менее свободно от издательского произвола, сохраняя силы для серьезных выступлений. Своими замыслами Белинский делится с друзьями. По пути на юг Белинский в мае 1846 г. остановился в Москве, где в то время находились Герцен, Грановский, Огарев, Некрасов, Панаев, Тургенев и др. Видимо тогда и зародилась мысль о приобретении Некрасовым «Современника» Плетнева. Затем начались хлопоты по осуществлению этого плана. В октябре 1846 г. Белинский вернулся в Петербург, к этому времени уже был решен вопрос о переходе «Современника» в руки Некрасова и Панаева.

Еще весной 1846 г., решив оставить «Отечественные записки», Белинский приступил к организации большого (в 50 авторских листов) общественно-литературного альманаха «Левиафан». В числе участников намечались Некрасов, Герцен, Тургенев, Достоевский, историки Кавелин и Соловьев и др. Альманах должен был выйти осенью 1846 г. Но когда выяснилось, что с января 1847 г. Некрасов и Панаев начнут издавать «Современник», Белинский решил отказаться от альманаха и весь собранный материал передать в обновленный журнал. Благодаря этому первоклассному вкладу Белинского «Современник» сразу же выделился среди других журналов.

Уход из «Отечественных записок» Белинского и его друзей— Герцена, Некрасова, Панаева и др., бесспорно, отрицательно сказался на журнале Краевского. По словам Герцена, потеря «Отечественными записками» такого сотрудника, как Белинский, «равняется Ватерлоо, после которого Наполеон все Наполеон — да без армии» (XXII, 252). Как и следовало ожидать, отсутствие Белинского особенно почувствовалось в отделах критики и библиографии. Критический отдел немногим больше года возглавлял молодой, способный критик В. Н. Майков, который пришел из «Финского вестника». Майков писал содержательно и интересно, но не всегда живо и увлекательно; к тому же его больше занимали социологические и научные вопросы, чем литературная критика в собственном смысле слова. В журнале Краевского Майков сотрудничал совсем недолго: в июле 1847 г. он утонул; за это время он успел напечатать в «Отечественных записках» более ста статей и рецензий.

Как критик Майков был многим обязан Белинскому, но во многом он и разошелся с ним. Как и Белинский, Майков боролся с защитниками «официальной народности» и славянофилами, строго осудил Гоголя за «Выбранные места из переписки с друзьями» и т. д. Но тот же Майков, как сторонник позитивной философии О. Конта, переносил законы естественных наук (физиологии) на социологию. Поэтому крайний субъективизм, метафизичность, отвлеченность и вульгаризация органически входили в его статьи. По существу Майков как бы «снимал» крити-

ческий и историко-литературный метод Белинского, в основе которого лежала диалектика и глубокое понимание потребностей современности. Так, Майков, вопреки Белинскому, не рассматривал литературу как исторически развивающийся процесс, не придавал большого общественного значения «натуральной школе», снижал роль журналистики в формировании сознания читателей, недооценивал многие журнальные жанры, например годовые обзоры литературы.

Первый номер «Отечественных записок» за 1847 г. вышел без привычного для читателей годового обозрения литературы Белинского. Его заменил обзор В. Майкова «Нечто о русской литературе в 1846 г.». Уже само название показательно — именно «нечто», а не подробный, глубокий обзор. Фрагментарность, отсутствие единой идеи, а также полемичность по отношению ко многим положениям Белинского — вот что характерно для этой статьи Майкова. Что касается самого 1846 года, то если для Белинского он важен как новое свидетельство усиления в литературе «отрицательного направления», полного торжества «натуральной школы» (выход «Петербургского сборника»), то, по мнению Майкова, 1846 год «не имеет ровно никакого значения». Несмотря на довольно серьезные расхождения с Белинским, Майков стремился наладить прочные контакты с «Современником», где в 1847 г. напечатал пять своих статей и рецензий (две в соавторстве). Он собирался с середины 1847 г. вообще остановить журнал Краевского и перейти в «Современник».

После смерти Майкова (июль 1847 г.) его некоторое время заменял в отделе критики «Отечественных записок» москвич Галахов, но потом критический отдел перешел в ведение либерала-западника Дудышкина, который до этого времени возглавлял отдел библиографии. Человек средних литературных способностей, «литературный чиновник», по отзывам современников, Дудышкин, как правило, писал бесцветно и вяло. Однако его осторожность вполне устраивала Краевского, который в 1860 г. сделал своего сотрудника соредактором журнала.

Потеряв Белинского и его верных друзей, Краевский все же сумел удержать при журнале многих талантливых писателей и ученых (Тургенева, Достоевского, Григоровича, Кавелина, Грановского и др.), поэтому первые два года после ухода Белинского на высоком уровне оставался отдел словесности и на приличном уровне держался отдел науки. Но и в них не было строгого отбора материала. Зачастую в отделе словесности печатались низкопробные, слащаво-сентиментальные «светские» («пошлейшие», по определению Белинского) повести; это дало Белинскому право утверждать, что «Отечественные записки» «страшно плохи в отношении к повестям». Пестротой, «всеядностью» отличались и такие отделы, как «Науки и художества» и «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще». Читать статьи этих отделов, по утверждению Белинского, «скука смерт-

ная». «От „Отечественных записок" несет мертвечиною», — так характеризовал Белинский журнал Краевского через год после ухода из него (XII, 359).

Среди статей «Отечественных записок» этого времени счастливо выделялись и по содержанию, и по изложению две статьи видного чиновника Министерства государственных имуществ, либерально настроенного экономиста и публициста А. П. Заболоцкого-Десятовского «Причины колебания цен на хлеб в России» (1847, № 5-6) и четыре статьи молодого экономиста и социолога петрашевца В. А. Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» (1847, № 1-4), которые вызвали восторженную оценку со стороны Белинского. Заболоцкий-Десятовский раскрывает нерентабельность крепостного труда, отрицательное влияние его на экономику страны и подводит читателей к мысли о необходимости ликвидации крепостного душевладения. Еще более острыми оказались статьи Милютина. В них доказывалось, что в частной собственности, порождающей конкуренцию, заключена причина страданий и бедствий пролетариев как городских, так и деревенских. Но его положительная программа отдавала реформизмом. Милютин осуждает борьбу рабочих за свои политические и экономические права, ратует за реформы свыше, за участие пролетариев в прибылях капиталистов. Однако его статьи, сильные своей критикой частной собственности и яркими описаниями буквально нечеловеческих условий жизни обнищавших земледельцев, легко соотносились с положением дел в России.

Эпоха «цензурного террора», начавшаяся в России сразу после получения известий о февральской революции 1848 г. во Франции, сразу же отрицательно отразилась на «Отечественных записках». В докладной записке царю шеф жандармов А. Ф. Орлов, сменивший на этом посту Бенкендорфа, сообщал, что, хотя журнал Краевского «со времени отпадения от него Белинского и сделался умереннее в нравственном отношении», все равно он и теперь «может приводить молодых людей к неуважению всего, к чему народ питает благоговение».[38] Меншиковский комитет, занимавшийся проверкой направлений периодических изданий, самыми неблагонадежными счел «Современник» и «Отечественные записки». Крайнее неудовольствие комитета вызвали опубликованные в журнале Краевского статьи Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» и повесть Салтыкова «Запутанное дело», в которой не без основания увидели «вредный образ мыслей» и за которую автор поплатился ссылкой в Вятку. Краевского потребовали в III отделение, где у него взяли подписку, что отныне он придаст журналу направление, «совершенно согласное с видами правительства». Напуганный Краевский поспешил исполнить обещание, и в июльском

[38] Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., стр. 176.

номере «Отечественных записок» за 1848 г. появилась его раболепная статья «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», которая по своей реакционной направленности мало отличалась от выступлений «Москвитянина», чем и понравилась царю.

В 1850—1860-е годы «Отечественные записки» старались удержаться на умеренно-либеральных позициях «спокойного» полуакадемического журнала, что, однако, не мешало им вести довольно острую полемику с передовыми изданиями — и прежде всего «Современником» Чернышевского и Добролюбова. Только после перехода «Отечественных записок» в 1868 г. в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина начнется новый период их расцвета.

«СОВРЕМЕННИК»

«Современник» был создан Пушкиным в 1836 г.; выходил раз в три месяца. В течение 1837 г., после гибели поэта, Вяземский, Краевский, Одоевский и Плетнев выпустили по одному тому журнала. В 1838 г. единоличным издателем-редактором «Современника» становится Плетнев, которому не удалось вернуть журналу былую славу, даже несмотря на то, что с 1843 г. журнал начал выходить ежемесячно. Тираж «Современника» в 1840-е годы не превышал 300—400 экз., а в 1846 г. Плетнев смог получить только 233 подписчика. Поэтому, когда Некрасов и Панаев, под настойчивым воздействием Белинского решившие основать журнал, предложили Плетневу на очень выгодных для него условиях взять в аренду издание «Современника»,[39] Плетнев согласился. В октябре 1846 г. «Современник» перешел в руки Некрасова и Панаева; арендный договор с Плетневым был оформлен на имя Панаева.

Поскольку не только Белинский, но даже Некрасов и Панаев не могли рассчитывать на утверждение одного из них в качестве официального редактора «Современника» (а без этого издание журнала вообще не допустили бы), решено было пригласить литератора А. В. Никитенко, видного чиновника петербургского цензурного комитета, популярного профессора петербургского университета. Человек либерального образа мыслей, с большими связями, Никитенко казался самой подходящей кандидатурой на пост официального редактора. Он должен был осуществлять внутреннюю, «домашнюю» цензуру журнала и содействовать прохождению номера в цензуре. Сам же Никитенко претендовал на «полную свободу в выборе статей и в сообщении журналу направления» (запись в дневнике от 31 января

[39] С конца 1836 г. в течение двадцати лет действовало распоряжение, согласно которому запрещалась выдача прав на издание новых научно-литературных и литературных журналов. Поэтому в России существовала практика перепродажи прав на издание того или иного органа печати.

1847 г.).[40] Все это вскоре привело к осложнению отношений между издателями «Современника» и его официальным редактором. Фактическим редактором и идейным вдохновителем «Современника», по мнению Некрасова и Панаева, должен был стать Белинский. И он им стал с самого начала издания журнала. «Состав каждой книжки апробируется Белинским», — сообщал Панаев Кетчеру 7 февраля 1847 г.[41]

Обновленный «Современник» увеличился в объеме почти вдвое (размер месячного номера достигал двадцати пяти авторских листов). Кроме того, в качестве приложения к журналу печатались крупные литературные произведения русских и зарубежных авторов. Он по-прежнему назывался «литературным журналом» (так значилось на титуле). Самый тип журнала определил его отделы: «Словесность», «Науки и художества», «Критика и библиография» (с двумя подотделами: «Русская литература» и «Иностранная литература»), «Смесь», «Моды». Но, в отличие от периода редакторства Плетнева, теперь в «Современнике» большое внимание уделялось «всем отраслям знания», включая экономическую и хозяйственную деятельность. Публицистичность также стала свойственной многим материалам журнала, в том числе научным.

«Современник» объединил на своих страницах лучшие литературные и научные силы, хотя с привлечением авторов не обошлось без осложнений. Если Белинский, Некрасов, Панаев и Герцен с приходом в «Современник» полностью порвали с журналом Краевского, то многие московские либералы-западники (Боткин, Грановский, Кавелин), на исключительное сотрудничество которых в обновленном журнале рассчитывал Белинский, продолжали сотрудничать и в «Отечественных записках», что вызвало справедливое негодование критика. «Современник» сразу же занял первое место среди тогдашних журналов и мог успешно конкурировать даже с журналом Краевского, не говоря уж о «Библиотеке для чтения». «„Современник" нравственно процветает, т. е. авторитет его велик, у нас в Петербурге на него все смотрит как на первый, т. е. лучший, журнал в России», — с удовлетворением сообщал Белинский Боткину в марте 1847 г. (XII, 352). Несмотря на происки Краевского и руководителей реакционных изданий, «Современнику» уже на 1847 г. удалось получить более 2000 подписчиков, в следующем году их число превысило 3000.

Общественно-политические и эстетические позиции сотрудников «Современника» не отличались единством, но ведущая тенденция основных материалов журнала (и в первую очередь статей Белинского) позволяет считать его революционно-демократическим изданием. Осуждение крепостного права, борьба с

---

40 А. В. Никитенко. Дневник, т. I, стр. 301.
41 «Литературное наследство», т. 56, стр. 186.

«официальной народностью», славянофильством и либеральным западничеством, развитие идей утопического социализма, защита и пропаганда демократической эстетики «натуральной школы» — все это делало «Современник» органом русской революционной демократии.

В отличие от многих журналов той поры «Современник» несколько изменил структуру своих отделов. Прежде всего это сказалось в том, что он объединил отделы критики и библиографии. Это решение Белинский обстоятельно мотивировал во «Взгляде на русскую литературу 1846 года». Разделяя критику в собственном смысле слова — «большую критику» (критическую статью) и «малую критику» (рецензию), Белинский пишет: «Замечательных книг, подлежащих ведомству серьезной критики, у нас выходит так мало, что обязанность писать по критике каждый месяц поневоле делается чем-то вроде тяжелой поставки, ибо много замечательного печатается в журналах. Поэтому, представляя отчеты наши публике о всех более или менее примечательных явлениях русской литературы, мы не будем нисколько заботиться, что выйдет из нашего разбора — критика или рецензия» (X, 49). Если раньше Белинский как литературный критик и руководитель критико-библиографических отделов большое внимание уделял рецензированию низкопробных произведений и даже создал особый тип «отрицательной рецензии», то теперь, когда читатель достаточно вырос, чтобы уметь самостоятельно определить качество литературного произведения, для него подобные «отрицательные рецензии» уже не были абсолютно необходимы. Поэтому Белинский в том же обозрении заявляет, что в отделе критики и библиографии «книги ничтожные» рассматриваться не будут. Но зато в отделе смеси возможны сообщения о «книгах легких и незначительных». Кроме того, в целях полной регистрации всех книжных новинок, читателям журнала дважды в год выдавались полные библиографические списки всех выходящих в России книг.

Отсутствие в «Современнике» специального экономического отдела не мешало его сотрудникам постоянно обращаться к экономическим вопросам в таких отделах, как «Смесь», «Наука и художества» и «Критика и библиография». По-своему составлялся в «Современнике» и отдел «Моды», которым руководил Панаев. Помимо обычных картинок парижских мод с пояснениями, в данном отделе «Современника» печатались беллетристические произведения, которые не только просвещали русских читателей и читательниц по части современных мод, но и пародировали распространенный в 1840-е годы жанр «великосветского романа» и жанр переписки; таковы — «Великая тайна одеваться к лицу. Опыт великосветского романа в двух частях» Панаева или «Письма столичного друга к провинциальному жениху» А. Чельского (псевдоним Гончарова).

«Современник» сразу же выделился среди других журналов

отделом словесности, где публиковались первоклассные произведения, многие из которых были написаны в духе «натуральной школы». Это — роман Гончарова «Обыкновенная история», роман Герцена «Кто виноват?» (обе части — в приложении к первому номеру журнала за 1847 г.) и его повести «Сорока-воровка» и «Из сочинения доктора Крупова...», четырнадцать очерков и рассказов Тургенева «Из записок охотника» (в том числе открыто антикрепостнические «Бурмистр» и «Контора»), повесть Григоровича «Антон-Горемыка», известная в свое время повесть Дружинина «Полинька Сакс», посвященная теме эмансипации женщины, очерки и повести Гончарова, Гребенки, Григоровича и других представителей «натуральной школы». Поэтому Белинский имел все основания восторгаться художественными произведениями в «Современнике», особенно повестями. Он писал Боткину в ноябре 1847 г.: «Повести у нас — объедение, роскошь — ни один журнал никогда не был так блистательно богат в этом отношении, а русские повести с гоголевским направлением теперь дороже всего для русской публики, и этого не видят только уже совсем слепые» (XII, 408). Среди поэтических произведений «Современника» выделялись стихотворения Некрасова «Тройка», «Псовая охота», «Нравственный человек», «Еду ли ночью по улице темной» и др. В «Современнике» печатались переводы произведений лучших европейских писателей— «Домби и сын» и «Битва жизни» Диккенса, «Том Джонс» Фильдинга, «Лукреция Флориани» и «Пиччинино» Ж. Санд и др.

В отделе словесности в 1847 г. впервые было опубликовано яркое публицистическое произведение Герцена — «Письма из Avenue Marigny» (№ 10 — письма 1—3; № 11 — письмо 4), которые он прислал в редакцию «Современника» из Парижа. Критикуя буржуазный провопорядок предреволюционной Франции, Герцен показывает, что ничем не ограниченное экономическое и политическое господство буржуазии в пору Июльской монархии неминуемо приведет к революционному взрыву. «Парижские бедняки, — говорится в третьем письме от 20 июня 1847 г., — имеют, сверх затаенного негодования, голову, поднятую вверх, они психически развиты гораздо более, нежели вы предполагаете». Слова Герцена оказались пророческими: через 8 месяцев во Франции произошла Февральская революция 1848 г.

Очень емким был отдел «Смесь». Хотя самый тип «литературного журнала» не предполагал введение экономического отдела, а политика по цензурным условиям вообще исключалась из программы частного журнала, издатели «Современника» широко использовали отдел «Смесь» для подробной информации о новейших достижениях (русских и зарубежных) «в области наук и промышленности», для высказываний по социально-экономическим и политическим вопросам. Зачастую в целях цензурной маскировки «проклятые вопросы» русской жизни приходилось решать на материалах зарубежных. Иногда в «Смеси» по-

мещались небольшие по объему художественные произведения («Роман в двадцати письмах» Достоевского, «Хорь и Калиныч» Тургенева и др.). В «Смеси» печатались фельетоны в стихах и прозе от имени «Нового поэта», большая часть которых принадлежала Панаеву; в них часто пародировались стихотворения реакционных поэтов — Языкова, Хомякова, Кукольника и др. В конце отдела «Смесь» находилась рубрика «Современные заметки», которая несла на себе основную публицистическую нагрузку, поскольку чаще всего именно в ней проскальзывали упоминания о политической жизни Европы и общественных неустройствах России. Здесь же публиковались обзоры современной журналистики и велась полемика с реакционными органами печати («Москвитянином», «Северной пчелой», «Сыном отечества» и др.). Неоднократно в этой рубрике выступал Белинский. Много места уделялось в «Смеси» различным формам экономической и хозяйственной жизни России, состоянию просвещения в России и странах Западной Европы.

Одна из самых сильных сторон общественной позиции «Современника» — это его выступления против крепостного права. Чаще всего они встречаются как раз в отделе «Смесь». Так, в «Современных заметках» в № 3 за 1847 г. приводятся различные мнения о методах управления помещичьими крестьянами и, в частности, суждения об отношениях управляющих к крестьянам, высказываемые в тогдашней печати. Как правило, все эти мнения отражали интересы крепостников-помещиков. Подчас уже сами цитаты говорят за себя. Таково, например, восторженное суждение одного помещика о «чудесных способностях» своего управляющего, который не только по ночам сказки про Бову и Еруслана ему рассказывает «как по писаному», но по приказу помещика мужиков «так отшлепает нагайкой, что будут помнить до новых веников». Сотрудник «Современника» почти каждое приводимое им высказывание сопровождает язвительными комментариями, вскрывающими его крепостнический характер.

К числу антикрепостнических выступлений «Современника» относится его участие в полемике по поводу нерентабельности крепостного труда. Собственно, обсуждение этого вопроса и началось в «Современнике» статьей «Отзыв англичан о русском земледелии» (1847, № 3), в которой приводилось мнение английского путешественника фермера Салтера о состоянии сельского хозяйства в России. Салтер утверждал, что «земледелие находится в России в первобытном состоянии» и причину этого видел в крепостническом характере крестьянского труда. Статья «Современника» вызвала многочисленные отклики печати, причем против точки зрения Салтера выступили помещики-крепостники, с защитой ее — противники крепостнических порядков в России. Наиболее отчетливо позиции сторон проявились в суждениях ковровского помещика А. И. Чихачева («Земледельче-

ская газета», 1847, № 59) и Н. П. Огарева («С.-петербургские ведомости», 1847, № 227). Резко возражая Чихачеву, Огарев не только показал экономическую невыгодность крепостного труда, но и затронул юридическую сторону крепостнического душевладения. Он не побоялся заявить, что ничто не мешает помещикам нарушать существующие законы, согласно которым крепостной крестьянин всего три дня в неделю обязан работать на помещика. Здесь же Огарев, как непримиримый противник крепостного права, высказывается за «непринужденность» найма работника, освобождение работника и его труда от «излишних притязаний» со стороны работодателя. Итог полемике, развернувшейся вокруг статьи Салтера, подвел тот же «Современник» в статье «Суждение помещиков о барщине» (1847, № 11), автор которой показал крепостническую направленность мнений Чихачева, дающего «понятие о воззрении помещика на отношения его к крестьянам». Статья же Огарева, направленная против Чихачева, определяется «Современником» как «весьма умная и дельная». «Современник» недвусмысленно высказался за изменение «экономических отношений» рабочего класса, т. е. за отмену крепостного права. Одновременно «Современник» вопреки либералам-западникам не обходил молчанием социальных противоречий, характерных для буржуазной Европы. В «Смеси» печаталось много статей и заметок, рассказывающих об обнищании простого народа в странах Запада и Востока, о зверском притеснении угнетенных национальностей в колониальных странах (например, о продаже невольников «с публичного торгу» вместе с различными вещами), причем материал подавался таким образом, что он легко соотносился с положением русского крепостного крестьянства и закабаленных национальных меньшинств в царской России.

В отделе «Науки и художества» наибольшее внимание уделялось русской истории. Украшением отдела были статьи: К. Д. Кавелина — «Взгляд на юридический быт древней России» и С. М. Соловьева — «Даниил Романович, король Галицкий», предназначавшиеся еще для альманаха Белинского «Левиафан». Экономике, государственному хозяйству и торговле древней Руси посвящались специальные статьи. Большой успех у современников имели статьи члена кружка Петрашевского — экономиста В. А. Милютина, в которых выражалось сочувствие «новейшим экономическим школам», т. е. утопическому социализму,[42] и разоблачались лицемерные попытки буржуазных теоретиков и экономистов, направленные на сглаживание социальных противоречий в странах буржуазного Запада. Так, в статьях «Мальтус и его противники» (1847, № 8 и 9) Милютин выступает против книги Мальтуса «Опыт о законе народонаселе-

[42] В этом отношении наиболее характерна большая статья Милютина о книге А. Бутовского «Опыт о природном богатстве, или О началах политической экономии» (1847, № 10, 11, 12).

ния» (1798 г.), в которой доказывалось, что коль скоро развитие средств пропитания отстает от чрезмерного роста народонаселения, и все это в природе вещей, то страдания и бедствия человеческие неизбежны, и бороться с ними нелепо. Автор статьи называет Мальтуса «экономистом привилегированных классов», а основания его теории «возмутительными». Суровой логикой фактов Милютин убеждает читателей, что «неограниченное владычество капитала над трудом», «безусловное господство анархии и произвола» падут «рано или поздно, точно так же, как и все другие неразумные, несправедливые учреждения, произведенные силою исторической необходимости и ею же уничтоженные». Как социалист-утопист, петрашевец Милютин верит в возможность «разумного устройства» экономических отношений мирным путем, без политического переустройства общества. Но мечты его о свободном обществе без страдания и угнетения перекликались со многими высказываниями Белинского этой поры. Белинский очень высоко отзывался об экономических работах Милютина. В частности, по поводу его статей о Мальтусе Белинский писал, что направление мысли автора «дельное и совершенно гуманное, без прекраснодушия» (XII, 408). Давний друг Герцена и Огарева Н. М. Сатин поместил в «Современнике» (1847, № 11) статью «Ирландия», которая произвела сильное впечатление на читателей как своим содержанием так и формой. «О достоинстве ее и об интересе для русской публики нечего и говорить. Она читается как повесть», — писал Некрасов Сатину 4 января 1848 г., уведомляя его, что эта статья «сделала эффект».[43] И действительно, написанная живо, как настоящая журнальная публикация, статья «Ирландия» затрагивала такие вопросы, которые не в меньшей мере волновали и русского передового читателя, — это предельное обнищание «богатой по природе» Ирландии вследствие существующих неудовлетворительных политических, административных, судебных и религиозных законов, а также тяжелое положение ирландского крестьянства в силу не только юридического и религиозного угнетения, но и экономического принуждения. Утверждение Сатина, что для Ирландии «необходим коренной переворот», причем «если такой переворот не придет сверху, то он не замедлит явиться снизу», было актуальным и для России. Естественные науки (химия, физиология, ботаника и др.) находили достойное место в «Современнике». Статьи по этим вопросам, как правило, также писались с ориентацией не только на специалистов, но и на широкий круг читателей.

Отдел критики и библиографии включал статьи и рецензии не только на литературные, но и на научные произведения — русские и переводные. Среди научных трудов главное внимание

[43] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., Гослитиздат, 1952, стр. 99, 100.

«Современника» привлекают исторические сочинения. Как впоследствии правильно отмечал Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы», в «Современнике» 1847—1848 гг. «ученые труды, преимущественно по русской истории, рассматриваются с такою же подробностью, как и беллетристические произведения: Этого прежде не было» (III, 297).

Такой интерес к историческим трудам объясняется прежде всего тем, что новое направление в русской исторической науке, представленное трудами некоторых молодых либерально настроенных ученых, близких кругу Белинского (Кавелин, Соловьев, Грановский и др.), и утверждавшееся в борьбе со славянофилами и «официальной народностью», начало серьезно интересовать не только специалистов, но и широкую читательскую аудиторию, на которую главным образом и ориентировался «Современник». Труды этих ученых, богатые фактами и наблюдениями, развивающие современные взгляды на исторический процесс, в то же время были подлинными публицистическими произведениями, в которых изучение прошлого органически сочеталось с актуальными вопросами настоящего времени. Эту точку зрения на изучение прошлого четко сформулировал Грановский в статье «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году» (1847, № 9): «История по самому содержанию своему должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошлое иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественного объяснения собственной».

Грановский выступал в журнале с обзорами, статьями и рецензиями, посвященными главным образом состоянию исторической науки на Западе; о сочинениях по русской истории в «Современнике» больше всего писал Кавелин, постоянно полемизировавший со славянофилами. Если раньше в годовых обзорах литературы Белинский лишь попутно касался научно-популярных сочинений по русской истории, то теперь в программную статью «Современника» — во «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинского был вмонтирован написанный Кавелиным подробный отчет о том «что сделано было в прошлом году по части русской истории» (стр. 41—52 журнального текста). Литературные произведения в «Современнике» рецензировал в основном Белинский. По нескольку рецензий дали в журнал Некрасов, В. Майков, Салтыков-Щедрин. Обзоры иностранной литературы составлял переводчик и критик А. И. Кронеберг.

Успех «Современника» во многом зависел от Белинского как фактического редактора и сотрудника. Участие в «Современнике» — заключительный период в жизни и деятельности Белинского, самый зрелый идейно и профессионально. Белинский не только сотрудничал в «Современнике», он осуществлял общее руководство журналом, особенно отделом критики и библиографии. Освобожденный от изнурительной журнальной по-

денщины, Белинский впервые в жизни смог отдавать свои угасающие силы серьезной работе, важной и нужной для журнала и интересной ему лично.

За пятнадцать месяцев сотрудничества в «Современнике» (январь 1847 — апрель 1848 г.) Белинский поместил более 40 публикаций. Это два обзора русской литературы (за 1846 и 1847 гг.), обстоятельные критические статьи, например о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя, о славянофильском «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год», о романе Э. Сю «Тереза Дюнойе» и других переводных французских романах, остро полемическая статья «Ответ „Москвитянину"», полемические статьи о тогдашних периодических изданиях в рубрике «Современные заметки», рецензии и библиографические отзывы о русских и переводных литературных и научных произведениях, «Некролог П. С. Мочалова». Ко времени участия в «Современнике» относится знаменитое зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю от 15 июля 1847 г., не увидевшее света при жизни критика и впервые опубликованное Герценом в Лондоне в 1855 г. в альманахе «Памятная звезда». В продолжение цикла своих статей о Пушкине, опубликованных в «Отечественных записках», Белинский собирался написать для «Современника» ряд статей о Лермонтове и Гоголе, о чем несколько раз информировал читателей журнала и своих друзей (см. X, 51, 179; XII, 409). Тяжелая болезнь, а отчасти и цензурные условия помешали осуществлению этого замысла. В пору «Современника» Белинский укрепил и развил свои общественно-политические и литературно-эстетические взгляды, сложившиеся в последние годы его сотрудничества в «Отечественных записках». Как материалист, социалист и революционер-демократ, Белинский открыто смог высказаться только в зальцбруннском письме к Гоголю. Но и печатание статьи, урезанной «домашним» цензором Никитенко и официальными цензорами, доносили до вдумчивого, понимающего читателя идеи первого предшественника «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении...».[44]

В «Современнике», как в свое время в «Отечественных записках», Белинский предполагал каждый январский номер окрывать годовым обзором литературы, который должен был выполнять функцию программной статьи. Но тут сразу же возникли осложнения. Дело в том, что официальный редактор «Современника» Никитенко за своей полной подписью опубликовал в первом номере журнала, в отделе «Науки и художества», большую статью — «О современном направлении русской литературы», рассматривая ее как явно программное, редакционное выступление.

---

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

Растянутая и невыразительная по изложению, статья Никитенко изобиловала расплывчатыми идеалистическими формулировками; рассуждения автора о природе и назначении искусства велись с позиций защиты «чистого искусства». Говоря о современной литературе и имея в виду прежде всего «натуральную школу», Никитенко адресовал ей обвинения в односторонности и нехудожественности. Явно полемизируя с Белинским, Никитенко утверждал, что сатирическое направление «много вредит художественному достоинству нашей литературы».

Статья Никитенко, бесспорно, претендовала на программность, причем не только в глазах цензуры, но и в глазах читателей. А это никак не соответствовало намерениям Белинского и издателей «Современника» — Некрасова и Панаева. Им, конечно, было важно, чтобы цензура судила о направлении «Современника» по статье его официального редактора. Но как дать понять читателям (да еще под недремлющим оком цензуры), что мнение Никитенко отнюдь не раскрывает программы «Современника», что более полно и точно направление обновленного журнала выражено в обзоре Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года»? Выход нашел сам Белинский: он предложил читателям составить представление о направлении «Современника» по двум статьям в январском номере журнала за 1847 г. — по своему обзору литературы за 1846 г. и по статье Никитенко. Он так и пишет в начале «Взгляда на русскую литературу 1846 года»: «Главная цель нашей статьи — познакомить заранее читателей „Современника" с его взглядом на русскую литературу, следовательно, с его духом и направлением как журнала... Предлагаемая статья, вместе с статьею самого редактора, напечатанною во втором отделении этого же нумера, будет второю, *внутреннею,* так сказать, программою „Современника"» (X, 7).

«Взгляд на русскую литературу 1846 года» — наиболее публицистическое обозрение Белинского; оно полно политических намеков и недоговорок. Например, встречая в обзоре такие слова: «Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми» (X, 32), — читатели прекрасно понимали, что здесь речь идет о тех вопросах, которые рассматриваются в трудах западноевропейских социалистов-утопистов. В обозрении за 1846 г. Белинский с максимальной для подцензурной статьи возможностью формулирует свои философские, общественно-политические, научные и эстетические воззрения.

Исходя из чувства патриотизма и понимания поступательного хода истории, Белинский ведет борьбу на два фронта. Прежде всего это борьба со славянофилами, зовущими к восстановлению старинных, допетровских форм жизни и всячески восхваляющими смирение, покорность как якобы основное националь-

ное свойство русского характера, а в сущности самые темные стороны быта и настроений крестьянской массы. Славянофилы, резонно иронизирует Белинский, «не любят, чтобы при них говорили с неуважением о курной и грязной избе, о редьке и квасе, даже о сивухе» (X, 23). Раскрывая реакционный характер идеологии славянофилов, Белинский с не меньшей силой обрушивается на космополитические теории либералов-западников, вообще отрицающих самобытность, национальное своеобразие русского народа и русской жизни.

Устами В. Майкова, заменившего Белинского в «Отечественных записках», либералы-западники защищали разделение понятия национального и общечеловеческого, подчиняя первое второму. Согласно теории Майкова, «средним» людям (большинству) доступно только национальное, в то время как избранное меньшинство («гении») выражает общечеловеческое. В этих утверждениях представителя «фантастического космополитизма» Белинский справедливо усмотрел голые абстракции, полное незнание жизни. Полемизируя с Майковым в обзоре за 1846 г., Белинский доказывает тесную связь национального и общечеловеческого: общечеловеческое не существует само по себе, а проявляется в национальном. Демократ Белинский категорически отвергает противопоставления гениев пассивному, «косному» большинству. «Великий человек, — настаивает Белинский, — всегда национален как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собою свой народ» (X, 31). Как славянофилы, так и космополиты, по Белинскому, в силу абстрактности своих теоретических построений лишены возможности понять потребности времени, запросы современности, а потому их учение антинародно и ненационально.

Вторую часть статьи Белинский начинает с тезиса — «Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности», который является как бы заключением по отношению к предыдущему изложению и введением к изложению последующему, посвященному главным образом литературным явлениям. Рассматривая литературу как одну из форм общественного сознания, Белинский видит основное достоинство современной литературы в ее прочном утверждении на почве действительности, о чем свидетельствуют новые произведения писателей «натуральной школы», причем с особенной теплотой отзывается он о тех из них, в которых с уважением и любовью говорится о простом крестьянине, «мужике»; это повесть Григоровича «Деревня» и очерк Даля «Русский мужик».

Как защитник «натуральной школы», Белинский был поставлен в очень трудные цензурные рамки: приходилось прибегать к намекам, иносказаниям, недоговоркам. Приведем только один пример. Сказав, что «натуральную школу обвиняют в стремлении все изображать с дурной стороны», Белинский пишет: «Разумеется, нельзя, чтобы все обвинения против натуральной шко-

лы были положительно ложны, а она во всем была непогрешительно права. Но если бы ее преобладающее отрицательное направление и было одностороннею крайностию, — и в этом есть своя польза, свое добро: привычка верно изображать отрицательные явления жизни дает возможность тем же людям или их последователям, когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни, не ставя их на ходули, не преувеличивая, словом, не идеализируя их реторически» (X, 16—17). Слова «когда придет время», довольно ясные современникам Белинского, более полно раскрываются текстом его письма к Кавелину от 7 декабря 1847 г., где разъяснено, что же именно мешает писателям «натуральной школы» описывать положительные образы. Представить «хороших людей» такими, «как они есть на самом деле», невозможно прежде всего «по той простой причине, что их тогда не пропустит цензурная таможня», так как все хорошее, что есть в них, находится «в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут» (XII, 460).

Не только рядовые читатели, но и идейные журнальные противники «Современника» поняли, как сильно по своим установкам обозрение Белинского отличается от статьи Никитенко. Реакционная печать, которой куда ближе были мнения Никитенко, чем Белинского, заговорила о противоречиях в редакции «Современника» и о подчиненной, зависимой роли в журнале официального редактора (а это было небезопасно для журнала в глазах цензуры). Именно на этом славянофил Ю. Самарин построил свою статью «О мнениях „Современника" исторических и литературных», напечатанную за подписью «М... З... К...» в № 2 «Москвитянина» за 1847 г. Статью Самарина Белинский имел основания приравнять к доносам Булгарина, поскольку и от нее «несет мерзостью» (XII, 457).

Самарин рассмотрел три статьи из первого номера «Современника» за 1847 г. — «Взгляд на юридический быт древней России» Кавелина, «О современном направлении русской литературы» Никитенко и «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинского. Предоставив возможность Кавелину ответить на критику противника (его статья «Ответ „Москвитянину"» была напечатана в № 12 «Современника» за 1847 г.), Белинский месяцем раньше (в № 11) напечатал свой обстоятельный (47 журнальных страниц) «Ответ „Москвитянину"», являющийся одной из лучших его полемических статей.

И здесь, как в других статьях периода «Современника», Белинский главным образом говорит о славянофилах и «натуральной школе». Он подчеркивает реакционную, антидемократическую сущность эстетических и исторических воззрений славянофилов (славянофил, по Белинскому, — это «барич, который изучал народ через своего камердинера»). Снова Белинский доказывает серьезное значение «натуральной школы» в формирова-

нии передовых эстетических и общественных идей, видит в ней свидетельство огромного шага вперед в умственном развитии современного общества. Объясняя интерес к «натуральной школе» со стороны читателей ее способностью откликаться на современные вопросы, Белинский писал: «Какие журналы пользуются наибольшим успехом, если не те, в которых помещаются произведения натуральной школы и которых направление совпадает с направлением этой школы? Скажем больше: без этих произведений натуральной школы теперь невозможен успех никакого журнала» (X, 257—258). В отличие от славянофилов, считавших «натуральную школу» простым подражанием «уродливой» французской литературе, Белинский доказал самобытность и народность «натуральной школы» всем ходом развития русской литературы, прежде всего ее сатирическим направлением, начало которому положил еще Кантемир. Эта статья Белинского лишний раз убеждала читателей «Современника» в разности воззрений ее автора и официального редактора Никитенко на «натуральную школу». Но в целях цензурной маскировки Белинский вынужден был заявить, что между его статьей и статьей Никитенко будто бы нет принципиальных различий, т. е. одна статья якобы дополняет другую.

Статьей «Ответ „Москвитянину"» возобновилось сотрудничество Белинского в «Современнике» после четырехмесячного перерыва (в связи с поездкой за границу в № 7—10 не появилось ни одной статьи Белинского). Он писал статью с увлечением, она дала ему надежду вновь вернуться к активной журнальной деятельности. И буквально по-детски радовался Белинский, что статья ему удалась. «Статья моя действительно не дурна, особенно в том виде, как написана (а не как напечатана)», — признавался он друзьям (XII, 431).[45] Что касается «Ответа „Москвитянину"» Кавелина, то Белинский, считая его «живой и дельной» статьей, возмущался терпимостью, проявленной Кавелиным к славянофилам, которые, напротив, в борьбе с противниками готовы идти «на все». «Вы возражаете ему, стоя перед ним на коленах, — выговаривал Белинский за чрезмерно вежливый ответ Кавелина Самарину... — А церемониться с славянофилами нечего... Катать их, мерзавцев! И бог вам судья, что вы отпустили живым одного из них, имея его под пятою своею. Верьте, когда удастся наступить на гадину, надо давить ее, непременно давить» (XII, 454, 457).

Начиная с 1835 г. Белинский все время боролся за творчество Гоголя с реакционной критикой. И закончил он борьбу за Гоголя как автора «Миргорода», петербургских повестей, «Ревизора» и «Мертвых душ» с самим Гоголем как автором «Выбранных мест из переписки с друзьями», статью о которых он поме-

[45] О том, что статья «Ответ „Москвитянину"» «искажена цензурою варварски», Белинский многократно с горечью писал в письмах той поры (см. XII, 422, 431, 432).

стил в № 2 «Современника» за 1847 г. Как вспоминал сам Белинский, во время создания статьи о «Выбранных местах...» он находился в «крайней степени бешенства». И хотя он писал статью с постоянной оглядкой на цензуру, обдумывая каждую фразу, сознательно сдерживая себя, она очень пострадала от вмешательства «домашнего» цензора Никитенко и цензурного комитета. Об этом Белинский писал Боткину 28 февраля 1847 г.: «Никитенко ... вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего (т. е. собственного текста, не цитат. — *В. Б.*) он и цензора вычеркнули целую треть, а в статье обдуманной помарка слова — важное дело» (XII, 340).

Не имея возможности открыто высказать свое негодование по поводу последней книги Гоголя, Белинский различными способами и приемами все же сумел показать читателям реакционность взглядов Гоголя как автора «Выбранных мест». К правильному пониманию своей статьи о «Выбранных местах» Белинский подготовил читателя краткой рецензией о только что вышедшем втором издании «Мертвых душ», опубликованной в № 1 «Современника». Бóльшую часть рецензии Белинский посвятил предисловию Гоголя, которое по-настоящему «испугало» критика своим содержанием и тоном «неумеренного смирения и самоотрицания»; оно характеризовало Гоголя как «человека, сбившегося с своего настоящего пути ложными теориями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта» (X, 51). В статье о «Выбранных местах» Белинский раскрывает их ложное направление, прибегая, по цензурным соображениям, к специально подобранным пространным выпискам из книги, которые составляют почти половину статьи: теперь Белинский ведет борьбу с Гоголем, опираясь на самого Гоголя, на текст его последнего произведения.[46] Часто отдельные фразы и словосочетания, на которых критик хочет заострить внимание читателей, выделяются курсивом. Нередко цитата сопровождается остроумными комментариями или вопросами критика, заставляющими читателя задуматься над словами рецензента и как бы продолжить его мысль. К этому понуждает и обильно представленный в статье прием многоточия, который и здесь выполняет функции не столько синтаксические, сколько публицистические. Сопоставляя различные высказывания Гоголя, Белинский находит противоречия в его суждениях и иронически их комментирует. Например, Белинский приводит рассуждение Гоголя о ненужности мужику грамоты: зачем его учить, если он все равно читать не будет, а после работы заляжет спать или пойдет в кабак. Далее сообщается о рекомендации Гоголя всем сословиям читать «Одиссею» Гомера в переводе Жуковского. «Все это прекрас-

[46] Н. П. Огарев писал А. И. Герцену 13 марта 1847 г., что «статья Белинского о Гоголе состоит из выписок, за себя говорящих («Литературное наследство», т. 56, стр. 189).

но, — иронически заключает Белинский. — Но вот два смиренные вопроса с нашей стороны. Как будет простой народ читать «Одиссею»?.. Как будет читать ее наш народ, которому автор так положительно и строго запрещает знать грамоте?» (X, 72).

Знаменательна концовка статьи: «Приходили нам в голову и другие выводы из книги „Выбранных мест из переписки с друзьями", но... статья наша и так вышла чересчур длинна...» Упоминание о невысказанных «других выводах», двойное употребление многоточия и дипломатическая ссылка на размер статьи (в действительности она была короче других статей Белинского: занимала всего 20 журнальных страниц) недвусмысленно давали понять читателям, что́ еще мог сказать критик о рецензируемой книге и в связи с ней и почему он этого не сделал. «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи... Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошею, если бы я в ней мог, зажмурив глаза,[47] отдаться моему негодованию и бешенству», — с горечью признавался Белинский в письме к Боткину от 28 февраля 1847 г. Свое намерение Белинский смог осуществить через четыре месяца — в знаменитом зальцбруннском «Письме к Гоголю».

Гоголь познакомился со статьей Белинского во Франкфурте, откуда послал критику письмо в Петербург на имя своего друга Н. Я. Прокоповича с просьбой передать его Белинскому. Поскольку больной Белинский в это время находился на лечении в силезском городе Зальцбрунне, письмо Гоголя переслали туда. Гоголь не понял статьи Белинского, увидел в ней только неприязнь рассерженного человека, т. е. все свел на личные отношения. Прочитав письмо Гоголя, Белинский вспыхнул и сказал: «А! он не понимает, за что люди на него сердятся, надо растолковать ему это. Я буду ему отвечать». Три утра писал Белинский ответ Гоголю. 15 июля (нового стиля) 1847 г. письмо было закончено и отослано адресату в Бельгию. П. В. Анненков, при котором писалось письмо к Гоголю, вспоминал: «Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно набело и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составлен документ, выходящий за рамки частной, интимной корреспонденции». По свидетельству того же Анненкова, Герцен, прослушавший письмо Белинского, сказал: «Это гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его».[48]

---

[47] Т. е. закрыв глаза на возможное вмешательство цензуры, не обращая внимания на цензуру. — *В. Б.*

[48] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960, стр. 361—363.

«Письмо к Гоголю», в котором, по словам В. И. Ленина, отразилось «настроение крепостных крестьян против крепостного права»,[49] было ярким документом русской революционно-демократической мысли, выносившим суровый приговор всему самодержавно-крепостническому строю России. Крепостное душевладение, законодательство, религия, церковь — все изобличал Белинский со свойственной ему непримиримостью. Письмо написано более 120 лет назад, но и сейчас его нельзя читать без волнения — с такой гневной страстью вылилось оно из-под пера Белинского. При жизни Белинского и после его смерти нечего было и думать о публикации письма в России, но оно получило широкое распространение в рукописных списках, причем самый факт знакомства с письмом рассматривался правительством как проявление неблагонадежности (например, одним из пунктов обвинения Достоевского по делу петрашевцев в 1849 г. было коллективное чтение письма в кружке Петрашевского).[50] Современник Белинского славянофил И. С. Аксаков, которого уже никак нельзя заподозрить в особой симпатии к автору «Письма к Гоголю», вынужден был признать в 1856 г.: «Много я ездил по России. Имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю».[51] Содержание письма Белинского к Гоголю, неослабеваемая сила воздействия его на читателей дали основание В. И. Ленину в статье «Из прошлого рабочей печати в России» (1914) назвать письмо «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».[52]

Если «Письмо к Гоголю» было, так сказать, бесцензурным политическим завещанием Белинского, то литературным завещанием, к тому же выраженным в подцензурной форме, оказался его «Взгляд на русскую литературу 1847 года», в котором умирающий революционер-демократ обратился со своим последним напутственным словом к русской литературе, литературной критике и публицистике. По справедливому замечанию одного из современников Белинского — П. В. Анненкова, «обозрение это составляет как бы мост, перекинутый автором от своего поколения к другому — новому, приближение которого Белинский чувствовал уже и по задачам, какие стали возникать в умах».[53] Создавая «Письмо к Гоголю», Белинский, бесспорно, совершил

---

[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

[50] Об истории издания и распространения письма см.: «Литературное наследство», т. 56, стр. 513—569. Уч. зап. Саратовск. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, т. XXXI, вып. филол., 1952, стр. 111—118.

[51] И. С. Аксаков в его письмах, т. III. М., 1892, стр. 290.

[52] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

[53] П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 351.

подвиг, но подвигом вдвойне можно считать завершение им обзора за 1847 г.

Обозрение 1847 г. состоит из двух статей. Первая статья, над которой совсем больной Белинский работал в конце 1847 г., опубликована в первом номере «Современника» за 1848 г. Окончание обозрения, т. е. вторая статья, должно было появиться во втором номере, но катастрофическое ухудшение состояния здоровья критика помешало этому, и редакции пришлось дать такое объявление: «Вторая статья „О русской литературе 1847 года" по некоторым обстоятельствам не могла войти в состав второго нумера „Современника" и будет помещена в третьем». Скрыв истинные причины отсутствия окончания обозрения во втором номере, редакция, очевидно, не хотела ни огорчать самого Белинского, ни заранее тревожить читателей, которые связывали авторитет журнала прежде всего с его именем. Белинский довел до конца свою работу: вторая статья «Взгляда на русскую литературу 1847 года» действительно была напечатана в третьем номере. Но чего ему это стоило? «Истощение сил страшное — еле двигаюсь по комнате. 2 № „Современника" вышел без моей статьи, теперь диктую ее через силу для 3-го», — сообщал он Анненкову 15 февраля 1848 г. (XII, 465).

«Взгляд на русскую литературу 1847 года» тесно примыкает к обозрению за 1846 год и также представляет собой органический синтез литературной критики и публицистики. Не случайно первые страницы обзора Белинский посвящает слову «прогресс» и злобным нападкам на него со стороны реакционеров всех мастей. В полемике вокруг слова «прогресс» Белинский видит не лингвистический спор, а отражение политической борьбы. Наиболее рьяные враги «прогресса», говорит Белинский, «тем сильнейшую чувствуют к этому слову ненависть, чем лучше понимают его смысл и значение. Тут же ненависть собственно не к слову, а к идее, которую оно выражает, и на невинном слове вымещается досада на его значение» (X, 280—281).

Последовательно и настойчиво, в острой полемике с реакционной и либеральной критикой, проводит Белинский мысль об общественной роли искусства, как бы намечая пути дальнейшего развития передовой русской литературы, пути формирования революционно-демократической эстетики. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев», — заявляет Белинский, решительно выступая против теорий «чистого искусства», (X, 311). В обзоре за 1847 г., подчеркивающем демократизм и гуманизм «натуральной школы», с такой силой звучит голос Белинского в защиту поруганного и угнетенного класса народа, его человеческих прав, как ни в одной другой подцензурной статье.

Приступая к работе над обозрением 1847 г., Белинский писал Боткину в ноябре того же года: «Мне хочется разобрать „Кто виноват?" и „Обыкновенную историю". Эти две вещи дают возможность говорить обо многом таком, что интересно и полезно для русской публики, потому что близко к ней» (XII, 409). И действительно, рассматривая эти произведения во второй статье обозрения, Белинский касается таких вопросов, которые переключали разговор из литературного плана в план общественно-политический. В связи с романом Герцена «Кто виноват?» Белинский выдвигает вопрос о гуманизме (или гуманности) и в связи с ним — мысль о человеческом достоинстве, которая в эпоху крепостничества и самодержавия приобретала политический характер. Белинский подробно излагает картины унижения и оскорбления Любоньки и Круциферского в доме Негровых, подчеркивает мнимость благодеяний Негровых по отношению к Любоньке. Как бы развивая мысль своего «Письма к Гоголю», но облекая ее в подцензурную форму, Белинский пишет, что лишенный гуманности человек (т. е. барин-крепостник) заставляет низшего себя (т. е. крепостного) кланяться себе в ноги, называет его «Ванькой или Ванюхою и тому подобными именами, похожими на собачьи клички» (X, 325).

«Обыкновенная история» Гончарова также дает Белинскому повод затронуть очень серьезные общественные вопросы. Раскрывая образ Александра Адуева как романтика, который парит над жизнью и у которого все сосредоточено в чувстве, Белинский делает следующее отступление, полное глубокого социального смысла: «Иной управляющий, из немцев, со слезами восторга на глазах читает своей Минхен какое-нибудь восторженное послание Шиллера к Лауре, и, кончивши последний стих, с не меньшим удовольствием идет пороть мужиков» (X, 334). Само собою разумеется, что указание на немецкое происхождение управляющего сделано Белинским по цензурным соображениям. Слова «управляющий из немцев» читатель легко мог мысленно заменить на «русский помещик-крепостник». Образ Адуева-младшего с его бесполезным мечтательством и полным незнанием жизни, что, как постоянно утверждал Белинский, свойственно славянофилам, позволяет ему пожалеть, что автор не сделал своего героя славянофилом. Таким образом, Белинский использует текст анализируемого произведения и для полемики со своими идейными противниками.

Большое значение в развитии освободительных тенденций в русской общественной мысли и художественной литературе Белинский придавал антикрепостническим повестям Григоровича. По поводу повести «Антон Горемыка», напечатанной в «Современнике» (1847, № 11), Белинский писал Боткину: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет

и истязает целую вотчину — законное владение его благородных предков» (XII, 445). В подцензурной печати Белинский, естественно, мог только намекнуть на антикрепостническую направленность произведений Григоровича, но сделал это так, что читатели хорошо его поняли. В обзоре литературы за 1847 г. Белинский, говоря об «Антоне Горемыке», подчеркнул, что Антон — «лицо трагическое в полном значении этого слова», что по прочтении повести «в голову невольно теснятся мысли грустные и важные» (X, 347).

«Взгляд на русскую литературу 1847 года» привлек пристальное внимание правительственных кругов, которые были возмущены суждениями Белинского о слове «прогресс»; они прекрасно понимали, что, говоря о процессе литературы, Белинский имел в виду и прогресс социальный. Поскольку первая половина обозрения была напечатана без подписи, министр просвещения Уваров запросил Никитенко о ее авторе.[54] Шеф жандармов граф Орлов, в записке III отделению специально отмечал, что слова вроде «прогресс» и «гуманность» имеют явно революционный смысл, а потому «в молодом поколении они могут поселить мысль о политических вопросах Запада и коммунизме».[55] И другие статьи Белинского, назначавшиеся для публикации в «Современнике», подвергались особо строгому просмотру и цензурной правке, о чем свидетельствуют многочисленные протоколы санкт-петербургского цензурного комитета.

Наступление «мрачного семилетия» еще более сгустило тучи над головой Белинского. Комендант Петропавловской крепости генерал Скобелев, встретив как-то Белинского на улице, спросил его как бы шутя: «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу». Незадолго до смерти Белинский через жандарма получил два вызова явиться в III отделение, но по состоянию здоровья уже не мог выполнить этих распоряжений, и обязательные визиты были на время отсрочены. По единодушному мнению современников, только смерть спасла Белинского от ареста. Скончался Белинский 26 мая 1848 г. «Перед самой смертью, — как сообщила И. С. Тургеневу приятельница Белинских А. П. Тютчева, — он говорил два часа не переставая, как будто к русскому народу, и часто обращаясь к жене, просил ее все хорошенько запомнить и верно передать эти слова кому следует».[56]

После смерти Белинского Некрасов и Панаев еще пытались как-то поддержать в «Современнике» прежнее направление и сохранить за ним ведущую роль в тогдашней журналистике. Однако жестокие цензурные преследования и неоднократные вызовы руководителей журнала в III отделение не могли не ска-

[54] «Литературное наследство», т. 57, стр. 289.

[55] Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., стр. 176.

[56] «Литературное наследство», т. 56, стр. 197.

заться на общем уровне журнала. Это заметно на материалах всех отделов, но больше всего, естественно, пострадал отдел критики, где главное место стали занимать статьи умеренного либерала А. В. Дружинина. Новый период в истории «Современника» начнется с приходом в журнал Чернышевского (1854) и Добролюбова (1856). В течение всех последующих лет, вплоть до запрещения в 1866 г., «Современник», сохраняя верность заветам Белинского, оставался влиятельнейшим органом русской революционной демократии, осуществляя воспитание и образование передовой молодежи 1860-х годов.

БЕЛИНСКИЙ КАК ТЕОРЕТИК ЖУРНАЛИСТИКИ

В большом и многообразном по темам и жанрам наследии Белинского нет специальных работ по теории журнализма. Его верные и острые суждения на эту тему, во многом не утратившие своей ценности и поныне, рассеяны по статьям и письмам. К сожалению, они до сих пор не систематизированы и по-настоящему не изучены. И это тем более досадно, что высказывания Белинского по теории и практике журнального и газетного дела могли бы оказать существенную помощь студентам-журналистам, начинающим (да и не только начинающим) работникам печати.

Еще в пору сотрудничества в московских периодических изданиях Белинский начал создавать свой журналистский кодекс, однако только в 1840-е годы ему удалось выработать стройную систему взглядов по вопросам журналистики, по истории, теории и практике периодической печати.

Исходной точкой воззрений Белинского на журналистику было понимание им огромной роли периодической печати в распространении передовых общественно-политических, научных и эстетических идей, причем, как истинный журналист, Белинский чутко улавливал все возрастающее воспитательное и образовательное значение периодики. В этой связи интересно сопоставить два его высказывания. 19 февраля 1840 г. Белинский писал Боткину: «Журналистика в наше время все: и Пушкин и Гете и сам Гегель были журналисты. Журнал сто́ит кафедры» (XI, 453), т. е. в воспитании и образовании современников журналистика, по мнению Белинского, не уступает университетскому преподаванию. Проходит всего 8 месяцев, и Белинский, которому за год работы в «Отечественных записках» удалось превратить этот журнал во влиятельный демократический орган, приходит к «глубокому убеждению, что для нашего общества журнал — все и что нигде в мире не имеет он такого важного и великого значения, как у нас» (XI, 566; письмо Боткину от 31 октября 1840 г.). И у него были все основания заявить в том же письме: «Журнал поглотил теперь у нас всю литературу, и публика не хочет книг — хочет журналов, и в журналах печатают-

ся целиком драмы и романы, а книжки журналов — каждая пуд весом. Теперь у нас великую пользу может приносить, для настоящего и еще больше для будущего, кафедра, но журнал — бо́льшую». Таким образом, Белинский уже констатирует подчиненное положение университетского преподавания по отношению к журналистике. В рецензии на «Опыт истории русской литературы» А. Никитенко (1845) Белинский, определив журналистику как «великую и важную область» печатного слова, уточняет: «...особенно в наше время, в которое она так развилась и усилилась» (IX, 161).

В 1840-е годы Белинский постоянно подчеркивал преимущества журнальных публикаций перед отдельными изданиями — в деле широкого распространения просвещения. Он так писал об этом в обозрении русской литературы за 1843 г.: «Даже в том, что они (т. е. журналы. — *В. Б.*) поглощают в себя все лучшее и замечательное, появляющееся в литературе, есть явная польза: благодаря этому обстоятельству всякое хорошее литературное произведение прочитывается не десятками, не сотнями, а целыми тысячами читателей ...» (VIII, 100).

Создавая свою журнальную теорию и практически ее осуществляя, Белинский всегда соотносил ее с настоящим и прошлым русской журналистики. Он пристально наблюдал за текущей периодикой, активно вмешивался в журнальные битвы, полемизируя с открыто и скрыто реакционными изданиями и поддерживая те, в которых обнаруживал хотя бы зерна полезности для демократического читателя. Присматривался Белинский и к опыту современной ему зарубежной (особенно французской) периодической прессы. Для воссоздания целостного облика Белинского — теоретика журнализма большой интерес представляют его характеристики старых органов печати. С революционно-демократических позиций оценивает Белинский журналистику прошлого. С точки зрения потребностей настоящего рассматривает он деятельность своих далеких и близких предшественников в области журналистики — от А. П. Сумарокова, издателя и сотрудника «Трудолюбивой пчелы» (1759), до Н. А. Полевого, издателя и сотрудника «Московского телеграфа» (1825—1834).

Белинский собирался создать полную историю русской журналистики. В примечании к статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) он сообщал читателям «Отечественных записок», что задумал написать большой труд — «Теоретический и критический курс русской литературы» и выражал надежду, что «труд его будет не совсем неудачен, хотя и представит собою решительно первый опыт подобного сочинения на русском языке» (V, 7). В этой книге, по словам автора, «будет обращено полное внимание и на историю всех повременных изданий, имевших большее или меньшее, хорошее или вредное влияние на литературу и пользовавшихся заслуженною или незаслуженною

известностию, — от начала журналистики до „Московского журнала" и „Вестника Европы" Карамзина, а от них до настоящего времени включительно» (V, 8). И хотя замысел Белинского не осуществился и история русской журналистики как составная часть труда по теории и истории литературы им написана не была, Белинский в цикле статей о Пушкине, в годовых обзорах литературы, в таких своих работах, как «Речь о критике» А. В. Никитенко, «Николай Алексеевич Полевой» и др., смог осветить ряд важнейших моментов в истории русской журналистики, особо выделяя те черты в деятельности прежних журналистов, которые, по мысли Белинского, могли быть творчески использованы и передовой журналистикой 1840-х годов. Пристальное внимание Белинского к истории русской журналистики объясняется еще и тем, что изучение периодики прошлого помогает более полно и точно воссоздать историю общественного и культурного развития страны и народа.

И в 1830-е годы Белинский серьезно интересовался историей русской журналистики, но в 1840-е годы, овладев методом историзма в подходе к явлениям прошлого, Белинский с еще большей глубиной и тщательностью исследует старые журналы, которые по-прежнему называет «живой летописью прошедших времен» (IX, 616). Несмотря на постоянные материальные затруднения, Белинский ходил по букинистическим магазинам, выискивал и покупал годовые (полные или разрозненные) комплекты или отдельные номера периодических изданий XVIII и первой четверти XIX века, а также современные ему журналы и газеты. В личной библиотеке Белинского сохранилось около 40 названий таких изданий.[57]

Журналистский кодекс Белинского включает три основных аспекта:

1. Учение об обязанностях, о гражданском долге журналиста.

2. Учение о характере, типе журнала демократического направления, рассчитанного на широкого читателя.

3. Разработка методов организации и способов подачи журнального материала, определение самого понятия «журнальная статья».

---

[57] В их числе были: газета «Санкт-петербургские ведомости» за 1754 г. (полный годовой комплект), несколько номеров «Санкт-петербургского журнала» (1798) И. П. Пнина, журнал Крылова «Почта духов» (1789) и «Московский журнал» (1792—1793) Карамзина, переизданный в 1802 г., журнал «Вестник Европы» (1802—1830) почти за все время издания, журнал Греча «Сын отечества» с 1813 г., а также почти полные комплекты «Московского телеграфа» (1825—1834), «Телескопа» (1831—1836), «Отечественных записок» (за 1839—1845 гг.), отдельные номера «Московского вестника» (за 1827, 1828 и 1830 гг.), «Московского наблюдателя» (за 1836 г.), «Современника» (за 1836 и 1837 гг.), все номера «Литературной газеты» за 1840 г. и другие издания. (Перечень всех периодических изданий, имевшихся в личной библиотеке Белинского, см.: «Литературное наследство», т. 55. М., Изд. АН СССР, 1948, стр. 516—547).

Каким, по мнению Белинского, должен быть журналист и критик?

Прежде всего он должен обладать передовым, современным мировоззрением. В 1830-е годы Белинский говорит, однако, главным образом о научных (и прежде всего философских) и эстетических воззрениях журналиста и критика. Так, в рецензии на «Стихотворения» В. Бенедиктова (1835) Белинский настаивает: «Критику должны быть известны *современные* понятия о творчестве; иначе он не может и не имеет права ни о чем судить» (I, 356). Говоря в 1838 г. о том, что «критик должен стоять наряду с веком, быть обладателем современного ему знания» (II, 561), Белинский, стоящий в это время на позициях временного и, по его словам, «насильственного примирения с действительностью» и защищающий принципы философской (умозрительной) критики, имеет в виду прежде всего философские и вообще научные знания. В 1840-е годы в понятие «современное знание», «современное сознание» Белинский уже не только включает общественно-политические взгляды, но и выдвигает их на первое место. Например, в 1842 г. он определяет «современное сознание» как «современную думу о значении и цели жизни, о путях человечества, о вечных истинах бытия...» (VI, 280). Знаменательно в этой формулировке заключительное многоточие, свидетельствующее о вынужденной недосказанности мысли критика. Только обладая передовым мировоззрением, опираясь на него, журналист сможет понять потребности современности, точно определить расстановку общественных сил, правильно охарактеризовать политические и литературные позиции современных ему органов печати, наметить линии борьбы с реакционной периодикой.

Полемизируя с реакционными изданиями в течение всей жизни, Белинский в каждый конкретный исторический момент умел определить, какой из печатных органов приносит наибольший вред, является главной опасностью, и против него направлял свой основной удар. Так, в 1830-е годы Белинский постоянно выступал против изданий Булгарина и Греча, но ни одной специальной серьезной статьи он им не посвятил. И это понятно: реакционность направлений этих изданий и методы воздействия их руководителей на читающую публику уже были показаны Пушкиным, Н. Полевым, Гоголем, на мнения которых Белинский постоянно ссылался. Но вот начали выходить два новых журнала — «Библиотека для чтения» (с 1834 г.) и «Московский наблюдатель» (с 1835 г.). Позиции этих журналов еще неясны читателям, которые могут заблуждаться в их оценке, а потому Белинский считает своим долгом дать всесторонний анализ содержания и направления как «Библиотеки для чтения», так и «Московского наблюдателя». Однако Белинский, как правило, не спешит объявить свое мнение о новых журналах, он дает им время «определеннее высказаться», а читателям (в том числе и себе) — подробнее познакомиться с их содержанием. Только

после этого Белинский печатает статью «Ничто о ничем» (1836), в которой определяет «Библиотеку для чтения» как «журнал провинциальный», и статью «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя"» (1836), в которой наглядно показывает антидемократический, светский характер этого издания. В петербургский период своей деятельности Белинский не занимается специально ни одним изданием реакционного журнального триумвирата — ни «Библиотекой для чтения», ни «Северной пчелой», ни «Сыном отечества», так как их позиции стали ясны читателям уже в 1830-е годы. Из всех изданий 1840-х годов новый реакционный журнал «Москвитянин» становится объектом наиболее острых полемических выпадов Белинского, опасавшегося, как бы лжедемократизм и бутафорское народолюбие «Москвитянина» не привели в заблуждение современников.

Журналист должен быть, по мнению Белинского, не спокойным, беспристрастным повествователем, обозревателем и толкователем, а активным действователем, страстным борцом за интересы народа. «Я в мире боец», — любил говорить о себе Белинский. «Жизнь есть действование, а действование есть борьба» (I, 30), — заявил Белинский еще в «Литературных мечтаниях», и эти слова он сделал девизом всей своей жизни. «Что же делать при виде этой ужасной действительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать елико возможно, чтобы другие потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить» (XI, 581), — писал Белинский Боткину 11 декабря 1840 г. и ему же 27 июня 1841 г.: «Дай мне свободу действовать для общества хоть на десять лет, а потом, пожалуй, хоть повесь» (XII, 50). Друзья Белинского, люди, хорошо его знавшие, буквально поражались безграничной жизнедеятельностью Белинского, его стремлению все узнать, все продумать и пережить, обо всем составить свое мнение и поделиться этим мнением с читателем, его последовательностью и принципиальностью в борьбе с разного рода реакционерами. «Это был не критик, не публицист, не литератор только, а трибун», — сказал о Белинском Гончаров.[58]

Политические и литературные враги Белинского также знали об этих боевых его качествах, но они, естественно, вызывали в них совсем другие эмоции. Вяземский, например, сразу после смерти Белинского с возмущением писал, что «Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах».[59]

Одно из основных этих требований, с которым Белинский обращался к журналистам, — это необходимость быть принципиальным, смелым и твердым в отстаивании передовых убеждений. Ничто — ни материальные лишения, ни личные отношения, ни

[58] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1962, стр. 566.

[59] С. Ашевский. Белинский в оценке его современников. СПб., 1911, стр. 82.

какие-либо корыстные соображения не дают права журналисту идти на компромисс с собственной совестью. И сам он олицетворял собой идеал такого журналиста. В поисках истины, в защите правды, в полемике с идейными и литературными противниками Белинский не признавал ни дипломатии, ни компромиссов. «Я рожден, чтобы называть вещи их настоящими именами» (XII, 76), — заявлял Белинский. Поэтому беспринципной, «уклончивой» критике он всегда противопоставлял критику «прямую и смелую» (VI, 210).[60] Если и в подцензурной печати Белинский старался высказывать свои мнения «откровенно и прямо» (VIII, 193), то его письма помогают воссоздать более полный образ Белинского, последовательно, страстно защищающего свои убеждения, непримиримого ко всем и всяческим проявлениям отступничества и предательства. «По моему мнению, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свету, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убеждение» (XI, 129), — решительно заявил Белинский Краевскому в письме от 4 февраля 1837 г., узнав, что редактор газеты «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"» Краевский намеревается переделывать его статьи по своему усмотрению.

И когда через два года вновь встает вопрос о возможном сотрудничестве Белинского в петербургских изданиях, он с прежней категоричностью настаивает: «Я продаю себя... не стесняя при том моего образа мыслей, выражения, словом, *моей литературной совести*, которая для меня так дорога, что во всем Петербурге нет и приблизительной суммы для ее купли. Если дело дойдет до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть — у меня достанет силы скорее издохнуть, как собаке, нежели живому отдаться на позорное съедение псам. Что делать — я так создан» (XI, 361; письмо И. И. Панаеву 18 февраля 1839 г.).

И потому так строг и беспощаден был Белинский ко всем тем, у кого не хватило сил удержаться на прежних позициях, кто изменил своим передовым убеждениям. Характерны в этой связи отзывы Белинского о Н. Полевом. Высоко оценивая Полевого в период издания «Московского телеграфа», Белинский не мог простить этому талантливому журналисту отказа от былого свободомыслия, перехода в лагерь Булгарина и Греча (как известно, Полевой, сломленный душевно и материально в связи с закрытием «Московского телеграфа», в конце 1837 г. переехал в Петербург для участия в «Северной пчеле» и «Сыне отечества»).

В своих журнальных выступлениях Белинский постоянно обращает внимание на начавшееся отставание Полевого от совре-

---

[60] Только «кнутобойная» цензура вынуждала иногда Белинского объясняться с читателями намеками, лавировать, что заставляло его жестоко страдать, но и в таких случаях он находил средства к тому, чтобы читатели его поняли правильно.

менности, на отход его от передовых идей времени. Полевой, указывает Белинский, «явился на литературном поприще рьяным поборником нового и могучим противником старого, а сходит с поприща, на котором подвизался с таким блеском, с такою славою и таким успехом, сходит с него — противником всего нового и защитником всего старого» (III, 177). Лишенный возможности открыто высказаться о Полевом в печати, Белинский всю силу своего гнева и негодования в адрес «нового» Полевого выразил в письмах к друзьям. Он называет Полевого «подлецом, негодяем и мерзавцем, наперсником Греча, другом Булгарина» (XI, 461; письмо Д. П. Иванову от 21 февраля 1840 г.), считает, что Полевой «сделался гнуснее Булгарина» (XI, 451; письмо Боткину от 18 февраля 1840 г.). Твердо став на позиции революционного отрицания «гнусной расейской действительности», Белинский еще суровее стал относиться к Полевому. Он писал Боткину 30 декабря 1840 г., выражая на его «прекраснодушное» заступничество за Полевого: «Нет, никогда не раскаюсь я в моих нападках на Полевого, никогда не признаю их ни несправедливыми, ни даже преувеличенными... Знаю, что когда-то он имел значение, уважаю его за прежнее, но теперь — что он делает теперь? — пишет навыворот по-телеграфски, проповедует ту расейскую действительность, которую так энергически некогда преследовал... Но его дружба с подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, от которых гибнет наша литература, страждут истинные таланты и лишено силы все благородное и честное, — нет, брат, если я встречусь с Полевым на том свете — и там отворочусь на него, если только не наплюю ему в рожу. Личных врагов прощу, с Булгариным скорее обнимусь, чем подам ему руку от души. Бог свидетель — у меня нет личных врагов, ибо я (скажу без хвастовства) по натуре моей выше личных оскорблений; но враги общественного добра — о, пусть вывалятся из них кишки, и пусть повесятся они на собственных кишках — я готов оказать им последнюю услугу — расправить петли и надеть на шеи» (XII, 7—9).

Не менее беспощадным оказался Белинский и к Гоголю, выпустившему свою «гнусную», по определению Белинского, книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». И когда Боткин обиделся на Белинского за чрезмерную строгость его статьи о «Выбранных местах» в «Современнике», Белинский ему ответил со всей категоричностью: «Ты упрекаешь меня, что я рассердился и не совладел с моим гневом? Да этого и не хотел. Терпимость к заблуждению я еще понимаю и ценю, по крайней мере в других, если не в себе, но терпимости к подлости я не терплю... останусь гордо и убежденно нетерпимым» (XII, 340). Свою нетерпимость к Гоголю как автору «Выбранных мест из переписки с друзьями» Белинский смог со всей силой выразить только в своем известном зальцбруннском письме. Сам бескомпромиссный в борьбе с идейными противниками, Белинский всегда строго выговаривал

тем из своих «друзей», которые поступали иначе. Показательно в этой связи возмущение Белинского Кавелиным, который не дал должного отпора славянофилу Самарину в своем «Ответе „Москвитянину"». Не менее сильный гнев Белинского вызвало нежелание Боткина, Грановского, Кавелина и других порвать с «Отечественными записками» и перейти в «Современник».

Многолетнее интенсивное сотрудничество в периодических изданиях помогло Белинскому создать учение о характере, типе журнала демократического направления. Как подлинный демократ, Белинский всю жизнь посвятил борьбе за массовое издание, рассчитанное на широкого читателя, — против камерных изданий «для немногих». Поэтому он внимательно изучает опыт многотиражной «Библиотеки для чтения», умевшей установить прочные контакты со «своим» читателем, прежде всего с провинциальной чиновничье-помещичьей средой. Осуждая самые средства завоевания читателей (ставку на сенсацию, стремление угодить читателю низкопробным материалом, который выдается за первоклассный, и т. д.), заботу издателя и редактора не столько о распространении просвещения, сколько о «благосостоянии собственного своего кармана» (I, 99), Белинский в то же время отмечал в «Библиотеке для чтения» такие стороны, которые, с его точки зрения, могут быть использованы (с коренной переработкой, конечно) и журналом в полном смысле слова демократическим: это — разнообразие материалов, подчинение единому направлению, живая манера журнальных статей и, наконец, выход номеров журнала без задержки — первого числа каждого месяца. Осудив «Библиотеку для чтения» за непозволительные методы воздействия на читателя в целях приобретения подписчиков, Белинский с не меньшей суровостью критиковал «Московский наблюдатель» 1835—1836 гг. за камерность и аристократизм, а когда признаки светскости обнаружились в «Современнике» Пушкина, то и ему высказал открыто свое мнение об этом в статье «Вторая книжка „Современника"» (1836).

Борясь за создание подлинного демократического журнала, рассчитанного на широкий круг читателей, Белинский разработал свои положения о журнале, выдвинул ряд условий, которым должен отвечать журнал, сформулировал основные принципы организации журнала, наметил типы журнальных изданий, определил отличие журнала от газеты. Он также разработал целую систему способов и приемов, при помощи которых журнал может привлечь и удержать при себе читателей и тем самым принести им существенную пользу.

Первое требование, предъявляемое Белинским к журналу, — энциклопедизм, универсальность. Читатель 1840-х годов искал в периодике ответа не только на научные и эстетические, но и на «проклятые вопросы» современной ему российской действительности. А потому, чтобы сделать журнал «голосом современности», его следует издавать как общественно-научно-литературный ор-

ган, в котором все должно быть подчинено посильному в условиях жестокой цензуры служению общественным интересам. О чем бы и как бы ни писал журналист — будь то популярная статья на научную тему или отзыв о литературном произведении, — он должен уметь связать то, о чем пишет, с живыми потребностями современности, поскольку, как утверждает Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года», важность всех вопросов, в том числе и теоретических, «зависит от их отношения к действительности» (X, 32). Журналистика, являясь «великой и важной» областью литературы, включает «все, что легко, изящно и доступно для всех и каждого, для общества, для толпы, что популяризирует, обобщает идеи, знакомит с результатами науки и искусства и распространяет энциклопедическое образование, превращает интересы и вопросы, самые отвлеченные и глубокие, в интересы и вопросы жизни, для всех и каждого равно близкие и важные, — словом, сближает науку и искусство с жизнию» (IX, 162). Так писал Белинский в 1845 г., подчеркивая жизненно-практический характер всех журнальных публикаций.

Требуя от журнала разнообразия, энциклопедичности, Белинский в то же время постоянно высказывался за строгий отбор журнального материала, с учетом общего направления данного органа в печати. И в 1830-е и в 1840-е годы Белинский настоятельно защищал мысль о необходимости для журнала определенного, четкого направления. «Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер; альманачная безличность для него всего хуже», — утверждал Белинский еще в 1836 г. в статье «Ничто о ничем» (II, 46). Направление журнала должно быть четко сформулировано редакцией, настаивает Белинский, это необходимо в интересах читателя, который заранее должен знать, что представляет собой данный журнал. Когда начал выходить обновленный «Современник», Белинский в первом номере за 1847 г. печатает свою статью «Взгляд на русскую литературу 1846 года», которую рекомендует читателям рассматривать как программную: «Главная цель нашей статьи — познакомить заранее читателей „Современника" с его взглядом на русскую литературу — следовательно, с его духом и направлением как журнала» (X, 7). Чтобы не дезориентировать читателей, редакции следует помещать в журнале только такой материал, который соответствует его общему направлению; если же такого соответствия нет, редакции следует сделать оговорку, что она не разделяет точки зрения автора. Но лучше вообще подобных материалов избегать. В этой связи интересен спор Белинского с Боткиным в январе 1847 г. Возражая Боткину, не считавшему обязательным строгий отбор произведений в отделе поэзии, Белинский пишет ему в письме от 29 января 1847 г.: «Ты говоришь, что стихи не обязаны выражать дух журнала, а я говорю: в таком случае и журнал не обязан печатать стихов. Из уст журнала не должно исходить слово праздно. Таково мое мнение. Журна-

лист[61] делает преступление, помещая в своем журнале статью, в помещении которой не может дать отчета. Балласт — это гибель журнала» (XII, 319).

Большое значение в определении направления журнала Белинский придавал отделам критики и библиографии. В этих отделах даются оценки рассматриваемым произведениям, и по ним читатель может судить о «лице» журнала. Еще в статье «Ничто о ничем» Белинский писал, что «критика должна составлять душу, жизнь журнала», что «для журнала библиография есть столько же душа и жизнь, сколько и критика» (II, 48). Та же мысль в статье «Русские журналы» (1839): «Важнейшее отделение всякого журнала — критика и библиография; они, можно сказать, — душа, жизнь его, потому что в них резче всего высказывается его направление, сила и достоинство» (III, 175). В 1840-е годы, которые Белинский характеризовал как начало «эпохи сознания», он еще большее значение стал придавать отделу критики, поскольку при недопущении политических статей, этот отдел призван формировать сознание читателя. «Без литературного мнения, сколько-нибудь оригинального и самобытного, высказываемого с большим или меньшим умом и талантом, теперь и у нас журнал уже не может иметь успеха, — писал Белинский в обзоре литературы за 1842 г., после своего трехлетнего сотрудничества в „Отечественных записках". — Критика в отношении к успеху и влиянию журнала начинает становиться едва ли не важнее самих повестей» (VI, 513). Причем во взглядах на задачи критики, как и в решении многих других вопросов, Белинский в 1840-е годы выступил одновременно и как литературный критик и как публицист. Задача критики, по-Белинскому, — быть «не только верным отголоском общественного мнения, но и его ревизором и контролером» (VIII, 87).

Рассматривая отделы критики и библиографии как ведущие в определении общественно-литературной позиции журнала, Белинский настаивал на гармоническом единстве всех отделов журнала с точки зрения их направления. «Надо сделать так, — писал Белинский в пору сотрудничества в „Отечественных записках", — чтобы и в отделе изящной словесности публика находила бы нечто гармонирующее с направлением и духом критики журнала» (XI, 507).

Журнал может говорить и о настоящем и о прошлом своей (и не только своей) страны и народа. Но для Белинского как революционера-демократа прошлое никогда не существовало само по себе, в отрыве от современного. «Настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее... Мы воплощаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем» (X, 7, 18), — настаивал Бе-

[61] Во времена Белинского журналистами называли не только сотрудника журнала, но также его издателя и редактора; о них в данном случае и говорит Белинский.

линский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Подходя к прошлому с точки зрения интересов и потребностей настоящего, журнал главное внимание должен обращать на современность, на те вопросы, которые интересуют и волнуют современников. Журнал обязан быть рупором современности, живо откликаться на «больные вопросы» времени. Современность, актуальность — это, по Белинскому, одно из важнейших качеств периодического издания — как журнала, так и газеты. Из современных Белинскому журналов он только в «Отечественных записках» видел эту необходимую для периодического издания тесную связь с потребностями и запросами настоящего. В обзоре русской литературы за 1840 г. Белинский имел все основания заявить, что успех «Отечественных записок» во многом определялся тем, что «только в них слышен был свежий голос живой современности, а не повторение старого и всем давно наскучившего» (IV, 440). И эту современность, злободневность журналу придавали в первую очередь статьи самого Белинского, которому, по словам Тургенева, как никому, было свойственно «понимание того, что именно стоит на очереди, что требует немедленного решения, в чем сказывается „злоба дня"».[62]

Белинский создавал свое учение о характере журнала в сопоставлении журнала и газеты как двух разных видов периодики. Он прекрасно ощущал видовые особенности газеты и журнала. Считая, что газета должна отвечать тем же требованиям, что и журнал (разнообразие материала, твердость общественного и литературного направления, современный взгляд на вещи, т. е. современность), Белинский сознавал и отличие газеты от журнала, хорошо представлял себе специфику газеты как особого вида периодического издания.

Свое понимание специфики газеты, отличия газеты от журнала Белинский сформулировал в рецензии на альманах «Утренняя заря» в № 1 «Литературной газеты» за 1840 г. Здесь же Белинский высказал свои мысли о характере отделов в газете и об особенности материалов, предназначаемых для публикации в газете. «Существенная разница между журналом и газетою заключается в том, — утверждает Белинский, — что первый [журнал], при необходимых условиях полноты и всеобъемлемости, рассматривает всякое явление, подлежащее его наблюдениям, со всевозможною отчетливостию и подробностию; ограниченный числом выпусков, он не ограничен объемом своим; не всегда имея возможность тотчас передать публике известие о каком-нибудь новом явлении, он всегда может рассмотреть это явление с микроскопом критики. Газета, напротив того, живет, дышит и движется современностию; не входя в глубокое исследование частностей, она заботится о том, чтобы на лету поймать всякую новость, вовремя передать всякое известие» (III, 379). Далее Бе-

62 В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, стр. 520.

линский еще сильнее подчеркивает актуальность, злободневность как основное свойство газеты: «Журнал имеет впереди месяц, даже год; для газеты существует вчера и нынче. Явление, возбудившее внимание публики два, три месяца тому назад и даже более, имеет еще полное право на то, чтобы быть рассмотренным на страницах журнала, но газета, которая не заметит этого явления в течение одной или двух недель, изменила уже своему назначению и заслуживает упрек от читателей» (III, 380).

Требование современности адресуется ко всем художественным произведениям, предназначающимся для публикации в газете, — как прозаическим, так и стихотворным. Сказав, что «разнообразие, пестрота, жизнь, свежесть известий — вот что будет предметом постоянных попечений редакции „Литературной газеты"», Белинский разъясняет, что в газете будут печататься только «такие повести, рассказы, статьи, которые дышат современным, живым интересом, запечатлены какою-нибудь резкою характеристическою чертою» и «такие стихотворения, которые запечатлены талантом неподдельным, и в особенности такие, которые при этом условии имеют интерес современный» (III, 380—381). В силу особенностей газеты (небольшая печатная площадь) отдел критики в ней уступает отделу библиографии, который в этой связи приобретает в газете особо важное значение. «Быстроту и полноту известий» Белинский считает «непременными условиями» и таких отделов «Литературной газеты», как «Театральная хроника», «Смесь» и «Петербургская хроника». Начертанная Белинским программа «Литературной газеты», к сожалению, не вполне осуществилась, так как в 1840 г. газетой руководил малоквалифицированный критик Межевич. И только статьи самого Белинского придавали газете, выражаясь его собственными словами, «жизнь и движение».

Следующий аспект журналистского кодекса Белинского — это его учение о типе журнальной статьи. Белинский показал не только то, о чем нужно писать в журнале, но и как подавать журнальный материал. Белинский прекрасно понимал, что характер журнального материала, самый тип статьи в периодическом издании должен сообразовываться с тем читателем (его запросами, культурным уровнем, степенью общественно-политического, научного и эстетического развития), к которому обращается критик и публицист. И поскольку журнал, по Белинскому, следует издавать «для всех», его статьи должны быть написаны так, чтобы любой читатель до конца их понял и хорошо усвоил. И здесь Белинский выступает как подлинный демократ, заботящийся прежде всего о широком читателе, а не об «избранной публике».

Какие же требования предъявлял Белинский к журнальным и газетным статьям с точки зрения их формы, языка и стиля? Прежде всего, это простота изложения. Журнал — не ученый сборник, а потому и серьезный материал следует излагать просто, ясно, понятно, доходчиво. Чтобы содержание статьи дошло

до читателя, журналист может приводить дополнительные аргументы, не бояться повторений, пояснительных примеров и т. д. Еще в статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя"» (1836) Белинский доказывал, что если наша журнальная критика хочет быть «гувернером общества», она должна уметь «на простом языке говорить высокие истины» (II, 125). О сложном нужно писать просто, но не измельчая этого сложного. Призывая журналистов всемерно популяризовать «высокие идеи и серьезные мысли», т. е. делать их доступными, понятными демократическому читателю, Белинский считал совершенно недопустимым вульгаризацию, искажение «высоких истин». К читателю нужно приноравливаться — это бесспорно, но, начав с «наклонения до читателя», журнал должен поднимать читателя, способствовать росту его общественного сознания, научных представлений, эстетического вкуса. «Наклоняйтесь до своих читателей, если они слишком малы ростом, пережевывайте им пищу, если они слишком слабы, узнайте их привычки, их слабости и, соображаясь с ними, действуйте на них», — заявлял Белинский в статье «Ничто о ничем» и тут же добавлял: «Умейте наклонить и заставьте думать, что вы наклоняетесь, хотя вы стоите и прямо» (II, 46, 47).

Хорошо, если журнальные и газетные статьи, ясные по аргументации, простые по изложению, написаны как живой, увлекательный рассказ журналиста, его свободная, непринужденная беседа с читателем. Сухость, отвлеченный дидактизм, чрезмерная наукообразность (так сказать, излишний академизм) — все это, по мнению Белинского, чрезвычайно вредит журналу, так как не привлекает читателя и даже отталкивает его. Белинский был непримиримым противником серых, невыразительных оборотов речи, вялости изложения, разного рода словесных штампов. Так, статьи сотрудника «Современника» Н. А. Мельгунова, при всей их дельности и современности, не встречали поддержки у Белинского, так как «в них нет закваски, крепости», «они бесцветны, ни то, ни се», а поэтому «читать их скучно, и от них мало остается в голове». Напротив, от статей Герцена Белинский был в восторге, они, по его мнению, «решительные повесы и сорвиголовы» (XII, 354).

Журнал может печатать и серьезные научные статьи, но только в том случае, если, во-первых, автор раскроет перед читателем пути и средства практического применения изложенных в статье научных положений, поможет ему «обратить вопросы науки в вопросы жизни», а во-вторых, развитие этих научных положений будет сделано в статье живо и увлекательно. Белинский писал Боткину в письме от 4—8 июня 1847 г. в связи со статьей А. П. Заболоцкого-Десятовского «Причины колебания цен на хлеб в России»: «Для журнала статьи ученого содержания тогда только важны и дороги, когда они по общности интереса и по изложению имеют всю заманчивость и легкость беллетристиче-

ской статьи. Такова, например, статья Заболоцкого о колебании цен на хлеб: ее прочли многие из тех, которые, кроме повестей, стихов и рецензий, ничего не читают и о сельском хозяйстве понятия не имеют» (XII, 419). Напротив, Белинский не считает находкой для журнала статьи сотрудника «Современника» географа Н. Г. Фролова, который «литератор... плохой», так как «холоден, сух, пишет сонно, нескладно и варварским языком» (XII, 420).

Белинский не случайно употребляет определение «беллетристическая» в отношении к журнальной статье. К беллетристическим произведениям он относил «так называемую *легкую литературу*, которой назначение состоит в том, чтоб занимать досуги большинства читающей публики и удовлетворять его потребности» (VIII, 375). Таким образом, истинно журнальная статья — это статья «беллетристическая», предназначенная для «большинства» для «всех», поэтому, будучи серьезной, глубокой по содержанию, она должна быть смелой по мыслям, убедительной по аргументации, заманчивой по интересу, острой, эмоциональной, живой (часто полемической) по строю и изложению. Именно такую статью и создал сам Белинский.

Статьи Белинского отличались исключительной силой воздействия на читателя: они захватывали, увлекали читателя глубиной содержания, передовым современным взглядом, бесспорностью аргументации, буквально железной логикой, ясностью и четкостью формулировок, живой, образной манерой изложения. Как никто из тогдашних журналистов, Белинский умел убедить читателя в справедливости своей точки зрения, и зачастую получалось так, что читатель, начав знакомиться со статьей Белинского как его противник, по прочтении статьи становился уже его союзником.

Журналист, как постоянно подчеркивал Белинский, должен не только писать просто, остро и увлекательно — он должен, в условиях, когда «цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах», находить способы высказывать свои смелые убеждения. Система намеков и иносказаний, благодаря чему «мысль тихонько прокрадывалась, закутанная в двусмысленные обороты речи»,[63] получила наиболее широкое распространение как раз в 1840-е годы, когда усилилось внимание русской публики к общественным вопросам, которые, по словам Белинского, к середине 1840-х годов «сделались для всех интересом первой степени, стали во главе всех других вопросов» (X, 306). «То было время, — вспоминал об эпохе 1840-х годов Салтыков-Щедрин, — когда слово служило не естественною формою для выражения человеческой мысли, а как бы покровом, сквозь который неполно и словно намеками светились очертания этой мысли».[64]

[63] И. С. Аксаков. Соч., т. IV. М., 1886, стр. 433.

[64] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. III. М., Гослитиздат, 1934, стр. 210.

И Белинский, как никто из его современников, умел преодолевать цензурные рогатки. По свидетельству И. И. Панаева, Белинский в 1840-е годы, «убедившись в своем настоящем призвании и проникнувшись горячей верой в свои новые убеждения, приобрел удивительную способность газировать свою мысль и проводить ее незаметно от цензора, несмотря на его строгий цензурный надзор».[65]

Но если Белинский, постоянно сотрудничая в периодических изданиях, к 1840-м годам приобрел богатый опыт и навыки в обходе цензуры, умение намеками и недомолвками говорить с проницательным читателем по вопросам, выходящим за пределы литературы и искусства, то и читатели 1840-х годов, воспитанные на статьях Белинского, уже были подготовлены, приучены им к чтению «между строк», к пониманию «эзопова языка». Например, когда во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» Белинский с удовлетворением отмечает, что в «Хоре и Калиныче» Тургенев «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил» (X, 346), он имеет в виду стремление автора показать внутреннюю сущность крепостного крестьянина, богатство и красоту его души, остроту ума, находчивость и изобретательность, т. е. все то, чего не видели реакционные идеологи. Полемизируя с К. С. Аксаковым, Белинский указывал, что «пафос» «Мертвых душ» Гоголя «состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанциональным началом» (VI, 430—431). Только в такую отвлеченную форму Белинский мог облечь конкретную мысль о полном несоответствии самодержавно-крепостнического устройства России интересам народа.

Средством эзоповского языка Белинскому служила даже пунктуация. Когда ему хотелось подсказать читателям, что он из-за цензуры не может продолжить своей мысли, в тексте ставится многоточие. Многоточие — это один из часто встречающихся у Белинского приемов «дымовой завесы». Многоточие выполняет у критика функцию не столько синтаксическую, сколько публицистическую: оно, как своеобразный «наводящий» знак препинания, помогало читателю догадаться о скрытой мысли автора, заставляло его задуматься над тем или другим вопросом, о котором, в силу цензурного гнета, запрещалось говорить в печати (примеры см. на стр. 41, 65, 73, 102, 106).

Белинский иногда сам в подцензурной печати «наводил» читателей на мысль о необходимости читать «между строк». Например, в статьях, посвященных трудам по истории петровской эпохи (1841), где, пользуясь приемом исторических аналогий, Белинский позволил себе ряд довольно острых, но тонко замаскированных замечаний в адрес современной ему самодержавной России, такие рекомендации читателю встречаются неодно-

[65] И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 245.

кратно.[66] Белинский убедительно просит читателей «не быть слишком взыскательными», и «не забывать также, что в журнальной статье нельзя высказать всего так, как бы хотелось» (V, 97). Задача Белинского — «привести для соображения читателю две-три самые резкие черты; собственная его проницательность дополнит остальное (V, 103). «Мы почтем себя вполне достигшими цели, — пишет Белинский, — если статья наша займет не одни глаза читателя, но и душу, и разум его, и наведет его на мысли и думы, которых еще не возбуждали в нем исторические возгласы о Петре Великом» (V, 97).

Цитата из литературного произведения также зачастую служит Белинскому средством «эзопова языка». Так, чтобы лишний раз обратить внимание читателей на пресмыкательство Булгарина перед правительством и на тщательно скрываемую им службу в III отделении, Белинский вкладывает в уста издателя «Северной пчелы» лицемерные слова Чичикова: «Обязанность для меня дело священное — я немею перед законом» (VI, 405).

ХАРАКТЕР И ЖАНРЫ СТАТЕЙ БЕЛИНСКОГО

«Пушкин ... творил для своих идей свои формы», — писал Белинский в «Литературных мечтаниях» (I, 69). Это в равной мере можно сказать и о Белинском как критике и публицисте. Для выражения своих идей Белинский создал свой тип статьи. Мировоззрение Белинского как демократа-просветителя в 1830-е годы и революционера-демократа в 1840-е годы проявилось как в содержании его журнальных и газетных выступлений, так и в самой их форме, типе, структуре. Для него как журналиста-демократа было важно, чтобы идеи его статей оказались правильно понятыми и прочно усвоенными еще недостаточно подготовленным, «средним» читателем, и это определило характер его статьи. Белинский утверждал: «Два обстоятельства творят великих поэтов: натура и история» (VI, 123). Эта формула не в меньшей степени применима и к великим критикам и публицистам, в том числе и к самому Белинскому. Что и как писал Белинский, во-первых, отвечало потребностям времени и запросам демократического читателя, а во-вторых, отражало индивидуальные особенности творческой личности Белинского. Недаром сам Белинский настаивал в письме к Кавелину от 7 декабря 1847 г.: «Моя статья и я — всегда нечто нераздельное» (XII, 455).

Белинский выступал как литературный критик и критик-публицист. Публицистом в собственном смысле слова он не смог стать по условиям того времени, когда в подцензурной печати запрещалось открыто писать на политические темы. Это хорошо показал в «Очерках гоголевского периода русской литературы»

[66] О важности этих статей для понимания эзоповского языка Белинского см. в работе Ф. Я. Приймы «Об эзоповском языке В. Г. Белинского». «Русская литература», 1962, № 1, стр. 111—125.

Чернышевский, подчеркнувший историческую обусловленность литературно-критической деятельности Белинского. Назвав Белинского гениальной натурой и сказав, что хотя гениальной натуре «доступны бывают многие поприща», она всегда «действует на том, которое в данных обстоятельствах находит самым широким и плодотворным», Чернышевский пишет о Белинском: «Нам кажется, что в Англии этот человек был бы парламентским оратором, в Германии того времени — философом, во Франции — публицистом; в России он сделался автором статей о Пушкине» (III, 766).

Белинский прошел сложный путь развития — от литературной критики (1830-е годы) к критике литературно-публицистической (1840-е годы). Этот переход осуществлялся им по двум линиям. Во-первых, в статьях 1840-х годов он, используя остроумные средства обхода цензуры, значительно большее внимание уделял вопросам общественным, экономическим и историческим, а во-вторых, он нашел путь быть публицистом, не покидая рамок литературной критики. Один из главных приемов Белинского, позволивших ему самый анализ литературного произведения подчинить публицистическим задачам, — это его отношение к действующим лицам анализируемого произведения как к реальным людям, живущим в понятной для читателя действительности, а также восприятие ситуаций, изображенных в произведении, как реальных жизненных ситуаций. «Все эти Маниловы и подобные им, — подчеркивает Белинский, говоря о „Мертвых душах", — забавны только в книге; в действительности же избави боже с ними встретиться — а не встречаться с ними нельзя, потому что их-таки довольно в действительности» (VI, 430). Белинский словно расширяет рамки художественного произведения и показывает читателю, как данный литературный персонаж может повести себя в жизни. Такой подход дает критику возможность раскрыть социальную сущность данного художественного образа и одновременно затронуть важные жизненные вопросы — поговорить «обо многом таком, что интересно и полезно для русской публики, потому что близко к ней» (XII, 409). Следовательно, Белинский вводит публицистику в литературную критику посредством перенесения действующего лица художественного произведения в жизненную плоскость.

Но Белинский был не только критиком-публицистом, он был также критиком-художником, который поднял литературную критику на уровень подлинного искусства. Выступления Белинского привлекали читателя не только серьезностью содержания, логикой мысли и убедительностью аргументации, но в не меньшей степени увлекательным, блестящим изложением, подлинной художественной образностью, поэтическим языком и стилем. Обладая непогрешимым эстетическим вкусом, способностью чувствовать и понимать искусство и передавать читателям свои ощущения прекрасного, даром художественного, образного мышления,

Белинский умел до мельчайших тонкостей постигать художественные особенности анализируемого произведения, его образность, стиль и язык. По свидетельству Анненкова, «Белинский как критик-художник являлся действительно человеком власти и могущества, подчиняющим себе». В его статьях, говорит Анненков, «происходила, так сказать, художническая анатомия данного произведения, открывалось его внутреннее строение с очевидностью и осязательностью, дававшими иногда совершенно одинаковое, а иногда еще и большее наслаждение, чем чтение самого оригинала. Это было восстановление произведения, только уже проведенного, так сказать, через душу и эстетическое чувство критика и получившего от соприкосновения с ними новую жизнь, бо́льшую свежесть и более глубокое выражение».[67]

Белинский настолько глубоко проникает в ткань художественного произведения, что пишет как бы «в ключе» самого автора. Зачастую критик пользуется образностью того самого художественного произведения, которое рассматривается в данной статье или рецензии; иногда он создает свои поэтические образы, но опять-таки под впечатлением образности анализируемого произведения. Но бывает и так, что логическая система мышления как бы уступает место системе мышления художественной, и тогда Белинский предстает перед читателем уже не как критик-публицист, а как творец-художник. До сих пор не утратил своей поэтической прелести анализ «Ревизора» Гоголя в статье о «Горе от ума» («Отечественные записки», 1840, № 1). Рассмотрев сцену за сценой, Белинский проследил развитие комедии с такой глубиной и художественной тонкостью, что это могло быть под силу разве только самому автору пьесы. А беспримерный по глубине и тонкости пересказ «Героя нашего времени» в «Отечественных записках» (1840, № 6 и 7)? Белинский с таким художественным тактом и поэтическим воодушевлением передал нам содержание романа Лермонтова, словно талантливый музыкант вдохновенно сыграл сложное сочинение, исполненное лиризма и драматизма.

Многим статьям Белинского присущ ярко выраженный лиризм. Это определялось двумя обстоятельствами: во-первых, личной склонностью Белинского как критика-художника к образному характеру речи и, во-вторых, пониманием им того, что образно-эмоциональное воздействие на демократического читателя подчас может оказаться более эффективным, чем воздействие чисто логическое. Лирические отступления в статьях Белинского различны по своей тональности. Например, в статье о «Герое нашего времени» выражена откровенная радость в связи с появлением в России нового сильного поэтического дарования — Лермонтова: «Вдруг на горизонте нашей поэзии взошло новое яркое светило и тотчас оказалось звездой первой величи-

---

[67] П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 182.

ны» (IV, 196). Здесь же и глубокая грусть в связи с тем, что люди, подобные «решительному, алчущему тревог и бурь», не боящемуся риска Печорину, вынуждены пребывать в бездействии. «Основная идея романа, — говорит Белинский, — как горькое чувство, мгновенно овладевшее существом вашим, пристает к вам и преследует вас». С каждой повестью, входящей в роман, «вы еще более понимаете его (Печорина), более думаете о нем, и ваше чувство все грустнее и грустнее...» (IV, 197), — делится критик с читателями своими впечатлениями о постепенном знакомстве с героем романа. Напротив, острую иронию и даже гнев вызывает в Белинском реакционная критика, не только не понимающая или не желающая понять героя романа Лермонтова, но и открыто клевещущая на него.

Через статьи Белинского хорошо просвечиваются черты его личности, яркой и самобытной. За статьями стоит их автор — живой, активный, принципиальный человек, у которого исключительно развито чувство гражданской ответственности как за свои мысли и поступки, так и за все то, что происходит в России. Недаром Герцен отмечал, что «в каждом слове» Белинского «чувствуешь, что человек этот пишет своей кровью» (VII, 238). Будучи по натуре человеком быстрой реакции, немедленного действия, Белинский не дожидался, пока впечатления от какого-то факта, явления, события устоятся, образуются в его сознании; если его что-то захватило, потрясло, он спешил сразу же поделиться с читателями своими мыслями и чувствами. Это придавало статьям Белинского притягательную взволнованность, выразительность, которая усиливалась еще тем, что часто статьи писались от первого лица единственного числа («я», а не «мы»).

Принципиально новым в статьях Белинского было наличие «лирического героя», совпадающего с образом самого автора. Герой его статей имеет личную биографию и постоянно подчеркиваемый демократический образ мыслей. Из статей Белинского 1830-х годов читатели узнавали, что автор молод и беден, живет журнальным трудом; детство и юность он провел в провинции, зачитываясь на огороде «Бедной Лизой» и «Марьиной рощей» Карамзина, сам писал стихи и т. д. Уже в «Литературных мечтаниях» автор предстает как начинающий журналист, который тверд в своих убеждениях «честного и добросовестного человека» и не боится выступать против «господствующего мнения». Защита демократических убеждений — своего «плебейского мнения» проходит через все статьи Белинского, и особенно через статьи 1840-х годов. Например, полемизируя со славянофилами во «Взгляде на русскую литературу 1846 года», Белинский, по его словам, «всеми силами» готов защищать «свои горячие убеждения», которые для него «дороже всего на свете» (X, 22). В то же время автор — человек предельно скромный, не считающий для себя позорным признаваться, что он недостаточно профессионально подготовлен, чтобы судить о каких-то слож-

ных вопросах. Например, Белинский не скрывает своей «робости», начиная рассмотрение «Евгения Онегина» в восьмой статье о Пушкине. В первой статье пушкинского цикла Белинский откровенно признавался читателям «Отечественных записок»: «Чуждые ложного стыда — не побоимся сказать, что одною из главных причин, почему не могли мы ранее выполнить своего обещания нашим читателям касательно разбора сочинений Пушкина, было сознание неясности и неопределенности собственного нашего понятия о значении этого поэта» (VII, 105). Не боялся Белинский сам обращать внимание читателей на ошибочность или недостаточную точность и полноту ранее высказанных им суждений. В этом самокритизме — сила Белинского, это свидетельство его умственного и творческого развития; и он имел все основания сказать о себе Гончарову: «Я меняю убеждения, это правда, но меняю, как меняют копейку на рубль».[68]

Тот тип статьи, который создал Белинский в 1830-е годы, во многом характерен и для его журналистской деятельности в 1840-е годы.[69] Это — емкая, многотемная, энциклопедическая статья, с многочисленными отступлениями «по поводу» и частыми повторениями. Глубокая по содержанию, убедительная по аргументации и «беллетристическая» по форме, статья Белинского часто строилась по принципу «свободной композиции», с ярко выраженными элементами «разговорности»: многие статьи Белинского — это или монолог, обращенный к читателю-слушателю, или откровенная задушевная беседа журналиста с читателем.

Для Белинского журнал был настоящей кафедрой, трибуной, с которой он беседовал с читателями. Поэтому статья Белинского и строится как речь, обращение к демократической аудитории, со всеми особенностями живой устной ораторской речи, с использованием приемов ораторского искусства. Когда Белинский писал статью, он всегда видел перед собой читателя, прекрасно «чувствовал» свою аудиторию. Он непосредственно адресуется к читателю, задает ему вопросы и таким образом как бы втягивает его в обсуждение затрагиваемых в статье тем; он прислушивается к возможным возражениям со стороны читателя и тут же отвечает на них, приводя дополнительные факты и соображения в подтверждение своей точки зрения. Как оратор-трибун, он убеждает и разъясняет, учит и воспитывает, все время держа слушателя в состоянии напряженного внимания, неослабеваемой заинтересованности. Это придает статьям Белинского острую динамичность. Ударные, «мобилизующие» зачины и концовки-выводы, вопросительно-восклицательные конструкции, разговорные интонации, образные сравнения и меткие афоризмы, взволнованные обращения к аудитории, острая иро-

[68] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, стр. 568.

[69] Об особенностях статьи Белинского периода 1830-х годов см.: В. Г. Березина. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826—1839 гг.). Изд. ЛГУ, 1965, стр. 97—99.

ния и веселая шутка, пословицы и поговорки, просторечные элементы языка и стиля — все это характерно для пламенной, живой, образной речи трибуна-борца Белинского.

Форма «разговорной» статьи, столь необходимая тогдашнему демократичному журнальному читателю, в свою очередь гармонировала с творческой «натурой» самого Белинского. Чернышевский правильно отметил, что при других обстоятельствах Белинский был бы политическим оратором. И действительно, Белинский обладал редким даром красноречия, прекрасно владел искусством ораторской речи. По натуре своей Белинский — человек живого устного слова, это сказывалось и в его статьях и в его личном поведении. Все знавшие Белинского подтверждают его любовь и способность к устным выступлениям, горячим спорам. Как вспоминал один из современников Белинского, «когда с ним никто не спорил, ему было скучно. Только во время споров он был в своей тарелке, настоящим Белинским, вторым томом своих сочинений».[70] Яркий образ Белинского, страстно отстаивающего свои убеждения в устных спорах с политическими и литературными противниками, нарисовал Герцен в «Былом и думах»: «В этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура; да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было видеть его: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль» (IX, 31).

Неотъемлемой принадлежностью статей Белинского являются отступления «по поводу» или «à propos» (т. е. кстати), которые делятся на три основных вида: пояснительные, лирические и публицистические. Для статей Белинского 1840-х годов наиболее характерны отступления публицистические. Большую обличительную силу имеет, например, во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» характеристика аристократа, эстетствующего сибарита, возмущающегося произведениями натуральной школы, где все рассказывается об «углах», да о бедняках. Принцип «свободной композиции», характерный для многих статей Белинского 1830-х годов, сохраняется им и в 1840-е годы, однако в значительно меньшей степени. К середине 1840-х годов, когда читатель стал более подготовленным к восприятию серьезных статей, уже не эмоциональный, а логический элемент становится организующим в статьях Белинского. «Если первая строка хватит издалека — статья болтлива, о деле мало сказано; если первая строка ближе к делу — статья хороша» (XII, 339), —

[70] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, стр. 48.

так выразил Белинский в письме к Боткину от 28 февраля 1847 г. свое новое отношение к структуре журнальной статьи. И действительно, в это время в статьях Белинского намечается более строгое расположение материала, более логическая последовательность в изложении; четче стали переходы от одной темы к другой. Куда более экономно (только в случае безусловной необходимости) он пользуется отступлениями «по поводу», причем чаще всего в целях усиления публицистического звучания статьи. Статья пишется по более строгому плану, членение ее на отдельные части без труда постигается читателем. Например, обозрение «Взгляд на русскую литературу 1846 года» начинается словами: «Настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее» (X, 7), в которых формулируется основная мысль первой половины обозрения; вторая половина обзора, отделенная от первого «просветом», посвящена развитию мысли: «Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности» (X, 32). В помощь читателю Белинский в 1840-е годы иногда составляет краткий план статьи — перечень основных вопросов и тем, рассмотренных в ней. Такие планы опубликованы почти при каждой статье пушкинского цикла, при обеих статьях «Взгляда на русскую литературу 1847 года».

Выработав свой тип статьи, Белинский создал также замечательные образцы разнообразных журнальных жанров.

Во времена Белинского еще не было строгой дифференциации жанров, как, впрочем, не было должной четкости и в отношении терминологии. Журналисты могли обычную рецензию или даже библиографический отзыв именовать критической статьей и на этом основании помещать ее не в отдел библиографии, а в отдел критики. В статье «Русские журналы» (1839) Белинский справедливо упрекал журнал «Сын отечества»: «Под критикою он стал разуметь библиографические отзывы о книжках, или рецензии» (III, 169; противительный союз «или» здесь употреблен в значении уточнения: «то есть»).

Не до конца упорядочена жанровая терминология и в языке Белинского, хотя у него здесь бóльшая последовательность, чем у его современников. Белинский, как и его современники, иногда еще статьей называл все виды журнальных материалов (в том числе и художественные произведения), а рецензию не отделял от библиографического отзыва. Но у него уже наметилось четкое понимание двух различных видов критических выступлений: во-первых, это, по терминологии Белинского, «высшая критика» (или «большая критика»), которую представляла «критическая статья» (или «критика»), а во-вторых, это «низшая критика» (или «практическая критика», «малая критика»), к которой относились в равной мере «рецензия» (или «подробный отчет»), «библиографическая статья», «библиографический отзыв», «библиографический отчет», «известие», «библиографические заме-

чания» и т. д. «Под критикой разумеется статья известного объема и даже особенного от рецензии тона», — так формулировал Белинский отличие критической статьи от рецензии (X, 49). Характер критического выступления в журнале, по мнению Белинского, зависит от двух обстоятельств: от степени важности анализируемого произведения и от того, в какой отдел журнала (критический или библиографический) оно предназначалось. Любое литературное произведение может быть предметом низшей (или практической) критики и рассмотрено в рецензии или библиографической статье (отзыве, известии, отчете и т. д.). И только произведениям, глубоким по своей идее и высокохудожественным по выполнению, или имеющим сильное (в том числе отрицательное) влияние на литературу и общественное сознание, следует посвящать критические статьи.

В 1840-х годах в литературно-критическом и публицистическом творчестве Белинского представлены многие жанры. Восемь лет подряд (1841—1848) писал он годовые обзоры русской литературы — сначала для «Отечественных записок», а потом для «Современника». Большое место в журналистской практике Белинского занимают критические статьи (или циклы статей) и рецензии, посвященные творчеству автора в целом, сборнику его произведений или отдельному произведению. Кроме опубликованной самостоятельно книжки «Николай Алексеевич Полевой» (1846) здесь следует назвать одиннадцать статей о Пушкине (1843—1846), две статьи о Державине (1843), а также статьи: «Иван Андреевич Крылов» (1845), «Кантемир» (1845), «О жизни и сочинениях Кольцова» (1846), «Герой нашего времени» М. Лермонтова (1840), «Стихотворения М. Лермонтова» (1841), «Похождения Чичикова, или Мертвые души» Н. Гоголя (1842, 1847), «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. Гоголя (1847), «Речь о критике» А. Никитенко (1842, три статьи), «Парижские тайны» Э. Сю (1844) и др. К лучшим теоретическим статьям Белинского относятся: «Разделение поэзии на роды и виды», «Идея искусства», «Общее значение слова „литература"», четыре статьи о народной поэзии (1841) и др. Несколько критических статей и рецензий Белинский посвятил отдельным журналам, альманахам и сборникам (самая острая из них — «Ответ „Москвитянину"», 1847); сюда же примыкают многочисленные «Литературные и журнальные заметки» (в «Отечественных записках») и «Современные заметки» (в «Современнике»), в которых Белинский вел полемику с тогдашними периодическими изданиями по отдельным конкретным вопросам. Перу Белинского принадлежат два замечательных памфлета — «Педант» (1842) и «Тарантас» (1845) и знаменитое «Письмо к Гоголю», являющееся одним из ранних образцов публицистического «открытого письма». Белинский написал также немало статей, рецензий и библиографических отзывов о различных научных и научно-популярных произведениях (по философии, истории, географии,

педагогике, языкознанию и др.), театральных отчетов, полемических заметок (по современной терминологии «реплик»). Используя и развивая традиции Пушкина, Белинский создал множество так называемых «отрицательных» (или «иронических») рецензий и отзывов, в которых ярко проявилось его полемическое дарование.

Белинский был прирожденным полемистом. Он признавался Боткину в письме от 31 марта 1842 г.: «Чувствую теперь вполне и живо, что я рожден для печатных битв, что мое призвание, жизнь, счастие, воздух, пища — *полемика!*» (XII, 88). Полемическая заостренность — одна из характерных особенностей творческой манеры Белинского. Полемичность эта проявлялась в смелой постановке вопросов, в системе доказательства выдвинутых положений, в приемах критики и оценки позиции противника, в самой манере изложения, построенного иногда на беспощадной иронии и сарказме, а иногда — шутливом юморе. Приемы и методы полемики определялись теми задачами, которые Белинский как полемист ставил перед собой в каждом отдельном случае: если затрагивалось отрицательное явление, влияние которого на общество уже не представляло опасности, он ограничивался легкой шуткой, но шутка переходила в желчную холодную иронию, когда возникала настоятельная необходимость в бескомпромиссной борьбе с тем явлением, о котором шла речь.

Жанр годовых обозрений русской литературы — один из ведущих в критике Белинского 1840-х годов. Поместив первый свой обзор «Русская литература в 1840 году» в январском номере «Отечественных записок» за 1841 г., Белинский написал для журнала Краевского еще пять таких обзоров, каждым из которых открывался первый номер журнала на новый год. Публикацию своих годовых обзоров литературы за истекший год Белинский продолжил и в «Современнике». Здесь увидели свет два его обозрения — «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (1847, № 1) и «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (1848, № 1 и 3). Белинский не только систематически писал годовые обзоры литературы, он был также теоретиком и историком этого жанра. Он показал, почему этот журнальный жанр сделался столь необходимым в 1840-е годы и почему он сам как журналист считал для себя обязательным ежегодно выступать в роли обозревателя.

Время 1840-х годов характеризуется пробуждением общественного сознания: как никогда ощутимой стала потребность мыслить, анализировать, делать выводы. «Теперь снова настает время «обозрений», так как «для нас настало время *сознания*» (IV, 409, 410), — заявляет Белинский в начале своего первого обозрения «Русская литература в 1840 году». Доказывая связь жанра обозрений с жизненными потребностями настоящего времени, Белинский в обзоре за 1842 г. наметил композицию, структуру статьи, написанной в жанре годового обзора литера-

туры. Поскольку теперь «одно знание фактов ...ничто», а «все дело в разумении значения фактов», то «обозревать — не значит пересчитывать по пальцам все, что вышло в продолжение известного времени, но указать на замечательные произведения и определить их значение и цену», а это невозможно сделать, «не определив предварительно характера и значения всей литературы последнего времени» (VI, 512, 527). В последующих годовых обзорах Белинский более глубоко раскрывает понятие «характер и значение» литературы — как ее «дух и направление» (IX, 388, «Русская литература в 1845 году»), т. е. насыщение определенными общественными идеями. «Главная же задача тут, — писал Белинский о жанре годового обозрения литературы в своем „Взгляде на русскую литературу 1847 года", — показать преобладающее направление, общий характер литературы в данное время, проследить в ее явлениях оживляющую и движущую ее мысль. Только таким образом можно если не определить, то хоть намекнуть, на сколько истекший год подвинул вперед литературу, какой прогресс совершила она в нем» (X, 286—287).

Задачи, которые ставил Белинский перед собой как обозревателем, определяли и более или менее устойчивую композицию его обозрений, которые, как правило, состояли из трех частей: теоретической, исторической и литературно-критической. Конкретному разбору произведений за истекший год всегда предшествовало довольно пространственное теоретическое введение, в котором характеризовалось общее состояние современной литературы и выявлялось, что нового и важного, с точки зрения потребностей времени, внесли литературные произведения минувшего года, причем зачастую характеристика «духа и направления» литературы последнего времени дополнялась и подкреплялась экскурсами в прошлое нашей литературы, поскольку «настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее» как не переставал доказывать Белинский (X, 7).

В ряде своих статей, и наиболее подробно в обозрениях за 1842 и 1847 гг., Белинский воссоздал историю жанра годовых обзоров литературы. Он напомнил, что первым по времени с этим жанром выступил Н. И. Греч, опубликовавший в «Сыне отечества» за 1815 г. свое «Обозрение русской литературы 1814 года», открыто монархическое по направлению. Греч представил не столько «обозрение», сколько простой, чисто библиографический, номенклатурный перечень произведений по различным отраслям знаний (изящная словесность, философия, богословие и т. д.), без каких бы то ни было претензий на обобщение. Хотя декабрист А. Бестужев-Марлинский как обозреватель выступил через 8 лет после Греча, поместив первый свой обзор в альманахе «Полярная звезда» на 1823 г., Белинский постоянно подчеркивал, что не Греч, а Бестужев-Марлинский является создателем жанра годовых обзоров литературы. И по

содержанию, и по форме обзоры «Полярной звезды» резко выделялись на фоне тогдашних обозрений. Только в них «ход нашей литературы» рассматривался в тесной связи с развитием общественной мысли, и только они намечали развитие литературной критики в сторону публицистики. Это и позволило Белинскому оценить Бестужева выше всех обозревателей того времени.[71]

Далее Белинский показал, что многие авторы годовых обзоров литературы в периодике 1820—1830-х годов «обольщались мнимыми литературными сокровищами» (VI, 516). А поскольку «восхищение отнимало способ думать и судить» (VI, 517), тогдашние обозрения никак не соответствовали духу 1840-х годов и должны были быть заменены другим типом обозрений. Этот новый жанр годовых обзоров литературы, соответствующий требованиям нового времени, Белинский разработал теоретически и осуществил практически, написав и опубликовав восемь таких обозрений — и это в то время, когда другие журналы 1840-х годов совсем отказались от жанра годовых обозрений или публиковали их от случая к случаю.

Годовые обозрения литературы — это определенные вехи становления философских, общественно-политических и эстетических взглядов Белинского, вехи в развитии его как журналиста-теоретика и практика. Каждое из обозрений наглядно демонстрирует последовательное развитие Белинского от литературной критики к критике публицистической. Годовое обозрение литературы под пером Белинского, оставаясь литературно-критическим жанром, постепенно все более и более обогащалось элементами публицистики, развивалось в сторону литературно-публицистического обозрения (но никогда не становясь чисто публицистическим). В жанре годовых обзоров литературы Белинский больше, чем в каком-либо другом жанре своих журнальных и газетных выступлений, представил современникам органическое соединение литературной критики с публицистикой. Об этом хорошо сказал Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Критика Белинского все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее стремилась к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе те отношения, в которых она должна стоять к жизни» (III, 226).

Первый обзор (за 1840 г.), посвященный доказательству «бедности русской литературы», еще носил довольно отвлеченный характер; это скорее не обзор литературы, а теоретический трактат, напоминающий во многом статьи Белинского периода «Московского наблюдателя». Всего несколько страничек уде-

[71] Об обозрениях Бестужева в «Полярной звезде» и об отношении к ним Белинского см.: В. Г. Березина. Русская журналистика первой четверти XIX века. Изд. ЛГУ, 1965, стр. 78—83.

лено литературным новинкам, среди которых особо выделены «Герой нашего времени» и «Стихотворения» Лермонтова, дающие 1840 году «цену хорошего десятилетия» (IV, 445). Подробно характеризует Белинский современную периодику, «центром» которой считает «Отечественные записки».

Главная мысль второго обзора (за 1841 г.) — признание в литературном процессе сторогой «исторической последовательности», обусловленной самим ходом исторического развития русского общества. Это позволяет Белинскому поставить под сомнение свой прежний тезис «у нас нет литературы». В современной литературе Белинский отмечает «обращение к жизни, к действительности», а «такое направление много обещает в будущем» (V, 568). Обозрение за 1841 г. отличается от первого большей конкретностью содержания и точностью формулировок.

Третий обзор (за 1842 г.) еще более четок в своем построении: экскурс в прошлое сведен до минимума, почти вся статья посвящена анализу современного состояния литературы и характеристике произведений истекшего года. «Мертвые души», охарактеризованные Белинским как «одно из тех капитальных произведений, которые составляют эпохи в литературах» (VI, 527), окончательно убеждают его в мощи русской литературы и ее огромной общественной роли. Новым в данном обзоре является утверждение Белинского, что в настоящее время чувство современности, понимание общественных нужд («кровное сочувствие к современному миру») должно быть необходимо присуще истинному поэту. По свидетельству Белинского, из обозрения в цензуре «вырезан целый лист печатный» (XII, 128).

В четвертом обозрении (за 1843 г.) Белинский еще сильнее подчеркивает мысль об общественной роли литературы. Если в предыдущих двух обзорах Белинский рассматривал литературу как «сознание общества», «верное зеркало общества», то теперь он требует от литературы, чтобы она стала «не только верным отголоском общественного мнения, но и его ревизором и контролером» (VIII, 87).

Полемические элементы присутствовали во всех предыдущих четырех обозрениях Белинского, но в пятом (за 1844 г.) полемическая направленность является в полном смысле слова организующим началом. Бо́льшая часть статьи посвящена разбору новых изданий стихотворений славянофильских поэтов Н. М. Языкова и А. С. Хомякова. Как правильно отметил Чернышевский, эти стихотворения привлекли внимание Белинского «вовсе не по эстетическим соображениям»: Белинскому важно было выяснить «отношение стихотворений Языкова и Хомякова к нашей жизни» (III, 258). И в самом деле, Белинский использует произведения славянофилов в целях раскрытия реакционных основ славянофильского учения в целом, т. е. борьба по литературным вопросам перерастает у Белинского в борьбу по вопросам общественно-политическим.

Шестое обозрение (за 1845 г.), последнее из опубликованных в «Отечественных записках», также насквозь полемично. Уделив много места разоблачению «неистовой и глубокомысленной романтической фразеологии в стихах и прозе», Белинский с полным основанием усматривает ее черты в стихах поэтов-славянофилов. И снова, как то было в обзоре за 1844 г., Белинский, говоря о литературной «партии» романтиков, прежде всего имеет в виду славянофилов с их реакционными взглядами на народ, с их «презрением к толпе».

Характеризуя «дух и направление» литературы за прошедший год, Белинский обращает внимание на укрепление гоголевского направления, которое в середине 1840-х годов проявилось в создании «натуральной школы», открыто заявившей о себе в сборнике Некрасова «Физиология Петербурга» (1845). С этого времени Белинский в своих статьях (в том числе и в годовых обзорах) постоянно обращается к писателям и произведениям «натуральной школы» как свидетельству демократизации русской литературы, борется за торжество этой школы, всеми силами защищая ее от нападок реакционной критики.

«Взгляд на русскую литературу 1846 года», открывший первый номер обновленного «Современника», — не только обычное обозрение, но и программа журнала, причем не только по вопросам эстетическим. Философская и научно-историческая проблематика обзора, а также его полемическая направленность против славянофильства и либерального западничества придают ему яркую публицистическую окраску. С еще большей, по сравнению с предыдущими обзорами, глубиной Белинский здесь применяет исторический метод в подходе к литературным явлениям. Главная цель довольно подробного историко-литературного экскурса — проследить «живую историческую связь» между отдельными, казалось бы, совершенно изолированными моментами развития русской литературы, итогом которого явилась современная «натуральная школа».

Последний обзор Белинского — «Взгляд на русскую литературу 1847 года» — это завершение его борьбы за передовую реалистическую литературу, его завещание как критика и публициста последующим поколениям. Оно со всей наглядностью демонстрирует новаторство Белинского как обозревателя, особенно если сравнить его с обозрениями 1820—1830-х годов, историю которых Белинский изложил в начале данного обзора.

Одиннадцать статей о Пушкине, публиковавшихся в «Отечественных записках» (1843—1846), — это монографическое, историко-литературное исследование, посвященное творчеству Пушкина в целом и развернутое на широком литературном фоне: более 100 страниц журнального текста (первые три статьи и начало четвертой) отведены на характеристику дальних и близких предшественников Пушкина. Но это исследование имеет свою специфику, обусловленную тем, что оно написано жур-

налистом и предназначалось для журнала. И композиция цикла, и отбор вопросов, требующих рассмотрения, и система аргументации, и, наконец, самый характер изложения—все направлено к тому, чтобы читатель журнала, не будучи специалистом-литературоведом, смог понять и усвоить то, что ему предлагает критик. Поэтому каждая статья имеет заголовок, который формулирует ее тему и раскрывает содержание. Поскольку статьи печатались в журнале с перерывами, да, кроме того, у читателя, приступившего к чтению очередной статьи, могло не оказаться под руками предшествующих номеров журнала, Белинскому приходилось в начале статьи кратко излагать сказанное ранее.

«Пафос», т. е. отличительную особенность творчества Пушкина, Белинский видит в том, что «Пушкин был первым русским поэтом-художником» (VII, 320). Этим Белинский отнюдь не хочет сказать, что Пушкин будто бы был отрешенным от жизни поэтом, защитником чистого искусства (так Пушкина будут истолковывать либеральная критика 1850—1860-х годов): Белинскому важно было подчеркнуть, что Пушкин дал нашей поэзии не только русское содержание (это делали и до него, например Кантемир, Сумароков, Державин, Грибоедов, Крылов и др.), но и самобытную, национальную русскую форму. Настаивая на том, что Пушкин «дал нам поэзию как искусство, как художество» (VII, 579), Белинский обращает внимание на свойственный Пушкину «такт действительности», т. е. жизненность содержания его произведений, реальность, типичность созданных поэтом образов. Господствующей идеей поэзии Пушкина критик считает «внутреннюю красоту человека и лелеющую душу *гуманность*» (VII, 339). При всей несхожести творческих манер Пушкина и писателей «натуральной школы» последние, по Белинскому, усвоили и развили дальше характерное для поэзии Пушкина «чувство *гуманности,* разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека» (VII, 579).

Будучи историко-литературным исследованием, статьи о Пушкине, как и другие литературно-критические статьи Белинского 1840-х годов, были заметно насыщены публицистикой. Не только в многочисленных отступлениях «по поводу», но также в конкретных наблюдениях и истолкованиях текстов произведений Пушкина и других поэтов Белинский зачастую выступает как публицист. Например, процитировав во второй статье цикла пессимистическое стихотворение Жуковского «Теон и Эсхин», в котором защищалась идея счастья не на земле, а на небе («там»), Белинский с возмущением восклицает: «Прекрасно! Но неужели же из этого следует, чтобы мы *здесь* [на земле] сидели сложа руки, ничего не делая, питаясь высокими мыслями и благородными чувствованиями?.. Нет, и еще раз — нет!» (VII, 194). В отличие от Жуковского, который признает только «внутренний мир сердца», Белинский со всей страстностью революцио-

нера-демократа ратует за мир «общественной деятельности — тот великий мир, где мысль становится делом, а высокое чувствование — подвигом» (VII, 195). В этих словах критика нетрудно было увидеть призыв к борьбе за изменение социальных порядков. Так в цикле статей о Пушкине Белинскому удалось осуществить органическое сочетание трех аспектов: историко-литературного, литературно-критического и публицистического.

Журнальные статьи, которые Белинский писал для отделов критики, посвящались, как правило, произведениям, сыгравшим существенную роль в развитии русской литературы. Характер, построение и даже стиль такой статьи зависели от жанра рецензируемого произведения (или произведений), его проблематики, от особенностей дарования автора, а также от той цели, которую ставил перед собой Белинский как критик и публицист. Здесь у Белинского все серьезно. Он стремится определить место анализируемого произведения (или произведений) в общем развитии русской литературы, показать связь творчества писателя с жизненными потребностями современности, раскрыть характер таланта автора, особенности его индивидуальной творческой манеры. К лучшим литературно-критическим статьям Белинского в период его сотрудничества в «Отечественных записках» принадлежат статьи о Лермонтове и Гоголе.

Две статьи, посвященные Лермонтову, — о «Герое нашего времени» (1840, № 6 и 7) и о «Стихотворениях» (1841, № 2), — отделенные одна от другой всего полугодом, отражают две стадии в общественном развитии Белинского: между этими статьями стоит известное письмо к Боткину от 4 октября 1840 г., в котором Белинский «проклял» свое «гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью». Поэтому если в статье о романе Лермонтова еще ощущаются следы «примирительных» умонастроений — показательна в этом отношении концовка статьи, где выражается надежда на то, что Печорин в будущем сможет «признать разумность и блаженство жизни» (VI, 269), — то статьей о «Стихотворениях» Лермонтова Белинский уже утверждает право писателя на отрицание (критику) существующей действительности, и в этой связи он высоко оценивает гражданскую лирику Лермонтова. В статье о «Стихотворениях» Лермонтова Белинский впервые выступил с требованием «субъективности», понимаемой как способность и обязанность художника живо откликаться на вопросы, волнующие современников, и остро критиковать социальное зло. Статьи о Лермонтове свидетельствуют о постепенном переходе Белинского от философской и эстетической критики к критике исторической, к обогащению литературной критики элементами публицистики.

«Искусство поэта должно состоять в том, чтобы развить на деле задачу: как данный природою характер должен образоваться при обстоятельствах, в которые поставила его судьба»

(IV, 205), — под таким углом зрения Белинский рассматривает весь «ход» романа «Герой нашего времени», образы героев, и прежде всего Печорина. Он показывает обусловленность характера и поведения героя общественными условиями. Самоанализ («рефлексия»), сомнение и даже эгоизм (при «силе духа и могуществе воли» и почти детской доверчивости и искренности) — это не личные качества Печорина: они типичны для большей части мыслящей интеллигенции времени последекабрьской реакции. Это и дало право Лермонтову, доказывает Белинский, назвать Печорина «героем нашего времени», вложив в слово «герой» смысл не оценочный (лучше всех), а социально-исторический (такой, как многие). Обстоятельства сделали этого сильного духом человека ненужным в жизни, и в этом трагедия передовой молодежи того времени. «„Герой нашего времени" — это грустная дума о нашем времени», — так определил Белинский основную идею романа. Поэтические произведения Лермонтова, и особенно его гражданская лирика («И скучно и грустно...», «Дума», «Поэт», «Не верь себе» и др.), еще более утвердили Белинского в мысли, что Лермонтов «великий поэт: он объективировал современное общество и его представителей» (XI, 527). Процитировав всю последнюю часть «Думы», начиная от слов «И ненавидим мы и любим мы случайно», Белинский заявляет: «Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!.. И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?...» (IV, 522).

И «Герой нашего времени», и стихотворения Лермонтова Белинский рассматривал не только в русле развития литературы, но и как факт отражения современного сознания. Он дал совершенно точное определение места Лермонтова в истории русской литературы и русской общественной мысли: «Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; но везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце... Да, очевидно, что Лермонтов поэт совсем другой эпохи и что его поэзия — совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества» (IV, 503).

В статьях о Лермонтове (как и во многих других подобных статьях) ярко проявились способности Белинского не только как критика-публициста, но и критика-художника. Например, статья о «Герое нашего времени» построена по принципу пересказа с цитатами, но пересказа художественного, в котором критик как бы вступает в соревнование с самим автором. «Мы хотели, — говорит Белинский, — чтобы в нашем изложении содержания романа видны были и характеры действующих лиц и сохранена была внутренняя жизненность рассказа, равно как и

его колорит» (IV, 218). И критик это исполнил в совершенстве. Белинский настолько «вживался» в образы рецензируемых произведений, что зачастую уже от себя дополнял их. Так поступил он, например, с образом Грушницкого. «По художественному выполнению это лицо стоит Максима Максимыча: подобно ему, это тип, представитель целого разряда людей, имя нарицательное», — пишет Белинский о Грушницком (IV, 227). Критик подчеркивает в нем страсть рисоваться, идеальничать, производить эффект и т. д. Приводя ряд лермонтовских характеристик Грушницкого, Белинский заключает: «Мы к этому очерку прибавим от себя только то, что они [люди типа Грушницкого] страх как любят сочинения Марлинского, и чуть зайдет речь о предметах, сколько-нибудь не житейских, стараются говорить фразами из его повестей» (IV, 228). Указание Белинского на обязательную любовь Грушницкого к романтическим повестям Марлинского, с их «идеальными» (отрешенными от жизни) героями, «бушующими» страстями и «фразистым», цветистым языком, делает еще более рельефным созданный Лермонтовым образ.

В 1842 г. вышли «Мертвые души» Гоголя и сразу же возбудили споры как литературные, так и общественно-политические. Открытыми противниками Гоголя выступили Булгарин и Греч в «Северной пчеле», Сенковский — в «Библиотеке для чтения» и Н. Полевой — в «Русском вестнике». В один голос они заявляли, что Гоголь — грязный писатель, что «Мертвые души» — это карикатура и поклеп на русскую действительность. Но у Гоголя были и «друзья», которые, не скупясь на похвалы и полукомплименты, по существу также всеми силами старались лишить «Мертвые души» их обличительного характера. Такими лжедрузьями оказались славянофилы К. Аксаков, выпустивший брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души"» (М., 1842), и Шевырев, один из руководителей журнала официальной народности «Москвитянин», выступивший в своем журнале с пространной статьей о новом сочинении Гоголя (1842, № 7-8).

Аксаков, сравнивая поэму Гоголя с гомеровским эпосом, воспринимал ее как «величавое изображение русской жизни», а героев ее как «прекрасных» людей. Шевырев тоже наделял героев «Мертвых душ» положительными чертами, а о всей поэме писал, что Гоголь, к сожалению, пока представил русскую жизнь только в «пол-обхвата», средствами «комического юмора», но что во втором томе поэмы автор, безусловно, изобразит идеальные стороны русской жизни, которых будто бы куда больше, чем отрицательных.

В борьбе с реакционной критикой Белинский раскрыл обличительный пафос «Мертвых душ», показал их общественно-литературное значение. Уже в первой своей рецензии на «Мертвые души» («Отечественные записки», 1842, № 7) Белинский опре-

делил поэму Гоголя как великое творение, «столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности», «творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое» (VI, 217). Вслед за рецензией на «Мертвые души» Белинский в том же номере журнала под только что созданной рубрикой «Журнальные и литературные заметки» дал решительную отповедь «Северной пчеле», исказившей содержание и направление «Мертвых душ». Затем в «Отечественных записках» 1842 г. Белинский еще четыре раза специально выступал по поводу «Мертвых душ». Он опубликовал рецензию на брошюру К. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя...» (№ 8), в которой «прямо и определенно» раскрыл реакционность позиции славянофила Аксакова в трактовке творчества Гоголя. Сенковскому Белинский ответил остроумной статьей «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (№ 9), написанной в форме диалога, Шевыреву — в «Литературных и журнальных заметках» (№ 10). А когда на рецензию Белинского о брошюре Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя...» последний ответил в «Москвитянине» своим «Объяснением по поводу поэмы Гоголя „Мертвые души"», в критическом отделе «Отечественных записок» (№ 11) появилось «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя „Мертвые души"» — одно из ярких образцов полемической публицистики Белинского.

«Мертвые души» давали Белинскому богатый материал для переключения разговора с читателем из плоскости литературной в плоскость социальную. И здесь Белинский использует свой излюбленный критико-публицистический прием: воспринимая действующих лиц художественного произведения как живых людей, он созданные Гоголем художественные образы погружает в реальную действительность и посредством их выносит суровый приговор социальным порядкам тогдашней России. Так, в «Объяснении на Объяснение...» Белинский, раскрывая сатирический пафос поэмы Гоголя, пишет: «Тем-то и велико создание „Мертвые души", что в нем сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей и мелочам этим придано общее значение. Конечно, какой-нибудь Иван Антонович, кувшинное рыло, очень смешон в книге Гоголя и очень мелкое явление в жизни, но если у вас случится до него дело, так вы и смеяться над ним потеряете охоту, да и мелким его не найдете... Почему он так может показаться важным для вас в жизни, — вот вопрос!..» (VI, 431). Указание на жизненность образа чиновника гражданской палаты Ивана Антоновича, берущего взятки для себя и для своих начальников (с ведома и покровительства последних), и дважды употребленное «наводящее» многоточие делают понятной скрытую мысль Белинского: трудно, ох как трудно суще-

ствовать необеспеченному человеку, находящемуся в зависимости от разного рода Иванов Антоновичей, которые олицетворяют собою продажный государственно-бюрократический аппарат самодержавной России. Художественную образность «Мертвых душ» Белинский использовал и для критики буржуазной лжедемократии. В европейских государствах, отмечает Белинский, действуют «те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на *свободных* парламентских выборах» (VI, 360).

Замечательным свидетельством умения Белинского сочетать литературную критику с публицистикой является его статья о романе французского писателя Эжена Сю «Парижские тайны» («Отечественные записки», 1844, № 4). Роман, в котором уделено большое внимание бедственному положению простого люда в период после французской революции 1830 г., послужил поводом для оценки Белинским событий 1830 г. и их последствий с позиций революционной демократии. Белинский показывает, как буржуазия («партия среднего сословия») в борьбу за свои права втянула простой народ, который сражался с героическим самоотвержением. Сотни честных тружеников погибли в этой борьбе. А когда народ победил, результатами его победы воспользовались представители буржуазии, которые «повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей и, загребая жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности» (VIII, 171). Положение простого народа «не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего». Яркими красками рисует Белинский буржуазную лжедемократию. Буржуазное законодательство формально как бы уравнивает в правах пролетария и собственника (например, они судятся одним судом и по равной вине должны наказываться одинаково), но, поскольку право частной собственности сохраняется и строго защищается законом, собственник может безнаказанно эксплуатировать пролетария, и вообще он «смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра» (VIII, 172). «Хорошо равенство!» — иронически восклицает Белинский.

Статья написана так, что все рассуждения Белинского о нищенском положении, экономическом притеснении французского народа читатели «Отечественных записок» легко могли отнести и к положению русских тружеников, закабаленных экономически и политически. И не столько Францию, сколько Россию имел в виду Белинский, когда высказывал свою горячую веру в социальное переустройство общества, которое осуществится силами самого простого народа и в его интересах: «Но искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое

и чистое пламя. Народ — дитя, но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума» (VIII, 173).[72]

Помимо статей критических, Белинский написал много серьезных «положительных рецензий», посвященных произведениям, которые не составляли эпоху в литературе, но могли быть полезны и интересны современному читателю. В этих рецензиях чувствуется глубокое уважение к автору со стороны критика, который стремится, чтобы его рецензия помогла произведению найти своего читателя. Доброжелательное отношение к автору не мешало Белинскому отмечать имеющиеся в произведении недостатки, но он это делал бережно, предупредительно, как строгий ценитель и добрый советчик и друг. Известно, какую заботу и внимание оказывал Белинский Кольцову и молодым литераторам «натуральной школы», будущим крупнейшим писателям Некрасову, Тургеневу, Достоевскому и др. Свои советы и рекомендации писателям Белинский охотно высказывал как в рецензиях, так и во время личных встреч и бесед.

За время своей журналистской деятельности Белинский написал более ста остроумных отрицательных, иногда шутливых, а иногда и остро иронических рецензий и отзывов о разного рода бездарных и эпигонских произведениях книжной промышленности. Несмотря на то, что такая работа до предела изнуряла Белинского (ведь для того, чтобы сказать о книге две или три фразы, ему приходилось прочитывать и просматривать сотни страниц), он как демократ-журналист никогда ею не пренебрегал. «Предостерегать публику от плохих сочинений есть одна из главнейших обязанностей добросовестного журнала» (VII, 585), — настаивал Белинский. Но чтобы такая «остерегающая» рецензия достигла цели, рецензенту, по мнению Белинского, лучше вынести суровый приговор книге не путем серьезного разговора с читателем, а совсем иными средствами.

Как автор отрицательных (иронических) рецензий, Белинский выработал целую серию критических и полемических приемов. К ним относятся: иронический пересказ содержания, иронический комментарий к приводимым цитатам, особая манера цитирования, сопровождаемая курсивными выделениями некоторых слов и словосочетаний, вопросительными и восклицательными знаками и ироническими ремарками в скобках. Неодно-

---

[72] В настоящее время установлено, что статья Белинского о романе Сю вскоре появилась в лейпцигской «Газете для элегантного мира» (в переводе сотрудника «Отечественных записок», хорошего знакомого Белинского, К. Липперта), причем этот текст имеет ряд очень важных дополнений по сравнению с публикацией в «Отечественных записках». Очевидно, Липперт перевел статью Белинского не с печатной редакции, а с первоначальной, более полной рукописи или с доцензурной корректуры, т. е. с текста, еще не подвергавшегося сокращению и искажению в цензуре (см.: А. Дубовиков. Новое о статье Белинского «Парижские тайны» (по материалам зарубежной печати 1840-х годов). «Литературное наследство», т. 56, стр. 471—496).

кратно использовал Белинский полемические приемы Пушкина: мнимое согласие с мнением критикуемого автора, ироническое сопоставление творчества двух бездарных писателей, построенное по принципу пародийного восхваления. Очень часто Белинский прибегал и к такому приему, как откровенное признание в том, что, читая рецензируемое произведение, он с трудом преодолевал зевоту и сонливость. Бывали случаи, когда оценка критикуемого сочинения давалась с помощью цитаты из него, иногда сопровождаемой ироническим выводом рецензента. Например, выделив курсивом следующие две строки в цитате из сборника стихотворений А. Папкевича: «Он видит всюду красоты И безобразия не знает», — Белинский заключает: «Именно не знает, бедняжка: иначе как бы решился он печатать свои стихотворения» («Отечественные записки», 1840, № 5; ПСС, т. IV, 162).

Жанром отрицательной рецензии на низкопробные литературные произведения Белинский неоднократно пользовался в целях публицистических. Такова, например, его рецензия на детскую книжку «Благовоспитанное дитя, или Как должно себя вести» («Современник», 1848, № 2). Вся рецензия выдержана в тоне мнимой похвалы этой «удивительной», «несравненной», «доброй» книжке. Но за этими ироническими похвалами скрывается справедливое негодование рецензента, прекрасно понимающего, какой огромный общественный вред может принести книжка воспитанию подрастающего поколения, поскольку ее автор заботится о воспитании не человека и гражданина, а «тупого», «благонравного», «благонамеренного» обывателя, покорного властям придержащим, который «чрезвычайно успевает по службе и в свете» (X, 378).

Весьма значительно наследие Белинского как театрального критика. Кроме рецензий и библиографических отзывов на отдельные издания пьес и на отдельные номера театральных органов печати («Пантеон русского и всех европейских театров», «Репертуар русского театра») Белинский в 1840-е годы в «Отечественных записках», «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду"» и «Литературной газете» опубликовал свыше тридцати театральных рецензий и обзоров. Такое внимание Белинского к театральной критике объясняется прекрасным пониманием им огромной воспитательной роли театра. Он сурово оценивает тогдашний драматический репертуар, в котором после «Бориса Годунова» Пушкина и комедий Грибоедова и Гоголя не появилось ни одной хорошей пьесы; театры забиты пустыми комедиями-однодневками, топорными русскими или переделанными с французского водевилями, казенно-патриотическими драмами, романтическими мелодрамами. Только огромному сценическому мастерству актеров (и прежде всего М. С. Щепкину) многие пьесы обязаны своим существованием на сцене.

Белинский обладал исключительной способностью «открывать» актеров и поддерживать их. Так, еще в 1838 г., увидев в Москве на гастролях А. С. Мартынова, начинающего водевильного артиста петербургского Александринского театра, Белинский предугадал в нем большой талант. В последующие годы он «с внимательностью и любовью» следил за развитием таланта Мартынова и уже в 1840 г., вопреки реакционной критике, заявил, что с течением времени Мартынов может стать «петербургским Щепкиным». Прогнозы Белинского полностью оправдались: отойдя в 1840—1850-е годы от водевильного репертуара и выступая в драме и серьезной комедии, в первую очередь в пьесах Гоголя и Островского, Мартынов зарекомендовал себя как талантливейший преемник Щепкина, его соратник в борьбе за демократическое и реалистическое театральное искусство.

И своим театральным рецензиям и отчетам Белинский умел придавать публицистическую заостренность. В отчете «Александринский театр. Щепкин на петербургской сцене» («Литературная газета», 1844, № 44) Белинский, утверждая, что «Ревизор» Гоголя «столько же трагедия, сколько и комедия», ссылается на городничего мечтающего о генеральстве (сцена из V действия). Критик раскрывает перед читателем, какую бесконтрольную власть получит новый генерал над всеми, кто ниже его чином или вовсе без чина. «Представьте себе такого человека действительно генералом... Захочется ли вам смеяться?..» (VIII, 416), — спрашивает Белинский и здесь используя свои излюбленные публицистические приемы — перемещение литературного персонажа в жизненную плоскость и «наводящее», многоточие.

По самому характеру своей творческой натуры Белинский имел бо́льшую склонность к острым полемическим выступлениям. И только сложные цензурные условия не позволили в полную меру развиться его дару как полемиста и памфлетиста. Он жаловался друзьям: «Ну какой я литературный критик! Я рожден памфлетистом — и не сметь пикнуть о том, что накипело в душе, отчего сердце болит!»[73]

Внутренним нервом такого сатирического жанра, как памфлет, Белинский считал особого рода иронию, сдержанную внешне, но убийственную, беспощадную по существу. В тоне такой глубоко разящей, но спокойной по форме иронии написаны два памфлета Белинского — «Педант» (1842) и «Тарантас» (1845), которые он сам относил к числу своих лучших журнальных выступлений. «Если мне удалось в жизнь мою написать статей пяток, в которых ирония играет видную роль и с бо́льшим или меньшим уменьем выдержана, — это произошло совсем не от спокойствия, а от крайней степени бешенства, породившего своею сосредеточенностью другую крайность — спокойствие. Когда я писал тип на Шевырку и статью о „Тарантасе", я был

[73] И. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 303.

не красен, а бледен и у меня сохло во рту, отчего на губах и не было пены», — признавался Белинский в письме к Боткину 28 февраля 1847 г. (XII, 339). Оба памфлета имеют черты сходства. Во-первых, это политические памфлеты; они посвящены разоблачению антидемократических общественных течений: официальной народности («Педант») и славянофильства («Тарантас»). Во-вторых, как тот, так и другой памфлет написан в одной манере — «холодной» иронии. И в то же время каждый из этих памфлетов содержит свои отличительные (видовые в пределах одного жанра) особенности.

«Педант» — это памфлет в форме физиологического очерка. Рецензируя первые пять выпусков иллюстрированного сборника физиологических очерков «Наши, списанные с натуры русскими», выходившего под редакцией А. П. Башуцкого («Отечественные записки», 1842, № 2), Белинский рекомендовал включить в серию «Наших» и «русские типы», взятые из области литературы. Дав своему памфлету «Педант» подзаголовок «Литературный тип», Белинский осуществил свой собственный совет издателю и редактору «Наших».[74] Как видно из концовки «Педанта», Белинский предполагал в будущем представить еще одну разновидность «литературного типа», а именно «циника-литератора». Выделив такую черту характера и поведения человека, как педантизм,[75] Белинский сделал ее ведущей в характеристике «литературного типа»; герой памфлета учитель словесности, литератор и журналист Лиодор Ипполитович Картофелин — стопроцентный педант.

Однако Белинский выходит за рамки чисто психологической обрисовки педанта как «литературного типа»: он показывает, как психологический педантизм привел Картофелина на реакционные политические позиции. «Ненависть и отвращение ко всему живому и разумному» в педанте увеличивается с каждым годом, и слово «идея» он уже не может «слушать без ужаса». Педант «принимает под свое критическое покровительство все бездарное и ложно-моральное [реакционное] и наповал бранит все, в чем есть жизнь, душа, талант». Зачастую в полемике с литературными и политическими противниками «рецензия его превращается в площадную брань, критика становится похожа на позыв к ответу за делание фальшивой монеты», т. е. на донос (VI, 74, 75).

В памфлете «Педант» Белинский создал сатиру с точным «адресом». За общими характерными для данного «типа» чер-

---

[74] Сам Белинский называл «Педант» «типическим очерком» (VI, 636).

[75] «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля так определяет слово «педант»: «1) строгий, точный, придирчивый мелочник, требующий соблюдения в деле внешностей, околичностей, порядка, 2) тяжелый и упорный последователь раз принятому, одностороннему порядку, 3) самоуверенный ученый, некстати требующий от всякого одинакового с собою взгляда, 4) школяр, научник» (т. III. СПб.—М., 1882, стр. 27).

тами отчетливо вырисовывается конкретный образ — личный портрет Шевырева. Белинскому удалось не только воспроизвести основные факты личной и общественной биографии этого рьяного защитника самодержавия, православия и правительственной народности, но и с почти «фотографической» точностью нарисовать его внешний портрет: «Росту он весьма небольшого; в молодости был сухощав и тщедушен, а теперь довольно осанист и имеет брюшко, несколько четвероугольное, похожее на фолиант... Глаза у него серые, а волосы средние между русыми и рыжеватыми; на правой щеке бородавка с довольно длинною косичкою» (VI, 70). Одних содержащихся в памфлете деталей портретного сходства было достаточно, чтобы читатели сразу же разгадали «адресата» сатиры. Боткин писал об этом Белинскому вскоре по прочтении «Педанта»: «На этой неделе видел 2 раза Шевырева в концертах. Святители! Как это заочно ты мог так разительно верно схватить всю его личность! „Натянутая важность лица при смешной фигуре и брюшке" и проч. — живой Шевырев!» Раскрытию объекта сатиры помогало также само имя героя памфлета — Картофелин, которое в сознании современников было прочно связано с именем Шевырева благодаря широкораспространенной пародии Н. Полевого на стихотворение Шевырева «Рим»; эту пародию Полевой в 1832 г. поместил в сатирическом прибавлении к «Московскому телеграфу» — «Камер-обскура книг и людей» за подписью «Картофелин». Для большей убедительности и сатирической остроты Белинский полностью процитировал в своем памфлете стихотворную пародию Полевого, но цензура ее не пропустила. Таким образом, приближаясь по форме к физиологическому очерку, «Педант» по существу является острым памфлетом портретного характера. Очевидно, в таком же «ключе» Белинский намеревался написать памфлет и с изображением «циника-литератора», поскольку даже немногие слова, сказанные Белинским о герое своего будущего памфлета, были вполне достаточны, чтобы заранее определить, что в нем речь пойдет о М. П. Погодине. Этого памфлета Белинский так и не написал, но зато он создал, правда, уже в другой сатирической манере, свой памфлет «Тарантас».

Второй памфлет Белинского написан в форме рецензии на сочинение В. Соллогуба «Тарантас», которое послужило для Белинского поводом к созданию сатиры на славянофилов. Здесь Белинский опирается на публицистический опыт Пушкина, который под видом библиографического известия о «Записках» начальника французской полиции Ж.-Э. Видока создал убийственный по своей иронии памфлет, направленный против агента III отделения Ф. Булгарина («Литературная газета», 1830, № 20). В книге Соллогуба выведен путешествующий помещик Иван Васильевич, рассуждения которого Белинский, вопреки истинным намерениям автора, использовал как сатиру на сла-

вянофильские доктрины. Исходя из своей основной посылки, что «Тарантас» — это «сатира, исполненная ума, остроумия, мысли, юмора, художественности» (IX, 117) и что убеждения автора не имеют ничего общего с воззрениями его героя Ивана Васильевича, Белинский под таким углом зрения стремится, по его собственным словам, «проследить все развитие этого произведения, беспрестанно выражаясь словами автора или прибегая к выпискам» (IX, 78). Если бы Белинский ограничился только этим, перед нами была бы критическая статья, полемически заостренная. Но Белинский пошел дальше: опираясь на свое истолкование идеи «Тарантаса», он создал собственное оригинальное, полемическое в основе своей произведение — политический памфлет, в котором средствами комизма и иронии раскрывается реакционная сущность славянофильства как идейного течения. В тексте памфлета Белинский везде (за исключением только цитат) имя героя — Иван Васильевич — набрано курсивом. Такой типографский прием уже сам по себе настораживал читателя: не об Иване ли Васильевиче Киреевском, одном из вожаков славянофилов, идет здесь речь? Дальнейшие характеристики Ивана Васильевича как заимствованнные критиком из текста «рецензируемого» произведения, так и составленные им самим (и это в большей степени) окончательно убеждают читателя в правильности подобного предположения.

Однако было бы неверно видеть и в «Тарантасе» портретный памфлет, аналогичный «Педанту». В «Тарантасе» Белинский вовсе не стремится дать «личный портрет» одного из славянофилов. По существу он воссоздает здесь «общественный портрет» славянофильства в целом, подчеркивая во мнениях, чувствах, поведении Ивана Васильевича то, что было типично для славянофилов. Не случайно имя героя Белинский часто употребляет во множественном числе. Он говорит, что современная действительность «кишит *Иванами Васильевичами*», он благодарит героя «Тарантаса» за то, что тот «сказал всему свету, как зовутся по имени и отчеству люди известного разряда; их зовут *Иванами Васильевичами*» (IX, 80, 117). Сближая образ Ивана Васильевича с образом Дон-Кихота, Белинский отмечает склонность того и другого к «чисто теоретическим, книжным, вне жизни и действительности почерпнутым убеждениям» (IX, 81); но если герой Сервантеса, по Белинскому, — «прекраснейший и благороднейший человек, истинный рыцарь без страха и упрека», то герой Соллогуба, напротив, «мелок и ничтожен» (IX, 80, 79).[76] Любимый прием Белинского видеть в героях литера-

---

[76] Приемом сопоставления образа Дон-Кихота Сервантеса со славянофилами — этими «микроскопическими Дон-Кихотами», которых «в наше время развелось на Руси многое множество» (IX, 82), введенным Белинским, впоследствии воспользовался Д. И. Писарев. Его полемическая статья «Русский Дон-Кихот» (1862) была посвящена критике славянофильства, и в частности воззрений того же И. В. Киреевского.

турных произведений живых, реальных людей блестяще использован, причем в сатирических целях, в «Тарантасе». Чтобы глубже раскрыть пустоту и ничтожество людей, подобных Ивану Васильевичу, их полную отрешенность от существенных жизненных потребностей, Белинский заставляет читателей встречаться и беседовать с Иваном Васильевичем.

Но не только в славянофилов метил Белинский в своем памфлете. Как установлено теперь, образу Ивана Васильевича Белинский придал некоторые черты Шевырева: герой Белинского развивает также идеи, содержащиеся в статьях не Киреевского, а Шевырева.[77] И Белинский, надо полагать, сделал это сознательно: ему важно было подчеркнуть не столько различие славянофильства и официальной народности, сколько их сходство. Не случайно в этом же памфлете Белинский обращает внимание на общность методов полемики славянофилов и представителей официальной народности со своими противниками: каждый, кто не соглашается с мнением Ивана Васильевича, определяется им как «человек безнравственный, вредный», т. е. вольнодумец.

Знаменитое зальцбрунnское «Письмо к Гоголю» Белинского от 15 июля 1847 г. хотя и является ответом на письмо Гоголя, по самому своему характеру как откровенно публицистическое произведение не может относиться к обычному эпистолярному жанру. Поэтому его иногда характеризуют как памфлет. Однако правильнее, как это предложено современным исследователем, отнести «Письмо к Гоголю» к жанру открытого письма.[78]

В самом деле, создавая письмо, Белинский прекрасно понимал, что оно обязательно выйдет за рамки личной переписки. Именно поэтому перед отправкой письма он снял для себя копию, чего обычно не делал, охотно знакомил друзей с текстом письма и давал его переписывать, т. е. сам способствовал его распространению. Критик не столько высказывал писателю свое личное, частное мнение о нем самом и его книге, сколько выражал мнение передовой части общества. «Я представляю не одно, а множество лиц» (X, 212), — заявляет Белинский и подчеркивает в конце письма: «Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России». (X, 220). И ведь все это он писал не просто идейному противнику, а величайшему писателю, которого «любил со всею страстью, с какою человек, кровно связанный

---

[77] См.: В. И. Кулешов. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1958, стр. 204, 205.

[78] См.: П. С. Карасев. Открытое письмо — публицистический жанр. Сб.: «Проблемы газетных жанров». Изд. ЛГУ. 1962, стр. 41—43. — Точку зрения П. С. Карасева поддерживает Е. П. Прохоров в своем учебно-методическом пособии «Эпистолярная публицистика» (Изд. МГУ, 1966, стр. 30—33).

со своею страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса» (X, 212). Не скованный ни журнальной, ни почтовой цензурой, Белинский единственный раз в своей жизни смог создать открыто публицистическое произведение, несравнимое ни с каким другим по силе воздействия на читателей и слушателей.

Вся многообразная и целенаправленная деятельность Белинского-журналиста, самая личность его как трибуна-борца сыграли исключительно важную роль в общественном, эстетическом и нравственном развитии не только современников, но и будущих поколений. И потому Добролюбов имел все основания заявить в «Современнике» в 1859 г.: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением. До сих пор его влияние ясно чувствуется во всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного... Во всех концах России есть люди, исполненные энтузиазма к этому гениальному человеку, и, конечно, это лучшие люди России!»[79]

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ

Тексты

1. Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века. Под ред. проф. А. В. Западова. М., изд. «Высшая школа», 1965.
2. Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 1. М., 1952.
3. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах. М., Изд. АН СССР, 1953—1959 (или: Собр. соч. в 3-х томах. М., Гослитиздат, 1948; Избр. письма в 2-х томах. М., Гослитиздат, 1955).
4. А. И. Герцен. «Москвитянин» о Копернике; Путевые записки г. Вёдрина; «Москвитянин» и вселенная; О развитии революционных идей в России (гл. 5 и 6); Былое и думы (гл. 25, 29, 30). Собр. соч. в 30-ти томах, тт. II, VII, IX. М., Изд. АН СССР, 1954—1965 (или другое советское издание).
5. Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. Полн. собр. соч. в 16-ти томах, т. III. М., Гослитиздат, 1947 (или другое советское издание).
6. Н. И. Панаев. Литературные воспоминания. Редакция текста, вступительная статья и примечания И. Ямпольского. М., Гослитиздат, 1950.
7. П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. П. Дорофеева. М., Гослитиздат, 1960.
8. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Подготовка текста и примечания А. А. Козловского и К. И. Тюнькина. М., Гослитиздат, 1962.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I, гл. 19—22. Изд. ЛГУ, 1950.
2. История русской критики в двух томах, т. I, гл. 9—12. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958.

[79] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. IV. М.—Л., Гослитиздат, 1962, стр. 277.

3. А. Г. Дементьев. Журналистика во время перехода от дворянского к разночинскому периоду освободительного движения в России. В кн.: В. Г. Березина, А. Г. Дементьев, Б. И. Есин, А. В. Западов, Н. М. Сикорский. История русской журналистики XVIII—XIX веков. Под ред. проф. А. В. Западова. Изд. 2-е. М., изд. «Высшая школа», 1966, стр. 243—303.
4. В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50-е гг. От Белинского до Чернышевского. Изд. писателей в Ленинграде, 1934.
5. В. И. Кулешов. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. Изд. МГУ, 1958.
6. В. М. Морозов. Русский прогрессивный журнал «Финский вестник». Автореф. канд. дисс. Изд. ЛГУ, 1961.
7. М. Гин. Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957.
8. Л. П. Гроссман. Поэтика Белинского (К вопросу о жанре литературно-критических статей Белинского). Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, т. 34, вып. 3, каф. русск. лит. М., 1954, стр. 115—154.
9. Ю. Манн. Поэзия критической мысли. «Новый мир», 1961, № 5, стр. 230—245.
10. Н. И. Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., Гослитиздат, 1950.
11. А. С. Мясников. Белинский-журналист. Уч. зап. МГПИ им. Ленина, т. 57, вып. 3, каф. русск. лит. М., 1949, стр. 23—44.
12. В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836—1841. М., Изд. АН СССР, 1961.
13. В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М., Изд. АН СССР, 1967.
14. Е. И. Покусаев. В. Г. Белинский и русская журналистика. Сб.: «Наследие Белинского». М., изд. «Советский писатель», 1952, стр. 323—370.
15. Е. Прохоров. Белинский-публицист. М., 1963.
16. А. Цейтлин. Белинский — мастер русской литературной критики. Сб.: «Белинский — историк и теоретик литературы». М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, стр. 101—170.
17. В. Боград. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., Гослитиздат, 1959.
18. В. Г. Березина. Жанр годового обозрения литературы в русской журналистике первой половины XIX века. В сб.: Русская журналистика XVIII—XIX вв. Из истории жанров. Изд. ЛГУ, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

18 коп.

